

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2022, №3

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Казаков О.И.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.;
Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.;

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.;
Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.;
Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.;
Крупянка М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.;
Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур
(Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.;
Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Кириченко М.А.; Скворцова Е.М.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Kazakov Oleg I.

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kirichenko Mariya A.; Skvortsova Elizaveta M.

Branch of Science (in the Russian Federation):

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2022, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Кужель Ю.Л., Бреславец Т.И. Художественные особенности пьедесталов, нимбов, мандорл японских буддийских скульптур	6
Лугавцова А.П. Портретная живопись дзэнской школы О:баку как часть традиции буддийского искусства <i>тиндзо</i> :	23
Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.)	39
Киктева М.М. Китай и китайское в энциклопедиях жанра <i>сэцуё:сю</i> : на примере энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан» (<i>Токай сэцуё: хяккацу</i> :; Осака, 1801)	50
Чекункова Е.С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов.....	69
Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы	84

Научная жизнь

Панов А.Н., Нелидов В.В., Стрельцов Д.В., Швыдко В.Г., Белов А.В., Лебедева И.П., Чугров С.В. Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия».....	105
---	-----

Книжная полка

Пестушко Ю.С. К истокам своеобразия айнской культуры. Рецензия на коллективную монографию «Новые источники по истории и культуре айнов»	131
--	-----

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2022, № 3

CONTENTS

Kuzhel Yu.L., Breslavets T.I. Artistic features of pedestals, halos, mandorlas of Japanese Buddhist sculptures	6
Lugavtsova A.P. Ōbaku Zen portrait painting as part of the <i>chinzō</i> tradition of Buddhist art	23
Gonchar V.V., Povolotsky V.D. Japanese medical practices in the Amur Governorate-General (1884–1917).....	39
Kikteva M.M. The image of China and Chinese in <i>setsuyōshū</i> . Case study of “The Complete Compendium of Urban Knowledge” (<i>Tokai setsuyō hyakkatsū</i> , Osaka, 1801).....	50
Chekunkova E.S. Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples.....	69
Minakir P.A., Mazitova M.G. Russian-Japan trade and economic relations: Complicated history and foggy prospects	84
<i>Academic Events</i>	
Panov A.N., Nelidov V.V., Streltsov D.V., Shvydko V.G., Belov A.V., Lebedeva I.P., Chugrov S.V. Roundtable “The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy”	105
<i>Book Review</i>	
Pestushko Yu.S. To the origins of the originality of the Ainu culture. Review of the collective monograph “New Sources on the History and Culture of the Ainu”	131

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-6-22

Художественные особенности пьедесталов, нимбов, мандорл японских буддийских скульптур

Ю.Л. Кужель, Т.И. Бреславец

Аннотация. В статье описываются и анализируются важные иконографические элементы буддийской культовой скульптуры, отличающиеся большим разнообразием и смысловой наполненностью.

Внимание акцентируется на этимологии и семантике пьедесталов, на которых возвышаются скульптуры – в основном сидят или стоят. Благодаря пьедесталам скульптура отделялась от повседневного профанического мира, подчёркивался её статус в иерархии буддийских божеств, демонстрировался возвышенный сакральный характер. Очевидно, что набор пьедесталов достаточно разнообразен. Прослеживается богатство его форм – от простых постаментов, невысоких баз, но имеющих символический смысл, до сложных архитектурных сооружений. Классический пьедестал-трон, являвший каскад из лotosовых цветов, на котором восседали самые значимые представители буддийского мира, выступал манифестацией их божественного происхождения и нравственной чистоты. Исследуются специфические черты пьедесталов – трон как семантический аналог священной горы Сумеру, а также зооморфные троны с различными ездовыми птицами и животными, занимавшие значительное место в многообразном наборе пьедесталов.

Установлено, что лучезарные нимбы в виде дисков, пламенных окружностей, мандорлы вокруг корпуса скульптуры, испускающие лучи, различаются по форме и стилистике. Анализируется их символическая эстетика, рассказывающая о персонажах, их предназначении и роли в сонме буддийских божеств. Нимбы над головой как символ святости имеют простые геометрические формы круга, обруча, а в некоторых случаях вытянуты вверху и украшены символами. Мандорлы богато декорированы, художественно изысканны, демонстрируют мастерство ювелирного искусства. Они придают фигурам царственную величавость и праздничность. Отмечено, что яркость изображений усиливается за счёт золотого блеска, а светозарность образов является причиной искусной орнаментации мандорл и их насыщенного украшения. Мандорлы, за основу которых взят лепесток лотоса, представляют живописный фон и структурно объединяют скульптурную группу.

Сделаны выводы о том, что узоры на пьедесталах, нимбах и мандорлах составляют важный элемент композиции, свидетельствуя об уникальности декоративных решений. Выработанные на протяжении веков типы пьедесталов, часто с нависающими ажурными балдахинами, разнообразные, завершённые по форме ореолы и мандорлы способствовали обогащению пластических образов. Статья даёт представление о том, насколько многообразно в японской иконографии представлены такие важные информационные знаки буддийской скульптуры, как пьедесталы, нимбы и мандорлы.

Ключевые слова: Япония, пьедестал, нимб, мандорла, символ, скульптура, будда, бодхисаттва.

Авторы:

Кужель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет спорта и туризма (адрес: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 43-а). ORCID: 0000-0002-7908-8978; E-mail: korkyr@yandex.ru

Бреславец Татьяна Иосифовна, кандидат филологических наук, профессор кафедры японоведения, Дальневосточный федеральный университет (690922, Владивосток, Русский остров, Аякс, 10, 20D). ORCID: 0000-0001-5836-1747; E-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кузель Ю.Л., Бреславец Т.И. Художественные особенности пьедесталов, нимбов, мандорл японских буддийских скульптур // Японские исследования. 2022. № 3. С. 6–22. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-6-22

Artistic features of pedestals, halos, mandorlas of Japanese Buddhist sculptures

Yu.L. Kuzhel, T.I. Breslavets

Abstract. The article describes and analyzes important iconographic elements of Buddhist cult sculpture, which are distinguished by great diversity and semantic content. Attention is focused on the etymology and semantics of the pedestals on which the sculptures stand or sit. Thanks to the pedestals, the sculpture was separated from the everyday profane world, its status in the hierarchy of Buddhist deities was emphasized, and its sublime sacral character was demonstrated. It turns out that the arsenal of pedestals is quite diverse. The richness of its forms is traced – from simple pedestals, low bases, which still have a symbolic meaning, to complex architectural structures. The classic pedestal-throne, representing a cascade of lotus flowers, on which prominent characters of the Buddhist world sat, was a manifestation of their divine origin and moral purity. The specific features of the pedestals are studied – the throne as a semantic analogue of the sacred mountain Sumeru, as well as zoomorphic thrones with various mounts and animals, which occupied a significant place in the diverse set of pedestals.

It has been established that radiant halos in the form of disks, fiery circles, mandorlas around the body of the sculpture, which are emitting rays, differ in form and style. Their symbolic aesthetics, which tell about the characters, their purpose and role in the Buddhist world, is considered. Mandorlas, based on a lotus petal, make up the picturesque background of the figures and compositionally unite the sculptural group. While halos above the head as a symbol of holiness most often have simple geometric shapes of a circle, or a hoop, and, in some cases, they are elongated at the top and decorated with symbols, mandorlas are always richly decorated, artistically refined and look as if woven from patterns. They give the figures a regal majesty and festivity. It is noted that the brightness of the images is enhanced by the golden sheen, and the luminosity of the images is the reason for the skillful ornamentation of the mandorlas and their rich decoration.

It is concluded that patterns on pedestals, halos, and mandorlas are an important element of the composition, indicating the uniqueness of decorative solutions. The types of pedestals worked out over the centuries, often with overhanging openwork canopies, various halos and mandorlas completed in form, contributed to the enrichment of plastic images. The article gives an idea of how diversely such important informational signs of Buddhist deities as pedestals, halos, and mandorlas are presented in Japanese iconography.

Keywords: Japan, pedestal, halo, mandorla, symbol, sculpture, buddha, bodhisattva.

Authors:

Kuzhel Yuriy L., Doctor of Art History, Professor, Department of Foreign Languages, Moscow State University for Sports and Tourism (address: 433-a, Kronshtadtsky Bull., Moscow, 125499, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7908-8978; E-mail: korkyr@yandex.ru

Breslavets Tatiana I., PhD (Philology), Professor, Japanese Studies Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (address: 20D, 10, Ayaks, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-5836-1747; E-mail: breslavets.ti@dvfu.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Kuzhel Yu.L., Breslavets T.I. (2022). Khudozhestvennyye osobennosti p'yedestalov, nimbov, mandorl yaponskikh buddiyskikh skul'ptur [Artistic features of pedestals, halos, mandorlas of Japanese Buddhist sculptures]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 6–22. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-6-22

Введение

Формирование иконографических принципов буддийского культового искусства в Японии восходит к континентальным художественным традициям. Из Индии через Китай и Корею пришли сложная знаковая система, универсальные представления, в том числе о постаментах 台座 *дайдза*, нимбах 光背 *ко:хай* и мандорлах¹ 拳身光 *кё:синко:* (*косинко:*) представителей буддийского мира. Японские скульпторы 仏師 *бусси* освоили иконографический канон, выработали индивидуальные образные решения, что дало возможность создать оригинальный национальный облик божеств буддийского пантеона, на статус которых указывали разнообразные предметы, заслуживающие пристального изучения.

Образы буддийских божеств часто атрибутируются благодаря пьедесталам, на которых они изображаются сидя, поджав ноги, 座像 *дзадзо:*, стоя 立像 *рицудзо:* или располагаются лёжа в состоянии угасания, вхождения в паранирвану 涅槃像 *нэхандзо:*. Нимбы над головой и мандорлы, охватывающие фигуру сзади, свидетельствуют о принадлежности персонажей к буддам, бодхисаттвам, небесным государям, светлым царям и т.п. Постаменты служат опознавательными знаками, помогающими войти в мир божеств, оценить значимость и место каждого из них в буддийской иерархии. Наполненные смыслом архитектурно сложные или незамысловатые сооружения дают возможность понять, почему божество помещено на тот или иной пьедестал. Нимбы и мандорлы тоже отвечают задачам обозначить роль и значение божеств в сонме других буддийских персонажей. Названные особенности скульптур остаются малоизученными в российском и западном искусствоведении.

Цель исследования – расширить представление о буддийской храмовой скульптуре в Японии через осознание её иконографических деталей. Ставятся задачи выявить и описать пьедесталы, нимбы, мандорлы, проанализировать символику, изучить, какими средствами достигается их художественная выразительность. Исследование построено с учётом изучения буддийской скульптуры такими японскими авторами, как Сакураи Мэгуму, Мори Хисаси, Нисимура Котё, Танака Ёсиясу и др. Используется методология комплексного подхода к анализу эмпирического материала, позволяющего оценивать конкретные детали пластического произведения. Этому способствует система методов: исторический, типологический, сравнительно-сопоставительный, семиотический, аналитический.

¹ От итальянского *миндаль*, служит декоративным фоном-задником для всей фигуры.

Пьедесталы

Доминирующее место в японском буддийском храме занимает алтарь-постамент *дайдза*, по архитектуре простой или со сложной конфигурацией, например, представляющий собой многоярусную террасу 須弥座 *сюмидза* со скульптурой главного божества «истинно-почитаемое» 本尊 *хондзон*. Независимо от формы на алтаре в строгом иерархическом порядке устанавливались скульптуры божеств буддийского пантеона, размещённые на различных пьедесталах в зависимости от своей принадлежности к буддийскому миру. Благодаря постаменту *дайдза* решалась проблема и отделения скульптуры от окружающего мира, и манифестация её принадлежности к высшим сферам. Постамент обладает тектоническими чертами и в художественной форме демонстрирует конструкцию предмета. Его роль состоит не в подавлении фигуры, не в придании декоративности всему изображению, но в высвечивании образа. Разнообразие пьедесталов связывается с множеством божеств. Первые пьедесталы 仏座 *буцудза*, или 金剛座 *конго:дза* («алмазный трон»), появились в Японии вместе со скульптурами в VI в.

В аскетическом буддизме хинаяны Будда не считался сверхъестественным существом, поэтому изображался сидящим на низком троне или стоящим на земле, что приближало его к людям. Похожие скульптуры есть и в японских храмах – сидящий Будда из храма Канимадзи (период Асука, 538–710), стоящий Будда (пер. пол. VII в., Токийский национальный музей). Исторический Будда под деревом мудрости и просветления *бодхи* обычно восседал на квадратной платформе. В буддизме махаяны, получившем распространение в Японии и исходившем из обожествления Будды, признания за ним роли спасителя, прокладывающего путь к познанию абсолютной истины, скульптуру с его изображением стали помещать в чашу лотоса, который ассоциировался с космическим началом. Один или несколько цветов выстраивались в сложную композицию, формируя лотосовый трон. Таким образом, возникала опора для скульптуры.

Восьмиарусный лотосовый трон 蓮華八重座 *рэнгэхатидзю:дза* представляет собой октагональную архитектурную композицию, которая в верхней части завершается открытой чашей из лотосовых цветов, обрамлённой внизу кругом, напоминающим водную поверхность [Nishimura, Ogawa 2009, p. 116; Kumada 2006, p. 44]. Он наиболее распространён в пространстве буддийского храма, и каждая его составляющая имеет своё название [Кужель 2018, с. 8]. Основная функция – демонстрация нравственной чистоты божества. Этот трон предназначался для центральной фигуры Будды Шакьямуни в триаде божеств и будды-целителя Якуси, но также мог использоваться для других (бодхисаттвы Каннон, небесных государей Суйтэн, Тайсякутэн). Будда Шакьямуни в триаде храма Ганкодзи (преф. Гифу) помещается на лотосовом троне, его предстоящие бодхисаттвы Мондзю: и Фугэн соответственно располагаются в лотосовых чашах, установленных на спинах льва и слона [Kobayashi 2013, p. 36–37]. Будда Амида из триады храма Хо:рю:дзи (нач. VIII в., алтарь Татибана) восседал в лотосовой чаше, а фланкирующие – бодхисаттвы Каннон и Сэйси изображены стоящими в полураскрытых цветах лотоса (рис. 1) [Mizuno 1974, p. 130–131].

Рис. 1. Лotosовый трон, триада Амида, храм Хо:рю:дзи, г. Нара.

Источник: [Mizuno 1974, p. 130–131].

На троне 踏割蓮華座 *фумивари рэнгэдза*, варианте лotosового трона, ноги светлых царей Гундаримё:о: и Конго:ясямё:о: упираются в стилизованные лotosовые чаши [Yamamoto 2014, p. 71, 73]. Основной пьедестал имитирует камни, а всё сооружение установлено на низкой базе с ножками. Так демонстрируется намерение персонажей растоптать зло и уничтожить земные грязь и бедствия. Происхождение такого трона, компонентом которого стали необычные чаши лotosа, связывают с редким случаем появления двух цветков лotosа на одном стебле.

Троны сюмидза создавались как в японском стиле 和様須弥 *ваё:сюмидза* – высокий, восьмиугольный в плане, так и в китайском – 唐様須弥座 *караё:сюмидза*, горизонтально вытянутый. Примером может служить трон Сумеру, сложный по конфигурации, состоящий из двух геометрических фигур, «обращённых узкими частями друг к другу» [Кравцова 2010, с. 191].

Священная в космологии буддизма гора Сумеру, олицетворяющая центр вселенной, преобразовалась в храме в центральный пьедестал, что соответствует одному из основных принципов японской эстетики – приёму замены 見立 *митатэ*, способу иносказания. «Повсеместное применение *митатэ* даёт основание японским исследователям говорить о гомологии японской культуры, поскольку в основе этого приёма лежит обыгрывание сходства важнейших свойств, выявляющих сущность сопоставляемых объектов, которая, несмотря на кажущиеся внешние различия, может быть одинаковой» [Герасимова 2016,

с. 23]. Пьедестал строится как символическая репрезентация, семантический прототип этой горы – место пребывания избранных и святых. Чаще всего на нём восседал светлый царь Фудо:мё:о: [Yamamoto 2014, p. 7]. С фасада трон закрывала спускающаяся складками нижняя часть буддийского одеяния – юбка 裳 *мо*, поэтому он назывался 裳掛座 *мока(га)кэдза*. Так выглядит трон для триады Шакьямуни (рис. 2) из Золотого зала храма Хо:рю:дзи (623 г.) [Mizuno 1974, p. 31].

Рис. 2. Пьедестал мокакэдза, триада Шакьямуни, храм Хо:рю:дзи, г. Нара.

Источник: [Mizuno 1974, p. 131].

Расположение Будды на троне *сюмидза* свидетельствует о его космическом значении и универсальности созданного им учения. Это один из наиболее старых пьедесталов, составные блоки которого имеют вытянутую форму прямоугольника, напоминающие, как считают японцы, иероглиф 宣 *сэн*, поэтому он получил название 宣字坐 *сэндзидза*.

На бронзовом пьедестале *сюмидза* из храма Якусидзи в Нара (рис. 3), отличающимся необычной формой и украшением, восседают будда-целитель Якуси (триада Якуси с предстоящими) [Kobayashi 1975, p. 106]. Внушительная архитектура трона и его разнообразный богатый декор в виде виноградной лозы, цветочных узоров, драгоценностей свидетельствуют о могуществе и милосердии этого будды, которые распространяются на все

стороны света. Сюжетная орнаментика пьедестала многообразна: в арках основных панелей 鏡板 *кагамиита*, окаймлённых резными лентами, обнаруживаются фигуры существ, похожих на местных жителей южных островов, недавно покорённых японцами и, возможно, приобщающихся к религии. Центр фронтальной и задней частей *кагамиита* отдан резным фигурам демонов с ногами в форме рыбьих плавников. Алтарную композицию с буддой Якуси в центре образуют фигуры его постоянных спутников – двенадцати божественных воинов (генералов) 十二神将 *дзю:нисинсё:*, которые обозначают все направления, нуждающиеся в охране, или двенадцать обетов 十二大願 *дзю:нидайган* будды-целителя, чьё предназначение состоит в помощи страждущим.

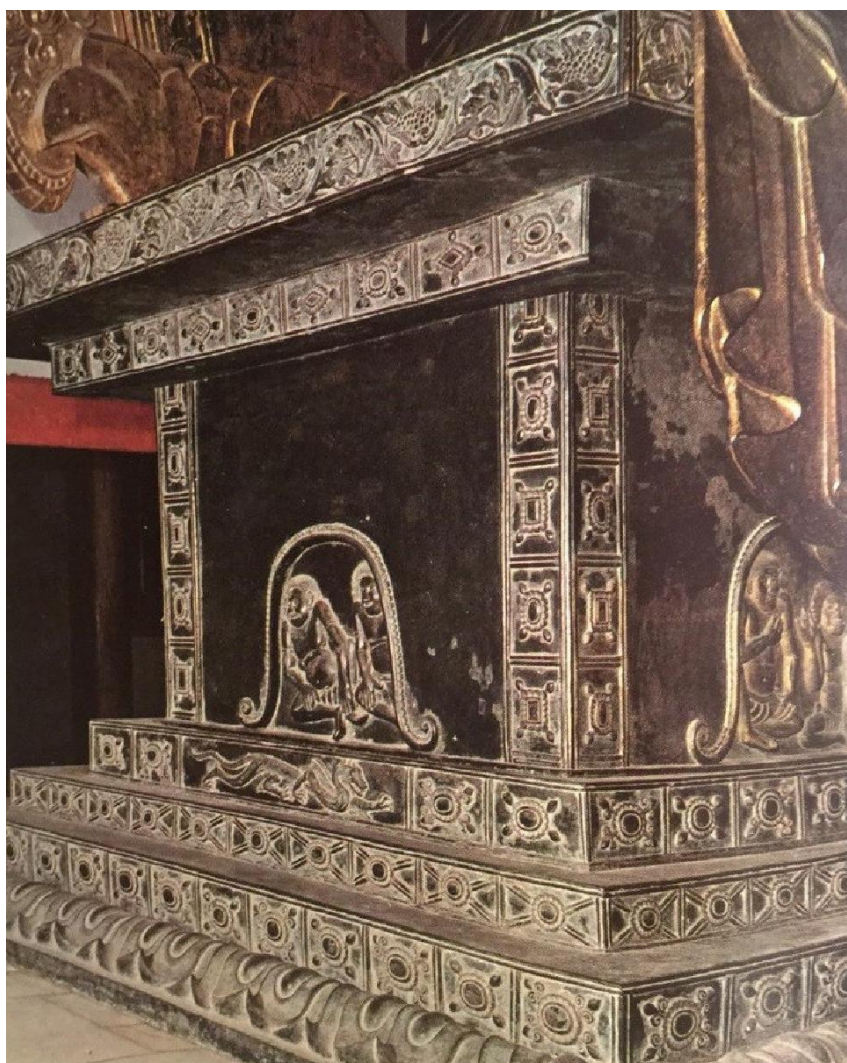

Рис. 3. Пьедестал бодхисаттвы Якуси, храм Якусидзи, г. Нара.

Источник: [Kobayashi 1975, p. 106].

Скульптурная композиция Шакьямуни (рис. 4), входящего в нирвану (涅槃仏 *нэхамбуцу*, 寢仏 *симбуцу*, 寢釈迦像 *синсякадзо:*), из храма Хо:риндзи на о. Сикоку – единственная на паломническом пути по этому острову и, наверное, одна из немногих в буддийской иконографии, демонстрирующая пьедестал-ложе [Sakurai 2008, p. 27]. Будда изображён лежащим на правом боку в позе льва на богато декорированном позолоченном

одре, под балдахином-навесом, указывающим на царственное происхождение. Сзади, вдоль ложа, размещены пять учеников, изображённые в экспрессивных динамических позах и скорбящие об уходе наставника. Спокойным линиям тела угасающего Будды противопоставлен нервный ритм их фигур, искажённые лица, демонстрирующие безудержное отчаяние. У основания пьедестала теснятся различные животные: обезьяна, слонёнок, собака, кролик, утки. В глубокой скорби пребывает весь мир. Величественный, торжественный пьедестал-ложе, архитектурно выверенный, способствует осознанию важности происходящего – более не будет нового воскрешения и смерти, произошло освобождение от всех чувств и погружение в вечность.

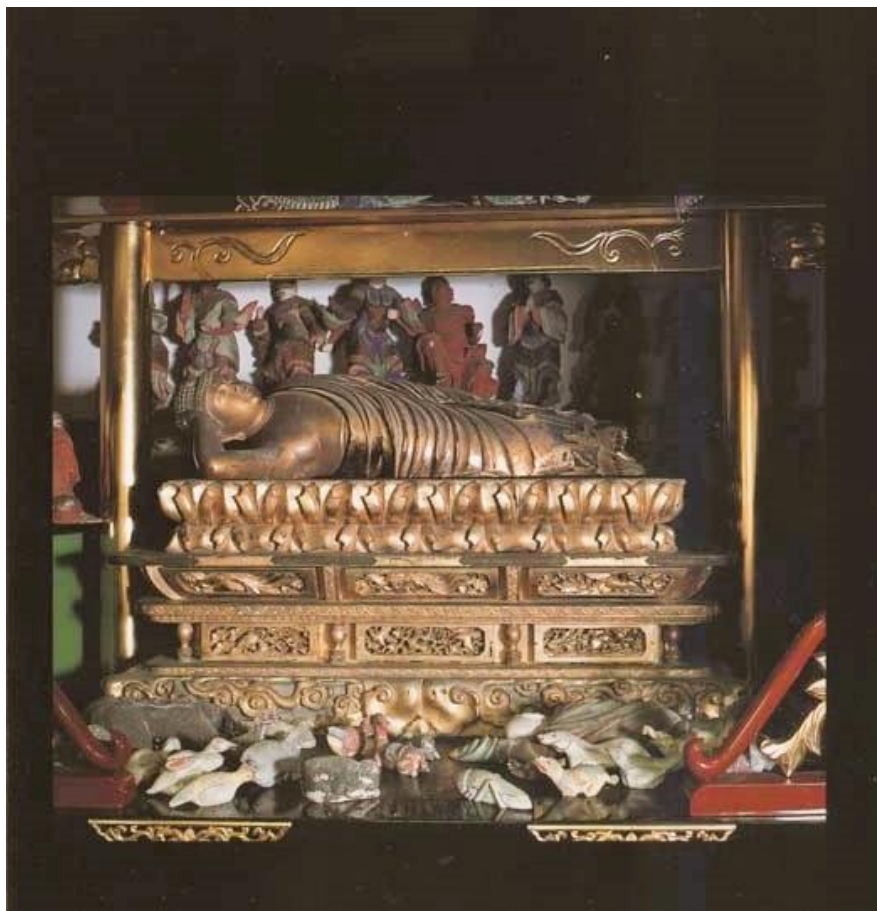

Рис. 4. Пьедестал-ложе Будды Шакьямуни, входящего в нирвану, храм Хо:риндзи, о. Сикоку. *Источник:* [Sakurai 2008, p. 27].

Пьедестал лежащего будды-целителя Якуси из храма Итихатаяма Якусидзи (г. Окадзаки, преф. Айти) выглядит скромнее, несмотря на позолоту. Двухъярусное ложе задрапировано складками, повторяющими фестоны одеяния Якуси, который изображён с неизменным атрибутом – горшочком для снадобий в левой руке. На подошвах ступней чётко просматриваются характерные для этого будды магические знаки².

Концепция махаяны предполагала наличие политеистического пантеона милосердных бодхисаттв, о чём свидетельствует многообразие пьедесталов, воспроизводящих в стилизованной форме **объекты природного мира**. Из тронов, имитирующих цветы, в

² Подобные знаки есть на ступне будды Якуси из храма Якусидзи в г. Нара.

храмах представлен *花樣座 каё:дза* в виде открывшейся водяной лилии-лотоса (на нём изображался Карура³). Пьедестал *岩座 ивадза* напоминал нагромождение камней на основе *框 камати* и предназначался для двенадцати генералов *дзю:нисинсё*: [Yamamoto 2013, p. 71; Kobayashi 2013, p. 110–111]. Пьедестал *洲浜座 сухамадза* с плоскими каменными плитами, как будто изрезанными морскими бухтами, ассоциировался с песчаной отмелью. Чаще всего на него помещали фигуры десяти учеников Будды *十大弟子 дзю:дайдэси*, фигуры восьми хранителей частей света *八部衆 хатибусю*:, а также двадцати восьми хранителей частей света *二十八部衆 нидзю:хатибусю*: [Kumada 2006, p. 74–75, 82–83].

Трон *荷葉座 касё:дза* в виде перевёрнутых, распластанных по выпуклой поверхности листьев лотоса предназначался для скульптуры Будды Шакьямуни в детстве [Kobayashi 2013, p. 54] и небесных государей, например, Дайкокутэн и Кангитэн. На таком пьедестале также размещали стоящие скульптуры бодхисаттвы Каннон, в том числе одну из самых известных – Кудара Каннон из храма Хо:рю:дзи.

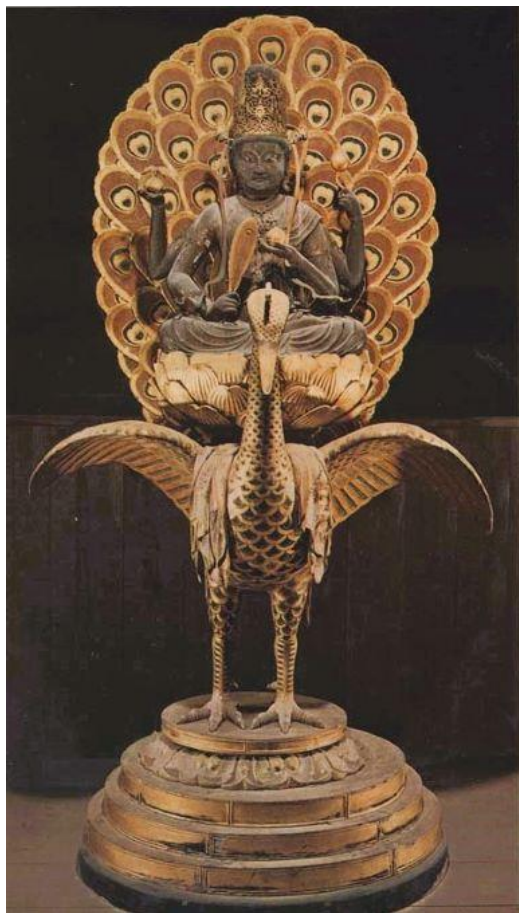

Рис. 5. Кудзьякумё:о: на павлине, храм Конго:будзи, гора Ко:я. *Источник:* [Mori 1974, p. 110].

Широкое распространение в храмах получили **зооморфные троны** *鳥獸座 тё:дзю:дза*, на которых восседали небесный государь Бонтэн в лotosовой чаше, установленной на четырёх гусях [Tanaka 2009, p. 119; Sawa 1967, p. 81], бодхисаттва Мондзю: на льве, бодхисаттва Фугэн в лotosовой чаше на спине слона [Tanaka 2009, p. 67, 71], светлый царь Кудзьякумё:о: (рис. 5) на павлине [Yamamoto 2014, p. 36].

В качестве священного ездового животного для Будды выступал, прежде всего, лев (трон *獅子座 сисидза*), поскольку за Буддой закрепилось ещё одно имя – Лев из рода Шакья. Будда восседал на львином троне, который свидетельствовал о его царственном происхождении. Кроме того, львы несли легендарного Манджушри (бодхисаттва Мондзю:), будду Дайнити, бодхисаттву Кокудзо: и др.

Пьедесталом могли служить также белый слон, лежащий вол, мифическая птица Гаруда, черепаха, вепрь, дракон и др. Применение ездовых животных для пьедесталов обусловлено символикой, которой они наделены в буддизме. Вол, священное животное, и вепрь соотносятся с соляным культом, кроме того, вепрь обладает воинственностью и

мощью, а вол мудростью. Не случайно небесный государь Мариситэн (храм Токудайдзи, г. Токио), считающийся покровителем воинства, изображён стоящим на вепре в боевой позе, в правой руке он держит меч и готов покарать врагов буддизма [Yamamoto 2013, p. 119].

³ Буддийский персонаж с человеческим торсом и птичьей головой.

Павлин – воплощение красоты и благородства, а необычные звуки, которые он издаёт, воспринимались как мантры эзотерической школы Сингон. Признанный истребителем ядовитых змей, он вызывал ассоциации со светлым царём Кудзякумё:о:, который избавляет от «трёх ядов» (三毒 *сандоку*), пороков, – гнева, невежества и алчности. Белый слон в символике буддизма – носитель многих благородных качеств. Именно слон возвестил царице Майе о рождении Будды. Он выступает в качестве ездового животного бодхисаттвы Фугэн, воплощающего мудрость, символизирующего духовную силу и охраняющего буддийский Закон. Небесная птица гусь (*ханса*), спутник небесного государя Бонтэн (Брахма), управляющего вселенной, распространяющего свою власть над «небесными водами», служит посредником между людьми и божествами.

Существовали и другие варианты пьедесталов.

Будда Шакьямуни иногда помещался на **пьедестал-стул**. Такие изображения 釈迦如来椅像 *Сяка нёрай идзо:* (на стуле) находятся в храме Дзиндайдзя г. Тёфу и в Токийском Национальном музее. Крепкие ноги Будды с широкими ступнями опущены, декор пьедестала напоминает ткань с вертикальными складками, заканчивающимися фестонами [Seki 2012, p. 100; Mizuno 1974, p. 168]. Классический трон для светлого царя Фудо:мё:о: 瑟瑟座 *сиссицудза* (рис. 6) в плане представлял шесть трапециевидных фигурных блоков, смыкающихся узкими основаниями и установленных на плоскую базу с ножками [Yamamoto 2014, p. 7].

Рис. 6. Пьедестал сиссицудза, Фудо:мё:о: с предстоящими, храм Дайсэндзи, преф. Канагава.
Источник: [Mori 1974, p. 162].

Для четырёх небесных государей служил пьедестал 生霊座 *сэйрэйдза*, например, для Тобацу Бисямонтэн, ногами попирающего демонов 邪鬼 *дзяки* Бирамба и Нирамба

[Yamamoto 2013, p. 77], и для одного из светлых царей – Госандзэмё:о:, растаптывающего персонажей иной религии – Шиву и его супругу Уму⁴ [Yamamoto 2014, p. 11]. Массивность статуи определяла размер пьедестала, маленькие фигурки помещались на базах.

Небесные жители 飛天 *хитэн*, спускающиеся на облаках, а также будда Амида, принимающий души умерших, располагались на облачном троне 雲座 *кумодза*, а будда будущего Мирoku восседал на пьедестале в форме круглого декоративного стула – 楊座 *то:дза*.

Доктрины дзэн-буддизма, распространившиеся в восточной части Японии в период Камакура (1192–1333), оказали влияние на формирование новых эстетических и художественных принципов, которые нашли отражение и в организации внутренней архитектуры храма, где стиралась граница между священным и профаническим пространствами. Алтарь уже не занимает столько места в храме, более того, он задвигается вглубь. Дзэнские наставники, ставшие героями скульптурного портрета, изображены в креслах со сквозными спинками 曲泉座 *кёкурокудза*, которые помещались в неглубоких нишах, на низких базах, тем самым давая прихожанину воспринимать фигуры как существующие в одном с ним пространстве⁵. Невысокий постамент в отличие от высокого с вознесёнными на нём божествами, который отделял их от мира обыденности, способствовал единению новых персонажей с реальным окружением [Mori 1977, p. 89].

Вариативность пьедесталов была основана на многообразии скульптурных изображений, появившихся в Японии, в том числе и в результате распространения различных направлений буддизма.

Нимбы и мандорлы

К невербальным аспектам иконографических буддийских образов относятся ореолы и мандорлы, раскрывающие возможность соединения с божествами, символизирующие небесные сферы. Лучезарный ореол и мандорла как художественное изображение сияния, чистоты принадлежат светонесной области, передают божественную благодать. Полагают, что сияние 光明 *ко:мэй* идёт из тела божества, прежде всего Будды Шакьямуни, и распадается на свет, излучаемый телом Будды 色光 *сёкуко:*, и свет 心光 *синко:*, наполненный мудростью Будды, исходящий изнутри 知恵光 *тиэко:*.

В традиционной японской иконографии по форме определяется два типа светозарных обрамлений корпуса скульптуры: первый – собственно нимб-ореол над головой, напоминающий шпиль храма Хо:рю:дзи в г. Нара, второй – мандорла, служащая фоном всей скульптуры.

⁴ В данном случае пьедестал может называться 盤石座 *бансэкидза* [Tanaka 2008, p. 103].

⁵ Буддийские иерархи могли помещаться на пьедестал 揚畳座 *агэтатамидза*, напоминающий скамейку, покрытую татами.

Рис. 7. Нимб ринко: будды Якуси,
храм Сэккэйдзи, о. Сикоку.
Источник: [Sakurai 2008, p. 77].

Ореол восходит к пятнадцатому иконическому признаку Будды 丈光相 *дзё:ко:со:*, который проявляется в распространении света на все четыре стороны⁶ [Tanaka 2008, p. 174]. Существуют различные типы нимбов, объединённые под общим названием 頭光 *дзюко:*, т.е. сияние над головой – от простого круга 輪光 *ринко:*, напоминающего солнечный диск (рис. 7), до нимба 放射光 *хо:сяко:*, представляющего концентрические окружности с расходящимися из центра разновеликими, иногда собранными в пучки лучами. Возможно, со временем, сохраняя форму круга, нимбы приобрели декоративные черты. Нимб 円光 *энко:* украшен в центре лотосовым орнаментом, по краям центрального круга – рисунок в китайском стиле 唐草 *каракуса*. Нимб 宝珠光 *хо:дзюко:* (*хо:сю*) отличается от других, имеющих форму диска, заострённым верхним краем и богатой огненной орнаментикой в виде сакральных драгоценностей 宝珠 *хо:дзю* – жемчужин исполнения желаний [Sakurai 2008, p. 77, 79,

81, 105, 107].

Светозарность как неотъемлемое качество божества прочитывается в скульптурных изображениях бодхисаттвы Каннон, в частности, в нимбах Юмэдоно Каннон, Кудара Каннон [Mizuno 1974, p. 54, 58] и бодхисаттвы Кокудзо: [Nishimura, Ogawa 2009, p. 11]. Юмэдоно Каннон (Кудзэ, или Гудзэ Каннон) из Павильона сновидений (Юмэдоно), которую признавали едва ли не самой священной скульптурой того времени, украшает необычно крупный нимб *хо:дзюко:*, заострённый сверху и нависающий под углом над головой бодхисаттвы. Центр нимба украшен цветком лотоса, от которого расходятся круги, декорированные растительным орнаментом. По краям – изображение языков пламени. Этот тип нимба, встречающийся у Юмэдоно Каннон и Кудара Каннон, был характерен для периода Асука (538–710) и демонстрировал связь бодхисаттв с космосом и близость к богине солнца Аматаэрасу [Кужель 2018, с. 60]. По мнению японских искусствоведов, семантика нимба восходит к архитектуре пятиярусной пагоды, олицетворяющей пять стихий: земля, вода, огонь, ветер, небо. В целом, первые четыре 地水火風 *тисуйкафу:* объединяются «небом», форму которого и принимает нимб, демонстрирующий единство земного и космического миров [Nishimura, Ogawa 2009, p. 16–17].

⁶ «Сутра о признаках» («Лакшана сутра») содержит описание иконических признаков Будды.

Рис. 8. Нимб хо:сяко: будды Якуси, храм Дзё:руридзи, о. Сикоку.
Источник: [Sakurai 2008, p. 57].

Для **мандорл** *кё:синко:*, традиционно изображающих лепесток лотоса 蓮弁 *рэмбэн* и создающих фон для всей фигуры, тоже характерно художественное разнообразие⁷. Они, как правило, усложнены наплывающими кругами, а завершаются килевидным верхом, имитирующим нос судна, где концентрируется энергия. Основанием для мандорл 二重円光 *нидзю:энко:*, 飛天光 *хитэнко:*, 舟形光 *фунагатако:* служит ложе из цветов лотоса. *Хитэнко:* украшена рельефами небесных существ *хитэн*, а *фунагатако:* убедительней других напоминает ладью [Sakurai 2008, p. 95]. Огненная мандорла 火焰光 *каэнко:* представляет сплошное стилизованное пламя, которое в скульптуре светлого царя Фудо:мё:о: известно как 迦楼羅焰 *Карураэн* «огонь Карура» [Tanaka 2008, p. 174–175]. Разновидность *каэнко:* – 火焰輪光 *каэнринко:* напоминает нимб, обод которого украшен тремя формализованными сполохами огня, он характерен для небесных государей [Nishimura, Ogawa 2009, p. 118–119]. Сидящий на троне *рэнгэхатидзю:дза* будда Амида, как и другие, часто изображается с

нимбом *дзюко:* на фоне основной килевидной мандорлы (её края называются 周縁 *сю:эн*), охватывающей всю фигуру, а также овала 身光 *синко:*, выступающего из-за спины божества [Nishimura, Ogawa 2009, p. 116]. Сияние, исходящее от нимбов и мандорл, символизирует духовную силу, божественный свет, динамичную солярную активность (рис. 8).

Мандорла сидящей на восьмилепестковом троне Одиннадцатиликой Тысячерукой Каннон из храма Сандзю:сангэндо: (г. Киото) украшена фигурками тридцати трёх воплощений бодхисаттвы, расположенными среди ажурно вырезанных облаков и деревьев. Остальные тысяча скульптур обрамлены нимбами *хо:сяко:*, словно пронизанными острыми иглами солнечных лучей [Mori 1974, p. 76–77]. Таким же нимбом наделена и Одиннадцатиликая Тысячерукая Каннон из храма Кокубундзи на о. Сикоку [Sakurai 2008, p. 179].

Резная килевидная мандорла *фунагатако:хай* триады сидящего Амида (храм Сандзэнъин, округ Киото) испускает яркий свет, поэтому также называется 放射状光背 *хо:сядзё:ко:хай*. Края основной части мандорлы украшены фигурками сидящих будд и резьбой в стиле китайского орнамента *каракуса*. Свет излучают и нимбы *хо:сяко:* предстоящих бодхисаттв Каннон и Сэйси, выполненные в форме кругов, пронизанных лучами. Мандорла, характерная для будды Амида, известна как 一光三尊如来 *икко:сандзон*

⁷ Существует ещё одно название – 連弁型拳身光 *рэмбэнгатакё:синко:* – мандорла в форме лепестка лотоса.

нэрай. Другое название 善光寺式如来 *дзэнко:дзисики нэрай* дано по храму Дзэнко:дзи, где находится скульптура, обрамлённая подобной мандорлой [Kobayashi 2013, p. 86–87]. Примерно так же выглядит килевидная мандорла сидящего будды Амида из храма Сокудзэ:ин (г. Киото). Однако для двадцати пяти фланкирующих бодхисаттв использовались нимбы в виде светящихся колец, декорированных резьбой с внутренней и внешней сторон [Kobayashi 2011, p. 20].

Ажурная килевидная мандорла стоящего будды Амида (храм Хо:дайиндзо:, преф. Сидзуока) украшена четырьмя летящими фигурками небесных музыкантов с инструментами и двумя стоящими фигурками. Подобный сюжет не случаен: Амида встречает умерших, чтобы сопроводить их в Землю радости, где льётся музыка и всё залито светом [Kobayashi 2013, p. 84–85].

Будда Дайнити, Великое Солнце, отождествляемый с богиней солнца Аматаэрасу, олицетворяет центр мироздания и означает бесконечно льющийся свет, пронизывающий всё великое пространство. Поэтому космическое божество изображалось на фоне мандорлы с расходящимися солнечными лучами, которые освещали храм. Мандорла *нидзю:энко:* будды Дайнити из триады (храм Госэдайдзи, г. Нара) вмещала тысячу рельефов миниатюрных будд (сейчас 862): такая форма мандорлы ещё известна как сияние тысячи будд 千仏光 *сэмбуцуко:*. Этот же тип мандорлы украшает Дайнити из храма Ко:ондзи на о. Сикоку. Ажурная золотая резьба, напоминающая стилизованное пламя и обрамляющая мандорлу, гармонирует с короной будды, которая так и называется 大日宝冠 *Дайнити хо:кан* – корона Дайнити, а также с ювелирными украшениями 装身具 *со:сингу* на его груди [Sakurai 2008, p. 139]. Золотой цвет мандорлы Дайнити, как всей фигуры и атрибутов, ассоциируется с солнечным светом, который будда распространяет вокруг.

Мандорла будды-целителя Якуси (храм Синъякуси, г. Нара), обрамлённая поднимающимися языками пламени, украшена шестью высокими рельефами будд в окружении пятизубчатых листьев аканта, создающих пластический орнамент. В верхней части мандорлы помещён драгоценный шар исполнения желаний. Шесть фигурок будд – частый атрибут мандорлы Якуси (храмы Ондзандзи, Ко:ямадзи, Дзэнцудзи на о. Сикоку). Золочёную мандорлу Якуси в храме Бё:до:дзи на о. Сикоку в верхней части украшают два небесных музыканта и две стоящие внизу фигурки. В восемь медальонов мандорлы Якуси (рис. 9) из храма Анракудзи на о. Сикоку вписаны изображения будд [Sakurai 2008, p. 21, 52, 166, 168]. Мандорла бодхисаттвы Мироку из храма Дайго:дзи в г. Киото тоже орнаментирована фигурками будд, которые помещены в миниатюрные килевидные мандорлы, перекликающиеся с основной [Mori 1974, p. 111].

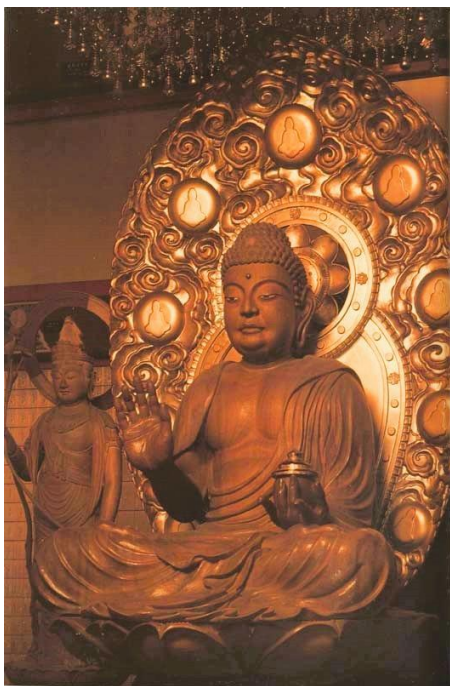

Рис. 9. Мандорла будды Якуси, храм Анракудзи, о. Сикоку.

Источник: [Sakurai 2008, p. 21].

Скульптура Будды Шакьямуни из храма Муродзи в г. Нара вызывала чувство преклонения, в связи с чем она стала называться Муродзисама – Господин Муродзи [Kobayashi 2013, p. 11–13]. Возможно, богатство декора его резной мандорлы в виде ладьи 舟形光背 *фунагатако:хай* с рельефами будд тоже сыграло свою роль в подобном величании Будды. Она обнаружена в 1960 г. на чердаке храма Таимадэра и воплощает высокий образец изобразительного искусства эпохи Хэйан (781–1191)⁸. Мандорла, украшенная цветочным орнаментом 宝相華 *хо:со:гэ* с рельефами семи сидящих будд, сконструирована из двух в форме ладьи деревянных пластин 板 *ита*, скреплённых в центре. Такой тип мандорлы 板光背 *итако:хай* зародился в период Нара (710–781) и распространился в эпоху Хэйан. Мандорлы предстоящих бодхисаттвы Одиннадцатиликой Каннон, бодхисаттвы Мондзю:, будды Якуси и бодхисаттвы Дзидзо:, выполненные в одной стилистике, также имеют килевидную форму, но мандорла Дзидзо: по символическому украшению наиболее близка мандорле Шакьямуни – её тоже украшают фигурки будд. Для мандорл Шакьямуни характерно богатство декора, ажурная резьба, изысканность и высокое мастерство исполнения, а иногда и оригинальность в использовании деталей. Золочёная мандорла *нидзю:энко:* Шакьямуни из храма Дайхо:ондзи в г. Киото декорирована не только традиционными для мандорл фигурками будд, но и колокольчиками, призванными распространять в мире глас учения [Mogi 1974, p. 116]. Художественная значимость этих творений настолько велика, что они имеют статус национального сокровища или важной культурной ценности.

Заключение

Алтарная композиция систематизировала понятия о вселенной, олицетворяла модель мироустройства. Расположение основных божеств на пьедестале соотносилось с центром миропорядка. Будда Шакьямуни, а также остальные будды, бодхисаттвы, светлые цари, небесные государи и другие представители буддийского мира помещались на характерные для них выработанные традицией пьедесталы, которые формировались в соответствии с объектами изображения. Скульптура предполагала выделение отличительных качеств в конструировании постаментов.

Вместе со скульптурами в буддийскую иконографию пришли нимбы и мандорлы, свидетельствовавшие о божественной сущности образов, выражая их сверхъестественную силу и особые качества. Они подчёркивали значительность персонажей. Буддийский изобразительный канон включал нимбы и мандорлы, которые закрепились в буддийском

⁸ Существует также другое деление японской истории по периодам, согласно которому эпоха Хэйан приходилась на 794–1185 гг., а эпоха Нара – на 710–794 гг.

искусстве и обрели традиционные формы солнечного сияющего диска, пламенной окружности, потока света, короны лучей, ажурного золотого плетения, ставшего фоном скульптуры. Орнамент золочёных мандорл, основанный на ритмах изогнутых линий, придавал скульптурам декоративность. Сияние вокруг головы или всего корпуса символизировало святость божеств и прежде всего Будды.

Обнаруженные различия и особенности пьедесталов, нимбов и мандорл определяются, в том числе, спецификой национального мировосприятия, связанной с историей распространения буддизма в Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Герасимова М.П. Воображение японцев // Историческая психология и социология истории. Москва: ИВ РАН. 2016. № 1. С. 2–23.
- Кравцова М.Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая. Москва: Восточная литература. 2010. Т. 4. С. 183–200.
- Кужель Ю.Л. XII веков японской скульптуры. Москва: Прогресс-традиция. 2018. 455 с.

REFERENCES

- Gerasimova, M. (2016). Voobrazhenie yaponcev [Imagination of the Japanese]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History], 1, 2–23. (In Russian).
- Kravtsova, M. (2010). *Ikonograficheskie printsipy buddiiskogo izobrazitel'nogo iskusstva* [Iconographic Principles of Buddhist Art]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya* [Spiritual Culture of China], 4, 183–200. (In Russian).
- Kuzel', Yu. (2018). *XII vekov yaponskoy skul'ptury* [12th Centuries of Japanese Sculpture]. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
- * * *
- Kobayashi, T. (1975). *Nara Buddhist Art: Tōdai-ji*. Tōkyō: Heibonsha.
- Kobayashi, Yutaka. (Ed.) (2011). *Butsuzō tambō* [Buddha Statue Exploration]. Tōkyō: Eishuppansha. (In Japanese).
- Kobayashi, Yutaka. (Ed.) (2013). *Nyorai-zō no subete* [All of the Buddha Statue]. Tōkyō: Eishuppansha (In Japanese).
- Kumada, Yumiko. (2006). *Butsuzō no ziten* [Encyclopedia of Buddha sculptures]. Tōkyō: Seibidō. (In Japanese).
- Mizuno, S. (1974). *Asuka Buddhist Art. Hōryū-ji*. Tōkyō: Heibonsha.
- Mori, H. (1974). *Sculpture of the Kamakura Period*. Tōkyō: Heibonsha.
- Mori, H. (1977). *The Japanese Portrait Sculpture*. Tōkyō: Shibundō.
- Nishimura, Kōchō & Ogawa, Kōzō (2009). *Butsuzō no miwakekata* [How to Distinguish Buddha Statues]. Tōkyō: Shinchōsha. (In Japanese).
- Sakurai, Megumu. (2008). *Shikoku henro* [Shikoku Pilgrimage]. Tōkyō: Nihon hōsō shuppan kyōkai. (In Japanese).
- Sawa, Takaaki. (1967). *Mikkyō bijutsu* [Esoteric Art]. Tōkyō: Heibonsha, (*Nihon no Bijutsu* series). Vol. 8. (In Japanese).
- Seki, Yūji. (2012). *Butsuzō to kodaishi* [Buddha Statue and Ancient History]. Tōkyō: Bukmansha. (In Japanese).
- Tanaka, Yoshiyasu. (2008). *Butsuzō no sekai* [The World of Buddha Sculptures]. Tōkyō: Nihonbungeisha. (In Japanese).

-
- Yamamoto, Michio. (Ed.) (2013). *Ten'nō butsuzō no subete* [All of the Emperor Buddha Statue]. Tōkyō: Eishuppansha. (In Japanese).
- Yamamoto, Michio. (Ed.) (2014). *Myōōzō no subete* [All of the Myōō Statue]. Tōkyō: Eishuppansha. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 03.02.2022

Принята к публикации: 07.05.2022

Received: 3 February 2022

Accepted: 7 May 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-23-38

Портретная живопись дзэнской школы О:баку как часть традиции буддийского искусства *тиндзо*:

А.П. Лугавцова

Аннотация. В статье рассматривается портретная живопись дзэнской школы О:баку, представляющая собой существенную часть творческого наследия последователей данного учения, и её отношение к традиции буддийского портрета *тиндзо*. Школа О:баку, третье направление японского дзэн-буддизма после Риндзай и Со:то, появилась на Японских островах в период Токугава (1603–1868) благодаря прибытию китайских эмигрантов. Искусство монахов О:баку оказало существенное влияние на формирование культурного облика периода Токугава, поскольку всплеск его популярности повлёк за собой трансформацию отдельных жанров и направлений изящных искусств, в частности, живописи, где появились так называемые «китайские стили». Примером этого служит широкое распространение рассматриваемых в статье портретов О:баку.

В исследовании анализируются китайские истоки жанра буддийского портрета, его традиционные черты, ставшие ключевыми характеристиками, а также развитие *тиндзо*: в Японии в Средние века. Отдельное внимание уделяется описанию портретов О:баку как уникального жанра, биографиям наиболее известных портретистов школы, а также разбору имеющихся несоответствий портретов О:баку отдельным стилистическим и функциональным особенностям традиции *тиндзо*:, причины которых кроются во влиянии на портреты О:баку западной манеры живописи и необходимости выпуска большого количества изображений для новых храмов школы. Автор делает вывод, что, несмотря на очевидные отличия (чёткий акцент на фронтальности, особое использование света и тени, заимствованное у западных художников, многочисленность в противовес штучному характеру), сущность буддийских портретов О:баку соответствует традиции портретов *тиндзо*:, которые были призваны выразить тесную связь между дзэнским наставником и его учеником, подтверждая достижение им просветления, а также использовались как замещение умершего монаха в ходе храмовых ритуалов. Портреты О:баку продолжили выполнять эти ключевые функции, что позволяет считать их полноправной частью жанра *тиндзо*..

Ключевые слова: Япония, период Токугава, буддизм, О:баку, дзэн, живопись, буддийские портреты, *тиндзо*..

Автор: Лугавцова Алёна Петровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (адрес: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв.)») № 121031000261-9.

Для цитирования: Лугавцова А.П. Портретная живопись дзэнской школы О:баку как часть традиции буддийского искусства *чиндзо*: // Японские исследования. 2022. № 3. С. 23–38. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-23-38

Ōbaku Zen portrait painting as part of the *chinzō* tradition of Buddhist art

A.P. Lugavtsova

Abstract. The article examines the Ōbaku Zen portrait painting, which is an essential part of the cultural heritage of the sect, and its relation to the tradition of the Buddhist portrait called *chinzō*. The Ōbaku school, the third branch of Japanese Zen Buddhism after Rinzai and Sōtō, was established in Japan during the Tokugawa period (1603–1868) by Chinese immigrants. The art of the Ōbaku monks had a significant impact on the formation of the cultural image of the Tokugawa period, since the huge surge in its popularity led to the transformation of certain genres of art, in particular, painting, where so called “Chinese styles” appeared. An example of this transformation is the widespread distribution of the Ōbaku portraits, considered in the article.

The article analyzes the Chinese origins of the Buddhist portrait genre, its traditional features that became key characteristics, as well as the development of *chinzō* in medieval Japan. Special attention is paid to the description of Ōbaku portraits as a unique genre and the analysis of the biographies of the sect’s most famous portrait painters. The article also addresses the inconsistencies between Ōbaku portraits and some stylistic and functional features of the *chinzō* tradition, the reasons for which lie in the influence of Western painting style and the need to produce a large number of images for the new temples of the sect. The author concludes that, despite the obvious differences (a clear emphasis on frontality, a special use of light and shadow borrowed from Western artists, a large number of works produced as opposed to uniqueness), the essence of Ōbaku Buddhist portraits corresponds to the *chinzō* tradition, which was intended to express a close relationship between a Zen master and his student, to confirm his achievement of enlightenment, and were also used as a substitute for a deceased monk during temple rituals. Ōbaku portraits continued to perform these key functions, which allows them to be considered a full-fledged part of the *chinzō* genre.

Keywords: Japan, the Tokugawa period, Buddhism, Ōbaku, Zen, painting, Buddhist portraits, *chinzō*.

Author: *Lugavtsova Alyona P.*, Candidate of Sciences (History), Junior Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS) (address: 6, Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-6531-4743; E-mail: alena.karnap@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The reported study was carried out within the state assignment – project «Transformation of Buddhist Trends and Schools: History and Experience of Interaction with Religions and Beliefs of Russia, Central and East Asia (from the Period of Spread of Buddhism to the Present: Russia – 18th – 21st Centuries; China – 2nd – 21st; Tibet – 7th – 21st Centuries; Mongolia – 16th – 21st Centuries)», № 121031000261-9.

For citation: Lugavtsova A.P. (2022). Portretnaya zhivopis’ dzenskoy shkoly Ōbaku kak chast’ traditsii buddiyskogo iskusstva *chinzō* [Ōbaku Zen portrait painting as part of the *chinzō* tradition of Buddhist art]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 23–38. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-23-38

Введение

Школа О:баку (яп. 黄檗), полное название которой звучит как «школа О:баку учения Риндзай» (яп. 臨濟宗黄檗派), представляет собой третье направление японского дзэн-буддизма, в котором сочетаются дзэнские и амидаистские подходы и практики¹ [Кабанов 1993, с. 285]. Появление и распространение данной школы, связанной с деятельностью китайских монахов-эмигрантов, пришлось на эпоху Токугава (1603–1868) и оказало существенное влияние не только на буддийское сообщество страны, но и на формирование культурного облика периода в целом. Китай являлся одной из немногих держав, с которым Япония в период самоизоляции поддерживала хотя бы не прямые контакты, и китайские эмигранты (в основном буддийские монахи) стали посредниками соединения не только религиозных учений, но и переживающей взлёт минской культуры и культуры Японии периода Эдо. Творческое наследие монахов О:баку в первое столетие после официального закрепления школы в Японии (1654 г.) переживало невиданный всплеск популярности и породило своеобразную моду, желание подражать, что повлекло за собой трансформацию отдельных жанров и направлений изящных искусств. Несомненно, со временем культура О:баку неизбежно начала ассимилироваться, однако культурные идеалы Китая периода Мин (1368–1644), привнесённые монахами О:баку, стали неотъемлемой составляющей «золотого века» национального японского искусства.

Особый вклад искусство монахов О:баку внесло в развитие живописи и каллиграфии, в которых появились т.н. «китайские» стили, в названии которых содержится явная отсылка на их источник. Манера живописи, получившая название *кара-э* (яп. 唐絵), своими корнями уходила в стиль работ монахов О:баку, хранивший в себе культурные особенности периода династий Мин и Цин (1644–1912). Само слово *кара-э* является сокращением от *кара-ё:-но э* (яп. 唐様の絵), «живописи в китайской манере» – понятия, делающего акцент на пришлом происхождении и чужеземных особенностях нового стиля. Это понятие впервые появляется в середине периода Хэйан (794–1185) на фоне развития светской живописи в японском стиле. Такие картины получили название *ямато-э* (яп. 大和絵, букв. «живопись Ямато»), и *кара-э* противопоставлялись им, поначалу обозначая привезённые в Японию картины китайских художников; затем определение было расширено, чтобы включить японские произведения, созданные по образцу китайской живописи [Willmann 2012]. Таким образом, живопись разделилась на две контрастные категории, и этот контраст поддерживался в Японии многие века, сохраняясь при обозначении разных видов японской живописи на протяжении всего средневековья. Изначально живопись *кара-э* изображала китайских мужчин и женщин или экзотические пейзажи с высокими скалистыми горами и глубокими пропастями. В картинах использовались яркие краски из минеральных пигментов, а тени и контуры были выполнены чётко различимыми мазками чёрной туши.

Однако, начиная с периода Камакура (1185–1333), когда Япония через прибывающих из Китая дзэнских монахов познакомилась с монохромной живописью, термин *кара-э* стал относиться к японской монохромной живописи тушью. Китайскую живопись династий Мин

¹ Japanese Buddhism. Part I. A Brief History of Buddhism in Japan: 7. The Edo period. http://www.buddhanet.net/nippon/nippon_partI.html (дата обращения: 09.02.2022).

и Цин, появившуюся в Нагасаки в XVIII в., и японские картины, созданные по их образцу, также можно отнести к *кара-э*². Родоначальником *кара-э* периода Эдо японские исследователи называют монаха О:баку Ижань Синжуна (кит. 逸然性融, 1601–1668, яп. Ицунэн Сё:ю:). Ицунэн был заслуженно известен не как священник, а в основном как художник. В живописи его называют «отцом *кара-э*», «прародителем, привёзшим *нанга* (яп. 南画, школа живописи тушью и водяными красками на шёлке, пик расцвета которой приходился на конец периода Эдо) в Японию», «основателем *Нагасаки-нанга*» [Ōbaku bijutsu... 2004, pp. 1–2; Kimura 2007, p. VIII]. И, говоря о живописи монахов О:баку, особо стоит отметить упомянуть жанр буддийского портрета *тинсо:* или *тиндзо:* (яп. 頂相), который играет важную роль в творческом наследии приверженцев этой школы.

Буддийские портреты *тиндзо:* как жанр живописи

Тинсо:, или *тиндзо:* (букв. изображение головы), – скульптурный или рисованный портрет наставника Дзэн, выполненный при его жизни или вскоре после смерти, а также название изображений знаменитых патриархов Чань (Дзэн), заказанных их наследниками Дхармы.

По преданию, традиция *тиндзо:* берёт начало в Китае. Понятие *тиндзо:*, или *динсян* по-китайски, изначально было переводом санскритского термина «*uṣṇoṣa*» – обозначения трёхмерного овала в верхней части головы Будды, символа достигнутого просветления. В Индии считалось, что этот выступ, имеющий сверхъестественную природу, невидим для живых существ. Подобно тому, как выступ на макушке Будды символизировал достижение им просветления, *тиндзо:* стали символизировать просветление, достигнутое учеником, когда наставник вручал ему этот портрет [Штейнер 2013, с. 187]. *Тиндзо:* в Китае достигли расцвета в эпохи Сун (960–1279) и Юань (1279–1368), и, скорее всего, на это напрямую повлияли нужды приезжавших из Японии монахов. Непосредственно в эпоху Сун термин *тиндзо:* начал использоваться для обозначения портретов чаньских монахов, и тогда их ничто особо не отличало от других портретов, создаваемых представителями китайской элиты.

В Японию *тиндзо:* проникли в период Камакура (1185–1333), что совпало с проникновением и ростом популярности дзэн-буддизма. Когда японские паломники возвращались из Китая, они часто привозили с собой *тиндзо:* своих китайских наставников³. Их реалистичный стиль, не свойственный японской живописи, выделил *тиндзо:* среди других японских портретов. Хотя самые типичные образцы *тиндзо:* изображали наставников на стуле с высокой спинкой в анфас три четверти на тёмном фоне, с надписью сверху, не все *тиндзо:* следовали этим требованиям. Около семидесяти сохранившихся *тиндзо:* XIII–XVI вв. из Японии и Китая внесены в перечень национальных сокровищ, примерно в десять раз большее количество содержится в музеях и частных коллекциях.

Обычно *тиндзо:* подписывались наверху хвалебным стихотворением, написанным в свободной форме, где объяснялось, кто этот монах, почему был написан портрет и иногда –

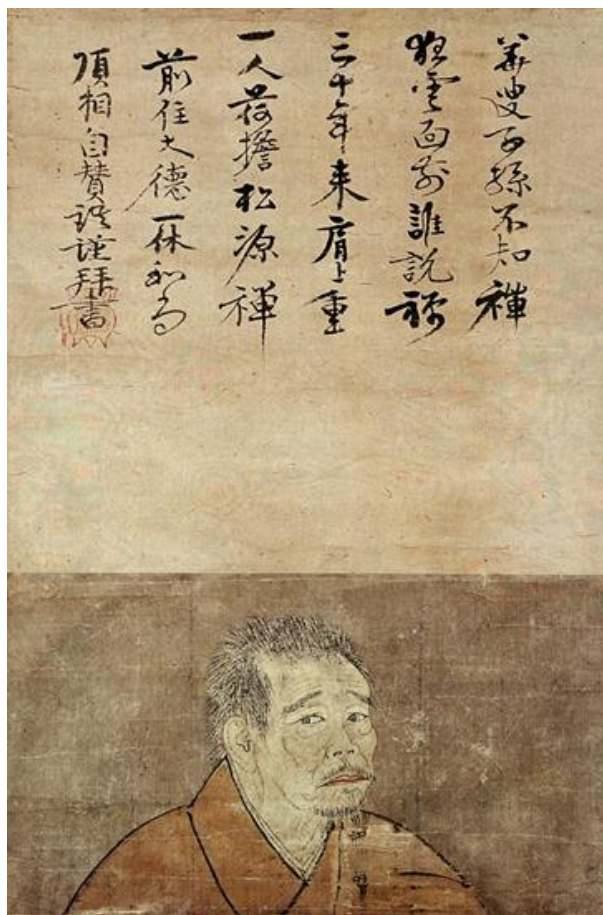
² JAANUS – Japanese Architecture and Art Net Users System. <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/k/karae.htm> (дата обращения: 09.03.2022).

³ JAANUS – Japanese Architecture and Art Net Users System. <https://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/c/chinsou.htm> (дата обращения: 28.03.2022).

почему и кем был сложен этот стих. Ранние *тиндзо*:, сохранившиеся в Японии, зачастую не подписаны, что очень сильно усложняет определение автора и даже страны происхождения. В качестве одного из самых ранних примеров можно привести портрет Будзюн Сибан кисти неизвестного художника (1238 г.), подаренный японскому монаху Энни, который по возвращении в Японию основал храм То:фукудзи. Изначально в японских дзэнских монастырях не хватало собственных художников, способных писать *тиндзо*:, и они прибегали к помощи портретистов из других школ. Возможно, самым ранним *тиндзо*: кисти именно японского дзэнского монаха-живописца является портрет Мухон Какусин кисти Какуэ из храма Ко:кокудзи (илл. 1). К середине XIV в. японские художники уже создавали полноценные *тиндзо*:, что демонстрирует портрет Дайто: Кокуси кисти неизвестного художника (1334 г.), хранящийся в Дайтокудзи, и портрет Мусо: Кокуси (1349 г.) кисти его ученика Муто: Сю:и, хранящийся в храме Мё:тиин. Эта традиция продолжилась и в XV столетии, примером чего служит великолепный портрет Иккю: (1394–1481) кисти его ученика Бокусай (?–1492), хранящийся в Дайтокудзи (илл. 2) [Штейгер 2013, с. 188–190].

Илл. 1. Портрет Мухон Какусин. Автор – Какуэ. 174,8×87,2 см. 1315 г. Навесной свиток, шёлк, краски. Место хранения – храм Ко:коку-дзи, префектура Вакаяма.

Илл. 2. Портрет дзэнского наставника Иккю:.. Автор – Бокусай. 43,7×26,1 см. Входит в перечень объектов национальных сокровищ Японии. Место хранения – Национальный музей Токио.

Самый традиционный тип *тиндзо*:, берущий начало ещё в эпоху Сун, обычно вписывался в следующие характеристики: монах изображался в три четверти, в полном церемониальном одеянии, сидящим в позе лотоса на стуле с высокой спинкой, ноги закрыты

полами одеяния, туфли стоят на скамеечке. Накладка могла скрепляться декоративным кольцом чуть выше сердца монаха. В правой руке позирующий, как правило, держал посох, скипетр, жезл или бамбуковую палку. Позднее появились портреты, изображающие монаха по пояс и сосредоточенные на прорисовке лица [Кужель 2018, с. 247–248]. Обычно на таких портретах руки были спрятаны в объёмных рукавах, за исключением большого пальца левой руки. Традиционные *тиндзо*: были выполнены в духе реализма с чёткими линиями контура и задействованием большого спектра цветов, хотя более поздние монохромные варианты писались чёрной тушью. Впоследствии появились ещё более не стандартные варианты *тиндзо*., изображающие монахов во время прогулки или отдыха и включающие в себя пейзажные элементы, и бюстовые портреты в круглой рамке.

В зависимости от функций, которые они выполняют, *тиндзо*: подразделялись на два вида. Первый вид – *инка* (яп. 印可), портрет, который наставник преподносил ученику в качестве подтверждения обретения учеником духовного просветления и символа непрерывной линии наследия Дхармы данной школы. На этих портретах наставником часто были начертаны *хо:го*: (яп. 法語, «слова Дхармы»). Детальный портрет, выполненный в духе реализма, подписанный самим учителем, давал ученику возможность чувствовать осязаемое присутствие наставника и вдохновение для продолжения практики даже после того, как их общение прерывалось из-за смерти наставника. Второй тип – *кэсин* (яп. 掛真), портрет, который вешался вместе с портретами чаньских патриархов прошлого либо в зале Дхармы, либо у главных ворот на поминальных церемониях. *Тиндзо*: этого вида писались после смерти монаха, а надпись на портрете выполнял кто-либо из современников. Скульптуры *тиндзо*: относят ко второй категории. Желание укрепить личные отношения между позировавшим наставником и учеником, а также увековечить его память для будущих последователей, требовало выполнять портреты с высокой степенью реализма и правдоподобности. Однако зачастую художник отходил от непосредственной схожести для того, чтобы выразить внутреннюю сущность, подчеркнуть духовное величие своего натурщика⁴.

Интересно, что насчёт функций *тиндзо*: в научном сообществе до сих пор нет единой точки зрения – ведётся дискуссия о том, что *тиндзо*: больше использовались в контексте поминальных церемоний, нежели как доказательство обретения просветления, особенно в Китае. В статье Т. Фолка и Р. Шарфа, опубликованной в 1994 г., утверждается, что роль *тиндзо*: как символа достижения просветления сильно преувеличена: надписи на них действительно могли легитимизировать линию наследия Дхармы определённой школы, но не были однозначным доказательством наследования Дхармы от одного монаха к другому. Это утверждение авторы подкрепляют тем фактом, что *тиндзо*., в отличие от одеяний и некоторых других атрибутов, не ограничивались узким кругом монашества, а достаточно свободно были доступны в Китае мирянам, купцам и новообращённым [Fouk, Sharf 1993, pp. 149–150]. Таким образом, по их мнению, *тиндзо*: просто были частью традиции дарения подарков. Тем не менее, порой именно *тиндзо*: помогали разобраться в запутанной линии наследия Дхармы знаменитых наставников Дзэн, примером чему служат портреты трёх дзэнских монахов: Тикоцу Дайэ, Энни Бэнээн и Учжунь Шифаня (илл. 3–5). Надпись на

⁴ JAANUS – Japanese Architecture and Art Net Users System. <https://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/c/chinsou.htm> (дата обращения: 28.03.2022).

портрете Тикоцу Дайэ (1229–1312) крайне схожа с надписью кисти Энни Бэнъэн (1202–1280) на его собственном портрете, что с высокой долей вероятности делает Тикоцу учеником Бэнъэн. Надпись кисти Бэнъэн, в свою очередь, похожа на надпись Учжунь Шифаня (1178–1249), китайского монаха Чань. Портрет Учжунь Шифаня был привезён в Японию в 1241 г. его учеником Энни Бэнъэн и является одним из старейших сохранившихся *тиндзо*:. Хотя доподлинно неизвестно, служили ли *тиндзо*: своеобразным сертификатом достижения просветления учеником, в ходе истории они действительно использовались для установления линий наследия Дхармы, что можно наблюдать на примере этих трёх портретов [Lippit 2007, pp. 75–77].

Илл. 3. Портрет Тикоцу Дайэ. Автор неизвестен. 111×53 см. 1301 г. Навесной свиток, шёлк, тушь, краски. Памятник культурного наследия Японии. Место хранения – храм То:фуку-дзи, Киото.

Илл. 4. Портрет Энни Бэнъэн. Подписан Энни Бэнъэн. Навесной свиток, шёлк, тушь, краски. Памятник культурного наследия Японии. Место хранения – храм Мандзю:-дзи, Киото.

Илл. 5. Портрет Учжунь Шифаня. Автор неизвестен. 124,8×55,2 см. 1238 г., Китай. Навесной свиток, шёлк, краски. Место хранения – храм То:фуку-дзи, Киото.

Портреты О:баку как разновидность *тиндзо*:

В научном сообществе до сих пор ведётся дискуссия, считать ли портретную живопись О:баку частью традиции *тиндзо*:, поскольку она заметно отличается от традиционных буддийских портретов манерой исполнения и, кроме того, в силу многочисленности выполненных портретов не совсем соответствует «штучному» характеру *тиндзо*:. Действительно, в творческом наследии монахов О:баку буддийские портреты занимают значительное место. Из сохранившихся портретов середины XVII – начала XVIII вв., которых насчитывается около 250 штук, большинство изображают главных наставников

О:баку и их духовных наследников. Есть и те, на которых изображены не столь значимые представители заграничной китайской диаспоры – купец, политик, мать настоятеля, монах, известный как медик и деятель науки, и другие. Художники также создавали изображения буддийских божеств – будд, бодхисатв, архатов и чудаков – которые традиционно ассоциировались с учением Дзэн в Японии. Такая острая необходимость в буддийских портретах была обусловлена тем, что монахам новой школы на самом высоком уровне было дозволено строить собственные храмы или восстанавливать для О:баку разрушенные монастыри других школ, на что богатые феодалы, симпатизировавшие школе, выделяли щедрые пожертвования. Новые храмы нуждались в портретах как неотъемлемой части ритуального церемониала, поэтому изображения монахов-современников и почтенных патриархов О:баку пользовались особым спросом. Эти портреты демонстрировались в ходе различных церемоний и празднеств календарного года и по праву заняли своё место среди других категорий культурного достояния монастырей – ритуальных принадлежностей, регалий и украшений, музыкальных инструментов, библиографических коллекций, каменных памятников, скульптур, каллиграфических работ, садов, залов и ступ. Многие из них были выполнены с соблюдением всех формальностей светлыми оттенками на шёлке или бумаге; какие-то представляли собой быстрые наброски тушью. Как бы то ни было, они существенно отличались от японской живописи, выделяясь своей экзотичностью, и сильно повлияли на японское буддийское искусство [Sharf 2004, pp. 295–296].

Интересно, что в изучении портретов О:баку с точки зрения истории искусств не было почти никакого движения вплоть до 1983 г., за исключением монографии исследователя школы Нисимура Тэй. Вообще до 1980-х гг. интерес к портретам О:баку проявляли лишь учёные, занимавшиеся традициями региональной живописи юга Японии. Большинство из них называли портреты О:баку и в целом живопись этой школы не более чем одной из ветвей «нагасакской живописи», а особый стиль и манера живописи О:баку приписывались влиянию фламандских картин из Европы, которые привозили с собой миссионеры. Иначе говоря, портреты О:баку чаще всего понимались как продукт небольшого ответвления «вестернизированной» японской живописи. Однако в 1980-х гг. началось продвижение искусства и культуры О:баку на всеобщее обозрение, и в связи с этим отдельного упоминания заслуживают словарь персоналий школы О:баку, подготовленный исследователем искусства О:баку О:цуки Микио [Otsuki 1988], книга профессора университета Китакюсю Нисигори Рё:сукэ, где исследовались совершенно не известные ранее портретисты школы, переоценивались имеющиеся примеры портретной живописи и более детально изучались личности заметных портретистов О:баку [Nishigori 2006], статьи старшего куратора Национального музея Киото Нисигами Минору, рассматривающие китайскую предысторию манеры живописи О:баку [Nishigami 1981, 1987], монография доцента Гавайского университета в Маноа Хелен Барони, представляющая эволюцию и роль школы в японской истории [Baroni 2000]. Благодаря представленным выше работам значение портретной живописи О:баку для истории юго-восточной живописи подверглось определённой переоценке, поскольку наряду с противниками появились и сторонники включения портретов О:баку в традицию *тиндзо*: в качестве новой ступени её развития, несмотря на очевидную экзотичность.

Экзотичность портретной живописи О:баку, сразу отличающая её от традиционного японского портрета, прежде всего проявлялась в заметном акценте на анфасе, а также

прорисовывании лица более чёткими, тёмными оттенками. Эти особенности портретов О:баку, по мнению отдельных исследователей, берут начало от манеры фуцзяньского портретиста Цзэн Цзин (илл. 6–7). Цзэн Цзин (кит. 曾鯨, 1564–1647) был уроженцем Фуцзяни, однако жил и работал в Нанкине и в целом много путешествовал по стране. Постоянное пребывание в столице давало ему возможность активного знакомства и общения с европейцами, а также изучения привезённых и создаваемых ими картин. Он использовал западные техники светотени в своих работах, создавая портреты столь близкие к натуре, что их называли «поразительно реалистичнее всех тех, что писались в Китае до него» [Cahill 1982, p. 120]. Умело совмещая западную светотень, фуцзяньский акцент на прорисовке линий и особую технику многократного наложения краски, он фактически выработал идеальную комбинацию традиционных и новаторских элементов, которая впоследствии выросла в создание собственной школы почитателей. Его реалистичный стиль был унаследован в том числе и портретистами О:баку – Ё: До:син, Кита До:ку и Кита Гэнки.

Илл. 6. Портрет Ван Шимина. Автор – Цзэн Цзин. 1616 г., Китай. Место хранения – музей искусств Тяньцзиня.

Илл. 7. Портрет Пань Циньтая. Автор – Цзэн Цзин. 1621 г., Китай. Навесной свиток, шёлк, тушь, краски. Место хранения – художественный музей Мичиганского университета.

К сожалению, биографии портретистов О:баку до сих пор фактически не исследованы, об их жизни известно очень мало. Годы жизни и смерти Ё До:син (楊道真, кит. Ян Даочжэн) неизвестны, считается, что он прибыл в Японию в 1654 г. вместе с Ингэн и фактически стал штатным портретистом О:баку, беспрестанно следуя за наставником, а около 1657 г.

вернулся в Нагасаки (илл. 8) [Ōbakuzen no bijutsu... 1993, p. 31]. Кита До:ку (яп. 喜多道矩, ?–1663), также звавшийся Кита Тё:бэй, на портретах использовал печать с иероглифом 「長」. Его манера живописи схожа со стилем Ё: До:син, поэтому предполагают, что он учился живописи по картинам Ё: Досин в Нагасаки. Впоследствии он, можно сказать, заменил Ё: До:син и стал творить не в Нагасаки, а в Мампукудзи, главном храме школы О:баку, построенном в Удзи, куда переехал. В составленном Ингэн сборнике «Продолжение собрания волн и туч» (яп. 雲波続集, *Умпасёкусю:*, XVII в.) есть хвалебный стих «К мастеру кисти До:ку», в который входит строфа «он неутомимо писал мой портрет с утра до ночи» (илл. 9). Умер 13 сентября 1663 г., похоронен в Мампукудзи [Ōbakuzen no bijutsu... 1993, p. 30].

Илл. 8. Портреты Сокухи и Хакуган. Автор – Ян Даочжэн (Ё: До:син). Подписаны священником Сокухи Нёицу. 58,0×57,2 см. Период Эдо, XVII в. Навесной свиток, бумага, краски. Место хранения – храм Фукудзю:-дзи, префектура Фукуока.

Илл. 9. Портрет Ингэн Рю:ки. Автор – Кита До:ку. Подписан священником Ингэн Рю:ки. Период Эдо, XVII в. 109,1×38,7 см. Навесной свиток, краски, бумага. Место хранения – городской музей Фукуока.

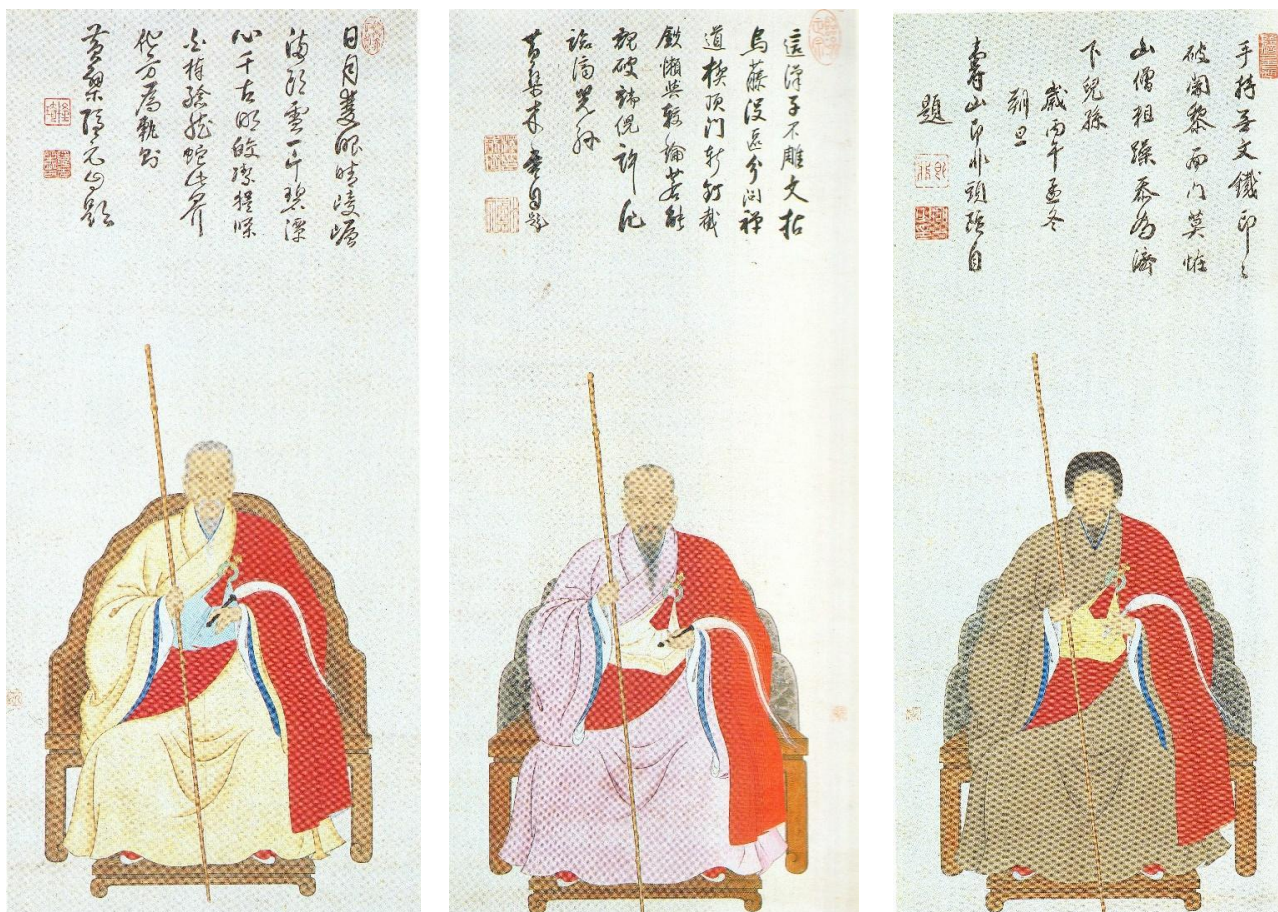
Кита Гэнки (яп. 喜多元規, годы жизни неизвестны), сына До:ку, который является ярчайшим примером художника, работающего в жанре портрета О:баку, современники описывали так: «... овладев как китайской, так и варварской живописью, он стал наиболее искусен в портрете» [Ōbaku no bijutsu... 1993, p. 8]. Прежде, ориентируясь на эту запись, многие учёные полагали, что манера живописи Гэнки сложилась из китайского и даже

европейского (варварского) стилей, представляя собой эклектичное смешение, и критиковали его за подверженность влиянию западной живописи. В Японии периода Эдо западная живопись, несмотря на последующий скорый запрет контактов с европейцами, успела породить новое направление, получившее название *намбан бидзюцу* (яп. 南蛮美術, букв. «искусство южных варваров»), сформировавшееся под влиянием контакта с торговцами и миссионерами из Европы, в частности из Португалии. В большинстве случаев искусство *намбан* представляло собой тематические изображения иностранных кораблей и воинов на японских ширмах и лакированных изделиях, а также копии европейских картин, выполненные японскими живописцами с попытками использования западных техник, таких как использование линейной перспективы. Стиль *намбан* как отражение «европейской» темы угас в японском художественном и декоративно-прикладном искусстве к середине XVII в. – вместе с изгнанием из Японии португальцев и испанцев и полным запретом христианства [Суханов, Синицин 2016, с. 549–550]. Поскольку Нагасаки, где располагались основные храмы школы О:баку, был также ключевой точкой пересечения с европейской культурой, вполне обоснованно предположить, что Гэнки имел возможность тесного знакомства и изучения двух пластов иноземной живописи. Однако в последнее время исследователь творчества Кита Гэнки Нисигори Рё:сукэ предполагает, что западные ноты в манере Гэнки не заимствованы от образцов *намбан*, созданных в Японии, а всё-таки берут своё начало от источника его стиля – работ Цзэн Цзина. Работы профессора помогли научному сообществу сформировать единое понимание [Ōbaku no bijutsu... 1993, p. 8].

Точка зрения профессора Нисигори, что основу стиля Гэнки стоит искать в работах Цзэн Цзина, основывается на выводах из сравнительного исследования портретов многих художников, в ходе которого он выявил определенную преемственность. Он сравнивал стиль Гэнки с его отцом Кита До:ку, Ё: До:син, считающимся наставником До:ку, Чжаном Ци, который писал портрет учителя Ингэн Фэйинь Тунжуна (кит. 費隱通容, 1593–1661) и был учеником Цзэн Цзина, на основе чего и пришёл к таким выводам. И по объектам, и по цели чувствуется глубокая связь портретов О:баку с «частными» портретами поздней династии Мин. Безусловно, идя в ногу со временем, стиль портрета О:баку неизбежно подвергался японизации, но именно его самобытность, связанная с китайскими корнями, завоевала народную любовь [Ōbaku no bijutsu... 1993, p. 8].

Кита Гэнки – наиболее известный представитель портретистов О:баку

Кита Гэнки учился живописи и тонкостям портрета О:баку у своего отца, Кита До:ку, работавшего также под псевдонимом Тё:бэй. Гэнки активно творил в период с 1664 по 1709 гг., оставив после себя несколько сотен картин. После смерти До:ку как его преемник начал писать картины в Мампукудзи, а также путешествовал по стране в окружении Ингэн, Мокуан и Сокухи, попутно рисуя (илл. 10–14). Примерно до 1674 г. ставил на работах печать «Гэнки», после этого наряду с предыдущей ставил печать «Господин Кита» [Ōbakuzen no bijutsu... 1993, p. 33]. Есть картины, на которых отсутствуют подпись и печать художника, но авторство приписывается Гэнки. Среди портретистов О:баку Гэнки принадлежит ко второму, даже третьему поколению, но, хотя о его жизни и происхождении почти ничего не известно, творческое наследие Гэнки оказало влияние абсолютно на всех исследователей портретов монахов О:баку.

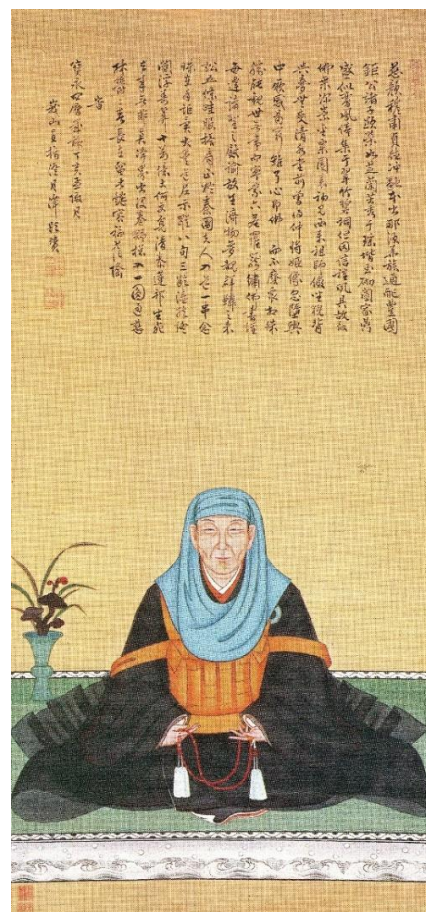
Илл. 10–12. Портреты Иньюэня (Ингэн), Муаня (Мокуан) и Цифэя (Сокухи) (слева направо). Автор – Кита Гэнки. Подписаны ими же. Период Эдо, 1666 г. 101,7×45,7 см каждый. Триптих из навесных свитков, краски, бумага. Место хранения – храм Фукугон-дзи, префектура Фукуока.

Работы Гэнки стали так известны, поскольку именно он являлся самым творчески плодовитым художником, а также прожил дольше всех мастеров, которым приписывались портреты китайских монахов и их учеников. Он пережил Ингэн на много лет – на столько, что фактически их жизненные пути пересеклись лишь на короткое время. Более того, из всех портретистов О:баку только Гэнки завоевал определённую репутацию – такую, что исследователь искусства школы Нисимура Тэй в своей ранней работе описывал предшественников Гэнки как тех, кто «ещё до Гэнки превосходно передавали манеру и технику Гэнки» [Nishimura 1934, pp. 15–18]. Столь явный акцент на художнике и его стиле искажил восприятие портретов О:баку и спровоцировал большинство современных исследователей с начала XX в. определять стиль О:баку одним лишь Гэнки.

Китайские монахи Иньюань Лунци (隱元隆琦, яп. Ингэн Рю:ки, 1592–1673) вместе со своими двумя учениками, Муанем Синтао (木庵性瑫, яп. Мокуан Сё:то:, 1611–1684) и Цифэем Жуи (即非如一, яп. Сокухи Нёицу, 1616–1671), сыграли ключевую роль в основании новой школы. За заслуги перед буддийским сообществом Японии, а также вклад в формирование культурного облика страны их называют «тремя кистями О:баку» (яп. 黄檗の三筆), и именно они наряду с китайскими наставниками Ингэн Миюнем Юанью (кит. 密雲圓悟, 1566–1642) и Фэйинь Тунжуном представляют собой наиболее частых героев портретов О:баку.

Илл. 13. Портрет Ван Синьцю. Автор – Кита Гэнки. Подписан Цяньдай Синьганем. Период Эдо, датирован 1679 г. 99,2×43,0 см. Навесной свиток, краски, бумага. Место хранения – городской музей Кобэ.

Илл. 14. Портрет Эйтэйин Сё:дзэн. Автор – Кита Гэнки. Подписан Гэттан До:тё:. Период Эдо, датирован 1707 г. 106,6×50,1 см. Навесной свиток, краски, шёлк. Место хранения – храм Фукудзю:-дзи, префектура Фукуока. Входит в список охраняемого культурного наследия префектуры Фукуока.

Ван Синьцю (1594–1663) родился в уезде Фучжоу провинции Фуцзянь в Китае, был последователем О:баку и богатым прихожанином храма Со:фукудзи; всячески оказывал храму помощь в финансовых делах, способствовал назначению Сокухи настоятелем и заселению Ингэн в Со:фукудзи. Данная работа – один из примеров редкого для Кита Гэнки портрета мирянина, поскольку в большинстве своём он писал портреты монахов О:баку, начиная с Ингэн Рю:ки. Его особая реалистичность придаёт работе выдающуюся завершенность и целостность, которые выделяют его среди прочих портретов кисти Гэнки [Ōbakuzen no bijutsu... 1993, p. 46].

Эйтэйин Сё:дзэн (1616–1699), ставшая впоследствии монахиней О:баку, была второй дочерью в семье Насу Сигэхару, вассала даймё Огасавара Нагацугу из города Тацуно провинции Бансю: (Харима). Будучи в услужении у клана Огасавара, Эйтэйин стала ревностной последовательницей буддизма и сыграла значимую роль для школы О:баку, способствовал тому, чтобы Сокухи остался в Японии. Эта картина написана на седьмую годовщину со дня смерти Эйтэйин и является одной из самых поздних работ Кита Гэнки. К этому времени в его портретах уже менее заметна проработанность теней,

позаимствованная у западной школы, и стиль мастера изменился на традиционную манеру использования линий [Ōbakuzen no bijutsu...1993, p. 42].

Можно выделить основные черты стиля Гэнки, фактически ставшие отличительными характеристиками портретов О:баку: бескомпромиссное использование анфаса на портретах, ярко раскрашенные ряссы, особая техника выделения лиц и рук. Его гармоничное применение теней путём задействования чётких линий на приглушённо выписанной коже в сочетании с тёмными ряссами и резкими мазками создавало эффект чистоты и свежести, а многозначительные выражения лиц побуждали зрителя самого вкладывать в портрет определённые эмоции и смысл. Однако именно яркий, нетипичный для образцов средневекового искусства стиль Гэнки повлёк за собой отрицание портретов О:баку как части традиции *тиндзо*:. Средневековые портретисты, как было указано ранее, обычно использовали анфас в три четверти, а формат композиции сопровождался приглушёнными цветами, размытыми мазками и попыткой сделать изображение естественнее, к примеру, избеганием симметрии. В сравнении с другими известными портретами *тиндзо*: портреты О:баку смотрелись диковатыми чужаками, и это являлось определённой параллелью со схожими впечатлениями японцев при сравнении портретов О:баку и Риндзай. Существует мнение, что, несмотря на определённый всплеск популярности, в дальнейшем портреты О:баку попросту не вписались в устоявшиеся эстетические концепции японцев. Данное суждение во многом обосновывалось именно «западным влиянием» на портреты О:баку, заметным в работах Гэнки и его последователей, что в определённом смысле породило стереотипность восприятия этой части живописи О:баку как запятнанной «варварской манерой» [Sharf 2004, pp. 301–302].

Заключение

Портретная живопись, несомненно, играет огромную роль в творческом наследии монахов О:баку в силу своей хорошей сохранности и многочисленности. Начиная с основателя школы Ингэн, монахи О:баку, а также имеющие отношение к храмам прихожане, женщины, нищие – все они становились героями портретов. Подобная плодovitость и разноплановость тесно связана с бурным всплеском популярности школы, которая, благодаря покровительству японских властей и материальной поддержке влиятельных феодалов, получила возможность закрепиться на японской земле и восстанавливать в свою пользу пришедшие в упадок храмы других буддийских традиций, где впоследствии и выставлялись изображения патриархов, именитых монахов и других значимых для школы персон. Активное производство буддийских портретов, фактически поставленное на поток, лишило их своеобразной эксклюзивности и сакральности, присущих *тиндзо*: на более ранних этапах их истории, поскольку в средневековой Японии подобные портреты писались штучно, олицетворяя тесную связь между учеником и учителем, и глубокое почтение, выражаемое патриархам прошлого. Это не было единственной чертой, отделявшей буддийские портреты О:баку от традиции *тиндзо*:. По сути, они повторяют композицию и формат портретов чаньских и дзэнских настоятелей средневековья, среди которых наиболее типичным является изображение настоятеля, сидящего на высоком стуле в полном облачении, однако в портретной живописи О:баку очевидны стилистические отклонения, среди которых лидирующую позицию занимает фронтальность, кроме того, на их облике

особо сказывается влияние европейской традиции живописи, коренным образом сказавшееся на восприятии данного жанра в японском культурном сообществе и давшее повод считать портреты О:баку скорее ответвлением «живописи в западном стиле» [Ōbaku no bijutsu... 1993, p. 8].

Тем не менее, несмотря на очевидные внешние отклонения от привычных характеристик почитаемой традиции буддийских портретов, сама сущность портретной живописи О:баку не изменяла этой традиции. Портреты, создаваемые монахами О:баку, точно так же выражали благоговение перед достойными современниками и патриархами прошлого, незабвенные моменты отношений учителей и учеников, а также вобрали в себя отблеск харизмы самих монахов и потому крайне высоко ценились и почитались набожными последователями. Необходимо отметить, что монахи-эмигранты О:баку XVII–XVIII вв., являясь носителями культуры интеллектуалов юга Китая, в Японии начала Нового времени были проводниками научных, технологических, религиозных и культурных новшеств Китая времён конца эпохи Мин – начала эпохи Цин. Портреты, которые они писали, по сути, служили наглядными пособиями для выражения и передачи новых для Японии визуальных образов, однако это не значит, что их значение или функции коренным образом изменились. Таким образом, портретная живопись О:баку, несмотря на противоречивое отношение со стороны исследователей, может считаться частью традиции буддийских портретов *тиндзо*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кабанов А.М. Буддизм в эпоху Токугава. Буддизм в Японии / под ред. Т.П. Григорьевой. Москва: Наука. 1993.
- Кужель Ю.Л. Скульптурные портреты японских религиозных деятелей // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 239–254.
- Суханов И.П., Синицин А.Ю. О декоративных особенностях некоторых цуба из собрания Центрального военно-морского музея // Кюнеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Вып. 8. С. 549–557. https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-314-9/978-5-88431-314-9_39.pdf (дата обращения: 04.04.2022).
- Штейнер Е.С. Zen Portraits Chinzō: Why Do They Look as They Do? // История и культура традиционной Японии 6. Вып. LI / под ред. А.Н. Мещерякова. Москва: Наталис. 2013. С. 187–199.

REFERENCES

- Grigorieva, T. (Ed.) (1993). *Buddizm v Yaponii* [Buddhism in Japan]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Kuzhel, Yu. (2018). *Scul'pturnye portrety yaponskikh religioznykh deyatelei* [The sculptural portraits of Japanese religious leaders]. *Yearbook Japan*, 47, 239–254. (In Russian).
- Steiner, E. Zen Portraits Chinzō: Why Do They Look as They Do? In A. Mesheryakov (Ed.), *Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii* [History and Culture of Traditional Japan] (pp. 187–199). Moscow: Natalis. (In Russian).
- Sukhanov, I., Sinitsin, A. (2016). O dekorativnykh osobennostyakh nekotorykh tsuba is sobraniya Tsentral'nogo voenno-morskogo muzeya [Decorative Peculiarities of Some Tsuba Swordguards in the Central Navy Museum Collection]. *Kyunerovskii sbornik: Materialy vostochnoaziatskikh i yugo-vostochnoaziatskikh issledovaniy* [Kuehner Collection: The Materials of East Asian and South-East

Asian Studies], Vol. 8, 549–557. Retrieved April 4, 2022, from https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-314-9/978-5-88431-314-9_39.pdf (In Russian).

* * *

- Baroni, H. (2000). *Ōbaku Zen: The Emergence of the Third Sect of Zen in Tokugawa Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Cahill, J.H. (1982). *The Distant Mountains: Chinese Painting of the Late Ming Dynasty, 1570-1644*. Tokyo and New York: Weatherhill.
- Fouk, T.G, Sharf, R.H. (1993). On the Ritual Use of Ch'an Portraiture in Medieval China. *Cahiers d'Extrême-Asie*, 7, 149–219. (In French).
- Kimura, T. (2007). *Shoki Ōbakuha no sōtachi* [The Monks of Early Ōbaku History]. Tokyo: Shunjūsha. (In Japanese).
- Lippit, Y. (2007). Negative Verisimilitude: The Zen Portrait in Medieval Japan. *Asian Art History in the Twenty-First Century*, 64–95.
- Nishigori, R. (2006). *Ōbaku zenrin no kaiga* [The Pictorial Art of Ōbaku Temples]. Tokyo: Chūōkōron bijutsu shuppan. (In Japanese).
- Nishimura T. (1934). *Ōbaku gazō shi* [Ōbaku portraits]. Kobe: Sōgensha. (In Japanese).
- Ōbaku bijutsu to Edo no hanga* [The Art of Ōbaku and Edo Woodblock Prints]. (2004). Machida: Machida shiritsu kokusai bijutsukan. (In Japanese).
- Ōbaku no bijutsu: Edo jidai no bunka wo kaeta mono* [The Art of Ōbaku: The Thing That Changed the Culture of Edo Period]. (1993). Kyoto: Kyoto kokuritsu hakubutsukan. (In Japanese).
- Ōbakuzen no bijutsu: Ingen zenji seitan 400 nenkinen* [The Art of Ōbaku: Celebrating the 400th Birthday of Zen Master Ingen Ryūki]. (1993). Fukuoka: Fukuoka kenritsu bijutsukan. (In Japanese).
- Ōtsuki, M. (1988). *Ōbaku bunka jinmei jiten* [The Biographical Dictionary of Ōbaku Art]. Tokyo: Shibunkakushuppan. (In Japanese).
- Sharf, E.H. (2004). Ōbaku Zen Portrait Painting and Its Sino-Japanese Heritage. *Images in Asian religions*, 290–345.
- Willmann, A. (2012). Yamato-e Painting. *Heilbrunn Timeline of Art History*. New York: The Metropolitan Museum of Art. Retrieved March 26, 2022, from https://www.metmuseum.org/toah/hd/yama/hd_yama.htm

Поступила в редакцию: 20.04.2022

Принята к публикации: 13.08.2022

Received: 20 April 2022

Accepted: 13 August 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49

Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.)

В.В. Гончар, В.Д. Поволоцкий

Аннотация. В статье изучается деятельность японских врачей на территории Приамурского генерал-губернаторства Российской империи. Выполненный архивный поиск позволил увидеть широкий спектр медицинских практик японских мигрантов, как организованных с разрешения местной администрации, так и примеры врачебной деятельности вне российского правового поля. Учредителями японских лечебных заведений на российской дальневосточной территории были частные лица, которые действовали как по собственной инициативе, так и по приглашению руководителей территориальной диаспоры. Коммерческая эффективность организованных лечебниц была одним из главных признаков успешности медицинской практики. Медицинская деятельность японских резидентов была сосредоточена в городах, в сельской местности же не была распространённым явлением. Повседневная работа японских врачей была основана на принципах западной медицины и направлена, в первую очередь, на удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании и лекарственном обеспечении соотечественников, что не исключало оказание медицинской помощи местному населению ввиду недостатка лечебных организаций и отечественных специалистов. В реестр оказываемых японскими врачами и вспомогательным медицинским персоналом (фельдшер, акушер, дантист, медсестра, провизор) услуг входила доврачебная, первичная врачебная и специализированная медицинская помощь, медицинские осмотры определённых контингентов населения, ряд работ по лабораторной диагностике, сестринский уход, работы по дезинфекции и стерилизации. В повседневной лечебной работе кроме консервативной терапии выполнялись операции на органах брюшной полости, ампутации, трепанации, томии, инцизии, экстракции, аборт. Вопросы профилактики, санитарии и другие проблемы общественного здравоохранения были вне сферы их деятельности. Оказание медицинской помощи осуществлялось как в условиях стационара, так и амбулаторно. Наличие спроса на медицинские услуги и особые конкурентные преимущества обеспечивали японских медицинских работников высокими гонорарами, однако в российском обществе их деятельность оценивалась неоднозначно, как по причине низкого уровня медицинского образования мигрантов, так и вследствие существовавшего дискурса о т.н. «жёлтой опасности».

Ключевые слова: Дальний Восток России, Япония, врачи, японская диаспора, медицинская практика, организация медицинской помощи, история медицины.

Авторы:

Гончар Владимир Владимирович, доктор медицинских наук, профессор кафедры стоматологии, КГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации специалистов здравоохранения» министерства здравоохранения Хабаровского края (адрес: Россия, 680009, Хабаровск, ул. Краснодарская, 9).
ORCID: 0000-0002-0200-6719; E-mail: goncharvv@mail.ru

Поволоцкий Владимир Дмитриевич, востоковед-филолог, переводчик японского языка (адрес: Россия, 680000, Хабаровск, Амурский бульвар, 2). ORCID: 0000-0002-8366-574X; E-mail: vladpovo@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) // Японские исследования. 2022. № 3. С. 39–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49

Japanese medical practices in the Amur Governorate-General (1884–1917)

V.V. Gonchar, V.D. Povolotsky

Abstract. The article reviews the activities of Japanese doctors in the Amur Governorate-General. Archival research allowed us to observe a whole range of Japanese migrants' private medical practices authorized by the local administration, as well as examples of their illegal medical activities. The founders of Japanese medical institutions in the Russian Far East were private individuals acting either on their own initiative, or at the invitation of the leaders of the local diaspora. The commercial efficiency of their hospitals was one of the main indicators of success of their medical practice. The medical work of Japanese residents was concentrated in cities and was not common in rural areas. The daily activities of Japanese doctors were based on the principles of Western medicine and were aimed primarily at meeting the healthcare needs and providing pharmaceutical drugs to their compatriots, but this did not exclude the provision of medical care to the locals due to the lack of medical organizations and private practitioners. The services provided by Japanese doctors and paraprofessionals (paramedics, obstetricians, dentists, nurses, pharmacists) included pre-hospital, primary medical, and specialized medical care, medical examinations of certain contingents of the locals, a number of laboratory diagnostics, nursing care, disinfection and sterilization.

In everyday medical activities, in addition to conservative therapy, operations on the abdominal organs, amputations, trepanations, incisions, extractions, and abortions were performed. Prevention, sanitation, and other public health issues were out of their scope. The provision of medical care was carried out both at the inpatient and outpatient levels. The large demand for medical services and special competitive advantages ensured high earnings for Japanese medics. But these activities were ambiguously assessed in Russian society, both due to the low level of medical education of the immigrants, and due to the existence of the discourse about the so-called “Yellow Peril”.

Keywords: doctors, Japanese diaspora, medical practice, organization of medical care, history of medicine, Russian Far East, Japan.

Authors:

Gonchar Vladimir V., Doctor of Sciences (Medical Science), Professor, Department of Dentistry, Postgraduate Institute for Public Health Workers (address: 9, Krasnodarskaya str., 9, Khabarovsk, 680009, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-0200-6719; E-mail: goncharvv@mail.ru

Povolotsky Vladimir D., orientalist-philologist, Russian-Japanese interpreter (address: 2, Amurskiy boulevard, Khabarovsk, 680000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8366-574X; E-mail: vladpovo@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Gonchar V.V., Povolotsky V.D. (2022). Yaponskiye meditsinskiye praktiki v Priamurskom general-gubernatorstve (1884–1917 gg.) [Japanese medical practices in the Amur Governorate-General (1884–1917)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 3, 39–49. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49

Японская трудовая миграция на российский Дальний Восток, а также деятельность японской диаспоры в конце XIX – начале XX вв. была предметом многочисленных публикаций и научных исследований [Васкевич 1905; Вехотина 2006; Моргун 1996; Поволоцкий 2018]. В центре внимания этих работ была коммерческая деятельность японских предпринимателей, функционирование японских сообществ и производственных корпораций, раскрывалась роль диаспоры в повседневной жизни японских мигрантов. Одной из сфер деятельности японских резидентов была частная медицинская практика [Гончар 2018]. По подсчётам Тамура Айка, в 1917 г. на Дальнем Востоке России осуществляли деятельность 27 японских врачей общей врачебной практики и 23 зубных врача [Тамура 2007]. Врачебная деятельность японских подданных на территории Дальнего Востока России была проанализирована В.В. Граве в трудах Амурской экспедиции 1910 г. В своём отчёте он даёт оценку этому явлению в целом и делает вывод, что ввиду недостатка врачей на Дальнем Востоке медицинская практика японцев была полезна для населения региона. Однако из-за увеличения количества отечественных специалистов этот вид инициативы японцев был ограничен, а впоследствии было бы необходимо полностью его запретить, как в связи с несовместимостью этой деятельности статусу врачей, так и по причине низкого уровня медицинского образования в Японии [Граве 1912]. К сожалению, на сегодняшний день врачебная практика японских резидентов на российском Дальнем Востоке остаётся «белым пятном» не только вследствие отсутствия свидетельств современников и недостаточности источников, но и из-за политизированности российско-японских отношений.

Целью нашего исследования является изучение деятельности японских врачей общей врачебной практики на территории Приамурского генерал-губернаторства.

Источниками работы послужили документы российского и японского происхождения. В качестве неопубликованных источников исследования использовались материалы на японском языке из электронной базы данных об истории международных отношений Японии под эгидой Национального архива Японии Japanese Centre for Asian Historical Records (JACAR) – Японский центр азиатских исторических записей (<http://www.jacar.go.jp>), выявленные и переведённые нами на русский язык. Изученные материалы представляют собой, главным образом, заявления японских резидентов в Министерство иностранных дел (МИД) Японии о нанесённом ущербе по причине вынужденной репатриации японской диаспоры в связи с началом Русско-японской войны (1904–1905 гг.).

Врачебный Устав в Российской империи предусматривал, что иностранные врачи, желающие заниматься вольной практикой в России, были обязаны сдать экзамен и иметь свидетельства из российских университетов, сверх этого претенденты должны были владеть русским языком. Однако ввиду недостатка врачей на Дальнем Востоке России, Медицинским советом при Министерстве внутренних дел (МВД) России было сделано исключение для японских врачей. Разрешение на занятие медицинской практикой, а также на открытие аптек японскими специалистами выдавалось индивидуально в каждом конкретном случае по решению местных властей [Граве 1912]. В результате этого, на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. появились медицинские практики, учредителями которых являлись японские подданные.

В ноябре 1900 г. было открыто заведение Миноура Ёсио 箕浦義男, уроженца г. Сасэбо префектуры Нагасаки. Его врачебная практика располагалась во Владивостоке в Косом переулке, 2. Первоначально деятельность Миноура ограничивалась проведением

медицинских осмотров и освидетельствованием пациентов на наличие заразных и венерических болезней. В связи с началом военных действий Миноура 6 февраля 1904 г. покинул Владивосток и вернулся в Японию. После войны, в апреле 1906 г., Миноура вновь приезжает во Владивосток и занимается медицинской практикой до сентября 1922 г.¹ Надо отметить, что оставленное японское имущество в период Русско-японской войны не подвергалось конфискации местными властями и в основном было сохранено, благодаря чему многие японские мигранты приступили к своей деятельности сразу после возвращения на прежние места работы.

Клиника доктора Ёсиока Такэси 吉岡猛, уроженца г. Сага, также располагалась в Косом переулке, 2. Это было лечебное заведение общей врачебной практики с небольшим стационаром и аптекой, в которой вместе с главным врачом работало ещё три наёмных соотечественника. Ёсиока специализировался на заболеваниях уха, горла и носа. После Русско-японской войны под его редакцией вышла в свет популярная книга для широких слоёв населения по гигиене и профилактике заболеваний органов носоглотки [Yoshioka Takeshi 1907]. Ёсиока с семьёй был эвакуирован в Японию на пароходе «Батавия» накануне войны. В заявлении на компенсацию потерь вследствие вынужденной эвакуации из Владивостока были указаны средства на организацию медицинской деятельности, потери медицинского оборудования и мебели, затраты на организацию фармацевтической деятельности. Впоследствии он занимался медицинской деятельностью на родине².

В апреле 1901 г. на ул. Фонтанной во Владивостоке была открыта «Лечебница доктора Мори», учредителем которой был Мори Такаси 森 矯. Он родился в деревне Минамимугэ уезда Муги префектуры Гифу. В связи с надвигающейся войной в феврале 1904 г. он вернулся на родину, а большая часть имущества им была оставлена в клинике. По представленному перечню расходов на организацию медицинского учреждения, а также оставленного им оборудования можно судить о характере медицинской деятельности этого учреждения. В клинике были организованы и оснащены смотровой и гинекологический кабинеты, стационар, который включал в себя операционную и палаты для пациентов, столовую и кухню, имелась собственная аптека. В список оставленных материальных ценностей входили медицинские инструменты, запас лекарственного сырья и перевязочных материалов, продовольствие и дрова. В сумму ущерба были включены неоплаченные счета пациентов за оказанные медицинские услуги и лекарства. После Русско-японской войны Мори Такаси жил и работал в Харбине. В 1908 г. медицинским управлением Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) ему было выдано разрешение на занятие частной врачебной практикой, однако его деятельность была ограничена обслуживанием только соотечественников, китайцев и корейцев³.

Из архивных источников стало известно, что с мая 1901 г. по февраль 1904 г. во Владивостоке была организована частная медицинская практика Аоки Самугю 青木三奎, уроженца г. Токио. Его клиника и жильё располагались на ул. Пекинской. В момент

¹ JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60.

² JACAR.B09072701800, с. 1–8.

³ JACAR.B09072803400, с. 1–3; B09072836700, с. 78; B12082208500, с. 2–4.

эвакуации ему пришлось оставить большую часть имущества, а именно медицинские инструменты и оборудование, медикаменты, перевязочные материалы, мебель⁴.

Частная медицинская практика врача общей практики Сида Кани 志田力二 была организована во Владивостоке в 1902 г. В мае 1906 г. Сида подал заявление об ущербе, понесённом в связи с подготовкой в 1903 г. к открытию лечебного учреждения со стационаром, которое должно было располагаться на ул. Семёновской. Согласно этому документу, общий ущерб составил весомую по тем временам сумму, в которой фигурируют средства, потраченные на организацию учреждения, закупку медицинских инструментов и медикаментов, аренду помещения, средства, потраченные авансом на заработную плату сотрудникам⁵.

В японских источниках упоминается врач Кидо Ёносукэ 木藤与之助, который осуществлял свою деятельность во Владивостоке на ул. Алеутской, а после войны на ул. Фонтанной. Обращает на себя внимание то, что Кидо наряду с другими соотечественниками, в том числе с рядом японских докторов, регулярно перечислял пожертвования на содержание «Владивостокского торгового ежемесячного вестника» на японском языке. Издание готовилось к печати Владивостокским обществом изучения торговли, которое было учреждено летом 1902 г. Готовый материал печатался в г. Цуруга префектуры Фукуи для японцев, проживавших на Дальнем Востоке⁶. Интересен и тот факт, что в «Справочнике по Владивостоку», изданном в Японии в 1902 г., отмечалось, что клиники докторов Кидо, Миноура, Ёсиока (в источнике ошибочно записано Ёсида) «пользуются большим доверием во Владивостоке и сюда приезжают на лечение многие русские и китайцы» [Tsunoda Tajirou 1902]. Можно предположить, что «большое доверие» материализовывалось в высокие гонорары.

В августе 1902 г. организовал медицинскую практику в Никольске уроженец деревни Минамикасима уезда Фудзицу префектуры Сага Кубусиро Канэясу 久布白兼康. Обращает на себя внимание тот факт, что до него в арендованном им помещении была организована лечебная деятельность врача Такаги Тосимити 高木俊道, уроженца г. Осака. Однако летом 1902 г. он был приглашён на работу в Харбин. Из японских источников стало известно, что Кубусиро 10 июля 1902 г. получил свидетельство врачебного отделения при военном губернаторе Приморской области, разрешающее заниматься врачебной практикой исключительно среди японского населения. При этом он должен был выполнять ряд условий: уведомлять администрацию города о каждом случае выявления заразной болезни, о каждом случае насильственной смерти, тяжёлых отравлениях и опасных повреждениях, предоставлять врачебному инспектору Приморской области ведомости о принятых больных по прилагаемым образцам. Разрешение было выдано помощником врачебного инспектора Приморской области во Владивостоке, доктором медицины Н.Е. Акацатовым. В феврале 1904 г. Кубусиро вернулся на родину. В результате эвакуации ему пришлось оставить укомплектованное всем необходимым лечебное учреждение и аптеку⁷. Необходимо отметить, что действовавшие аптеки при японских лечебницах создавались для изготовления

⁴ JACAR.B09072836700, с. 78; B09072775100, с. 2.

⁵ JACAR.B09072831700, с. 13, 62; B09072795400, с. 1–7.

⁶ JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60.

⁷ JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60; B09072715000, с. 5.

лекарств и их отпуска пациентам, которые лечились в этих заведениях. Функции провизоров и фармацевтов выполняли японские работники. Готовые лекарственные формы, а также различные медицинские товары также продавались в универсальных магазинах, владельцами которых являлись подданные Японии.

Следует отметить, что иногда появление и пребывание врачей в России, в том числе на арендованных Россией территориях в Маньчжурии, не были случайными. В определении места работы японских врачей общей практики было причастно японское коммерческое агентство во Владивостоке и одно из обществ японских резидентов в городах Дальнего Востока. Как правило, коммерческое агентство оказывало содействие только в обустройстве своих подданных на Дальнем Востоке, при этом никаких денежных средств не выделяло. Деятельность такого рода врачей регулировалась договорными обязательствами приглашающей стороны, например, по условиям договора мог быть оплачен проезд к месту работы, аренда жилья, а также мог быть предоставлен заём на обустройство лечебницы и т.п. К такой категории можно отнести доктора Итикава Наотаро 市川直太郎, уроженца г. Осака, который прибыл на российский Дальний Восток в сентябре 1902 г. по приглашению главы общества японских резидентов во Владивостоке и содействии японского коммерческого агента. В случае с Итикава приглашающая сторона изначально предполагала целенаправленное его использование в качестве многопрофильного специалиста для решения проблем с оказанием медицинской помощи в японских общинах. Что касается лечения россиян, то этот момент рассматривался как возможный побочный бизнес в его врачебной деятельности⁸.

Получив разрешение от российских властей на ведение частной медицинской деятельности, Итикава открывает в Хабаровске клинику общей врачебной практики. Однако через год он переезжает в Благовещенск, где на ул. Никольской открывает аналогичное заведение. В результате разразившейся Русско-японской войны он с семьёй был репатрирован через европейскую часть России и Германию в Японию. Кстати, Итикава оказался единственным доктором, который оказывал медицинскую помощь своим соотечественникам-репатриантам в количестве нескольких сот человек по пути следования в Германию. Об оснащении его клиники в Благовещенске и проводимой там лечебной работе дают представления выявленные документы. В своём заявлении о понесённом ущербе он указывает на потерю инструментов для осмотра и физикального обследования пациентов, хирургических инструментов, включая операционный стол, устройство для ингаляционного наркоза, микроскопа, стерилизатора и средств для дезинфекции. Кроме того, акушерские и гинекологические инструменты, включая гинекологический операционный стол; офтальмологические инструменты и аппараты, линзы и очки; зубоврачебные инструменты и приспособления, включая зубоврачебное кресло, бормашину, инструменты для лечения зубов, пломбирочные материалы; урологические инструменты и приспособления, приборы и устройства для проведения анализа мочи, а также инструменты и приспособления для приготовления лекарственных форм, включая весы, стеллажи, различные емкости, сырьё и медицинская литература. В список потерянного имущества были включены конюшня, хозяйственные постройки, телега, сани, мягкий инвентарь, мебель, запас продовольствия⁹.

⁸ JACAR.B09072829600, с. 8, 12.

⁹ JACAR.B09072836300, с. 4, 9, 26, 34, 37, 59–60; B09072829600, с. 8, 12.

С августа 1902 г. по 17 марта 1904 г. в Николаевске осуществлял медицинскую деятельность Накама Рюдзо (другое чтение фамилии: Тiома) 中馬龍造, уроженец г. Химэдзи префектуры Хёго. Примечательно, что с сентября по декабрь 1904 г. у Накама работал по договору переводчик русского языка Нагаока Тацудзуги 長岡辰槌. Считалось, что незнание японскими врачами русского языка являлось существенным препятствием для их работы с русскоговорящими пациентами, т.к. они не могли правильно поставить диагноз и, следовательно, правильно лечить больного. Ряд врачей обходили это препятствие путём найма переводчиков, но не везде это было возможно. Многие переводчики того времени были самоучками, поэтому их уровень знания русского языка очень часто оставлял желать лучшего. В начале войны, врач с семьёй и переводчиком были репатриированы через европейскую Россию в немецкий порт Бремен, а далее на родину. Всё своё имущество Накама пришлось оставить в Николаевске. В японских источниках также упоминается врач Накамидзо Кэнъити 中溝建一, уроженец г. Сага, который с 1907 г. по март 1920 г. жил и работал в Николаевске¹⁰.

Согласно японским источникам, в Хабаровске с октября 1907 г. по октябрь 1920 г. занимался медицинской практикой Акасаки Масухико 赤崎増彦, уроженец деревни Оэмура уезда Амакуса префектуры Кумамото, который специализировался по внутренним и венерическим болезням. Из документов мы узнали, что он имел разрешение на врачебную практику от российских властей, в клинике работало 4 члена семьи и 4 наёмных работника, имелся стационар на 20 коек. Акасаки был активным членом общества японских резидентов «Кёрюминкай», являлся полномочным представителем верующих в японском буддийском храме «Хафу Хонгандзи»¹¹.

Практика выдачи разрешений на врачебную деятельность японцев в Приамурском генерал-губернаторстве с 1908 г. стала ужесточаться и была ограничена исключительно японским населением, китайцами и корейцами. В Приамурском крае, по свидетельству врачебной инспекции, в 1910 г. лишь 8 врачей официально имели разрешение на медицинскую деятельность среди своих соотечественников: во Владивостоке – 5 чел., в Никольске – 2 чел., в Николаевске – 1 чел. [Граве 1912], причём в том же источнике утверждалось, что в Благовещенске и Хабаровске такие специалисты отсутствовали. Однако в Хабаровске, согласно японским архивным данным, в 1910 г. официально работала клиника общей практики, и её владельцем был вышеупомянутый Акасаки Масухико.

Кроме официально зарегистрированных врачей медицинской практикой занимались и нелегально. Например, в 1910 г. в сёлах Благословенное, Игнашино и Покровка такого рода лекари практиковали круглый год. Японский врач из села Покровка, опасаясь преследования, переехал на территорию Китая, где вёл медицинский приём казаков, приезжавших туда из России. К сожалению, преследовать таких медиков, по мнению местных властей, было крайне трудно. Это было связано с тем, что в ряде мест население их скрывало, боясь остаться совершенно без врачебной помощи [Граве 1912].

Была и другая сторона нелегальной врачебной деятельности. В 1912 г. представитель генерального консульства во Владивостоке Симада Сигэру 島田滋 посетил ряд городов

¹⁰ JACAR.V09072854500, с. 4–6.

¹¹ JACAR.V09073196200, с. 1–6.

Дальнего Востока. В своём отчёте он упоминает деятельность японских врачей с положительной стороны, однако подчёркивает, что некоторые из них не оформляют у местных властей никаких разрешительных документов по причине того, что не имеют даже японского медицинского диплома, поэтому занимаются врачеванием «совершенно нелегально»¹².

Изученные нами документы указывают на то, что в 1915 г. в Сретенске была организована медицинская практика Хидака Митиэ 日高三千衛, уроженца деревни Куманодзё уезда Сацума префектуры Кагосима. В японском архиве сохранились документы, свидетельствующие о том, что во время своего пребывания в Сретенске Хидака в январе 1916 г. направлялся в Москву на 4-месячную стажировку в российский госпиталь. По завершении стажировки он сдал экзамены на русском языке, получил медицинский диплом, который позволял ему работать в России без ограничений, и возвратился в Забайкалье¹³. После Октябрьской революции его врачебная деятельность осуществлялась в Хабаровске и Никольском.

В ноябре 1916 г. Хабаровским обществом японских резидентов для работы в городе по обслуживанию в первую очередь членов местной японской диаспоры был приглашён врач Хамамацу Тэцуо 濱松哲雄, который до этого, с марта по ноябрь 1916 г., жил и работал в Никольске. Он родился 4 февраля 1892 г. в районе Тэмпи г. Наха префектуры Окинава. Согласно визитной карточке, копия которой помещена в японском архиве, его больница находилась по адресу: ул. Протодьяконовская, Средняя гора, склон к Чердымовке, дом Ступина, № 52. Лечебное заведение представляло собой отдельно стоящий дом площадью 100 кв. м., огороженный изгородью. В Хабаровске Хамамацу прожил до 28 марта 1920 г. Судя по описи оставленного им медицинского оборудования, в его клинике приём больных осуществлялся по следующим направлениям: терапия, хирургия, гинекология, венерология и зубооравление. Хамамацу был активным членом японской общины в Хабаровске, во время проведения собраний всегда выбирался в президиум¹⁴.

Ещё одной стороной японского медицинского присутствия в Приамурском генерал-губернаторстве являлось оказание японскими врачами и фельдшерами медицинской помощи коренному населению Дальнего Востока, а также русским рабочим на сезонной рыбалке вне медицинских организаций. Это стало реальностью в результате предоставления японским рыбопромышленникам возможности заниматься рыбной ловлей по всему русскому побережью Тихого океана, а также права на скупку рыбы у местного населения и её переработки по морским берегам России. Однако врачебная деятельность в отдалённых местах, по мнению В.В. Граве, была абсолютно нежелательна, по причине отсутствия какого-либо контроля [Граве 1912].

Таким образом, неразвитостью системы общественного и ведомственного здравоохранения, а также низким качеством медицинского обслуживания в лечебных учреждениях региона, практически полным отсутствием вольной медицинской практики воспользовались японские врачи и вспомогательный медицинский персонал (фельдшеры,

¹² JACAR.B16080794000, с. 84.

¹³ JACAR.B09073272400, с. 6.

¹⁴ JACAR.B09073196800, с. 6–12; B09073215900, с. 4–26.

акушеры, дантисты, фармацевты и др.), которые стали заполнять пустующие ниши коммерческой деятельности в этом направлении.

Деятельность городских вольнопрактикующих японских врачей была направлена, в первую очередь, на удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании и лекарственном обеспечении членов диаспоры, в числе которых были довольно обеспеченные люди – владельцы торговых домов, ремесленники, торговцы, рестораторы и держатели гостиниц, ювелиры и часовщики, а также их семьи. В связи с этим нельзя не отметить многочисленные дома терпимости, которые открывали японские мигранты, где главными действующими лицами были японские женщины. Оказание японскими врачами медицинской помощи в сельской местности не было распространённым явлением.

Особенностью врачебной деятельности японцев на российском Дальнем Востоке было то, что она была неотделимо связана с национальной диаспорой, повседневная жизнь которой находилась под постоянным контролем со стороны японских неправительственных объединений, членами которых фактически был каждый японский эмигрант. Более того, японские врачи ещё до начала Русско-японской войны были объединены на российском Дальнем Востоке профессиональным союзом, что вкупе со сплочённостью, общей поддержкой и взаимной согласованностью планов придавало деятельности врачей особые конкурентные преимущества.

Нельзя не отметить такие черты национального характера японцев, как трудолюбие, аккуратность, сдержанность, способность быстро и качественно выполнять возложенные на них обязанности. Это позволило им за короткий период времени обзавестись обширной клиентурой, в т.ч. среди российского населения. С другой стороны, постоянно увеличивающиеся объёмы практики, наличие платежеспособного населения, заработанный личный авторитет, наличие рекламы обеспечивали практику высокими гонорарами.

Мы не располагаем конкретными сведениями о специализации японских врачей, но по обнаруженным документам можно заключить, что большинство их не имело никакой специализации. Однако в спектр оказываемых японскими врачами услуг, кроме общей врачебной практики, входили хирургическая, гинекологическая, офтальмологическая, зубо врачебная помощь, лечение внутренних, венерических и инфекционных болезней. Одной из особенностей развития частной врачебной практики является появление лечебных заведений – общих и специализированных, в составе которых была амбулатория и стационар, причём в таких лечебницах работали не только родственники учредителей, но и наёмные работники.

К сожалению, недостаток врачей, высокая стоимость лечения у дипломированных специалистов с одной стороны, низкий уровень материального достатка и культурного развития части населения, недоверие к официальной медицине с другой, а также повышение конкуренции в этой отрасли приводили к тому, что формировался теневой рынок японских медицинских услуг. Общественность региона, в том числе многие медицинские работники, обращала внимание на то, что японские подданные, именуя себя врачами, стали заниматься врачебной практикой вне медицинского надзора, причиняя населению «больше вреда, чем добра», и требовала от местной власти более жёсткой борьбы с незаконной частной практикой [Гончар 2018]. Было и другое мнение, заключавшееся в том, что многие японские врачи в медицине ничего не понимали и лечили самыми простыми средствами, не приносящими никакой пользы [Граве 1912].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васкевич П.Г.* Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск. 1905.
- Вехотина Ю.А.* Формирование японской диаспоры на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 190–195.
- Гончар В.В.* Стоматологическая помощь на Дальнем Востоке России: организация и повседневная практика (1890–1991 гг.): монография. Хабаровск. 2018.
- Граве В.В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Отчёт Уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб. 1912.
- Моргун З.Ф.* Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 90–108.
- Поволоцкий В.Д.* Расцвет и трагический исход японской диаспоры в Хабаровске в период с конца 19 века по октябрь 1920 года : монография. Токио. 2018.
- Тамура Айка.* Японская иммиграция на Российский Дальний Восток во второй половине XIX – первой трети XX в. (По источникам и литературе на японском языке): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Владивосток. 2007.

REFERENCES

- Gonchar, V.V. (2018). *Stomatologicheskaya pomoshch' na Dal'nem Vostoke Rossii: organizatsiya i povsednevnyaya praktika (1890–1991 gg.)* [Dental Care in the Russian Far East: Organization and Daily Practice (1890–1991)]. Khabarovsk. (In Russian).
- Grave, V.V. (1912). *Kitaitsy, koreitsy i yaponsy v Priamur'e. Otchet Upolnomochennogo Ministerstva inostrannykh del V.V. Grave. Trudy komandirovannoi po Vysochaisheму poveleniyu Amurskoi ekspeditsii* [Chinese, Koreans, and Japanese in the Amur Region. Report of the Commissioner of the Ministry of Foreign Affairs V.V. Grave. Proceedings of the Amur Expedition sent by the Highest Order]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Morgun, Z.F. (1996). *Yaponskaya diaspora vo Vladivostoke (stranitsy istorii)* [Japanese Diaspora in Vladivostok (Pages of History)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Oriental Institute of the Far Eastern State University], 3, 90–108. (In Russian).
- Povolotsky, V.D. (2018). *Rastsvet i tragicheskii iskhod yaponskoi diaspory v Khabarovske v period s kontsa 19 veka po oktyabr' 1920 goda* [Flourishing and Tragic Departure of the Japanese Diaspora in Khabarovsk from the End of the 19th Century to October 1920]. Tokyo. (In Russian).
- Tamura, Aika. (2007). *Yaponskaya immigratsiya na Rossiyskii Dal'nii Vostok vo vtoroi polovine XIX – pervoi treti XX v. (Po istochnikam i literature na yaponskom yazyke)* [Japanese Immigration to the Russian Far East in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Centuries (Based on Sources and Literature in Japanese)]. Candidate of Historical Sciences dissertation summary. Vladivostok. (In Russian).
- Vaskevich, P.G. (1905). *Ocherk byta yaponsev v Priamurskom kraye* [Essay on the Life of the Japanese in the Amur Region]. Verkhneudinsk. (In Russian).
- Vekhotina, Yu.A. (2006). *Formirovaniye yaponskoy diaspory na Dal'nem Vostoke Rossii* [Formation of the Japanese Diaspora in the Far East of Russia]. *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia Pacific Region], 3, 190–195. (In Russian).

* * *

Tsunoda Tajirou. (1902). *Urajiō annai* [Guide to Vladivostok]. Tokyo: Nichiro Keizaikai. (In Japanese).
Yoshioka Takeshi. (1907). *Eisei kyōiku. Jibi inkō no shiori* [Hygiene education. Manual of otorhinolaryngology]. Saga. Yōseidō. (In Japanese).

Поступила в редакцию:	16.05.2022	Received:	16 May 2022
Принята к публикации:	26.07.2022	Accepted:	26 July 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-50-68

Китай и китайское в энциклопедиях жанра *сэцуё:сю:* на примере энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан» (*Токай сэцуё: хяккацу:*, Осака, 1801)

М.М. Киктева

Аннотация. Во второй половине XVIII в. в Японии происходит процесс формирования коллективной идентичности. Немалую роль в этом сыграла массовая доступная литература. В популярных изданиях часто содержатся сведения о географии и истории Китая. В этой работе на примере популярной энциклопедии жанра *сэцуё:сю:* «Собрание полезных сведений для горожан» мы рассматриваем образ Китая в популярной справочной литературе и его возможную роль в формировании представлений о Японии. Энциклопедия была составлена в Осаке в 1790-х гг. знатоком китайского языка и истории и каллиграфом Такаясу Рооку и представляет собой один из характерных примеров справочных изданий такого рода. Большому в сравнении с другими подобными изданиями содержанию сведений о Китае энциклопедия отчасти обязана, вероятно, профессиональным интересам и знаниям составителя. В энциклопедии содержатся следующие разделы и упоминания Китая: изображение обитателей Китая, Китай на карте мира, стихи и изображения китайских достопримечательностей, изображения выдающихся исторических героев и их краткое жизнеописание, список выдающихся каллиграфов. Как и другие разделы энциклопедии, они содержат подробные иллюстрации. Например, раздел, посвящённый китайскому оружию, изображения озера Сиху, изображение восьми видов Сяо и Сян, изображение китайских и японских героев, жизнеописания выдающихся людей. В некоторых случаях нам удастся проследить источник заимствования информации о Китае, как, например, в случае с изображением китайского оружия или частично в описании 24 примеров сыновней почтительности. В других случаях, анализируя содержание раздела, например, список выдающихся китайских каллиграфов, мы находим подтверждение общественным вкусам и моде того времени. Отдельное внимание в работе уделено способам именованию Китая. В этой работе мы отдельно выделяем способы восприятия и изображения Китая. Это Китай как источник мудрости и добродетели (жизнеописания выдающихся людей, 24 примера сыновней почтительности); Китай как источник культурных заимствований (список каллиграфов); сопоставление с «китайским» для придания значимости «японскому» (стихи и достопримечательности); современный Китай как источник современных знаний, потенциальная угроза и предмет интереса.

Ключевые слова: Япония, эпоха Токугава, Китай, названия Китая, *кара, то:*, энциклопедии *сэцуё:сю:*, Такаясу Рооку, *мэйсё*.

Автор: Киктева Мария Максимовна, старший преподаватель, НИУ ВШЭ, Школа востоковедения (адрес: Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20). ORCID: 0000-0001-9513-0796; E-mail: kiktevam@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Киктева М.М. Китай и китайское в энциклопедиях жанра *сэцуё:сю*: на примере энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан» (*Токай сэцуё: хяккацу*., Осака, 1801) // Японские исследования. 2022. № 3. С. 50–68. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-50-68

The image of China and Chinese in *setsuyōshū*. Case study of “The Complete Compendium of Urban Knowledge” (*Tokai setsuyō hyakkatsū*, Osaka, 1801)

M.M. Kikteva

Abstract. During the second half of 18th century, the formation of collective identity continues to proceed in Japan. Popular literature impacted this strongly. A lot of materials published during this period contained knowledge about Chinese history and geography. In this paper, we try to examine the image of China in *setsuyōshū* as an example of popular mass literature, using the case of “The Complete Compendium of Urban Knowledge”, and the role it played in the formation of the image of Japan. The book was compiled in Osaka at the end of the 18th century and appears to be one of the characteristic examples of the genre. Its author Takayasu Rooku was a well-educated calligrapher and connoisseur of the Chinese language and Chinese history. Due to the professional interests of the compiler, the amount of knowledge about China in the edition is greater than in other similar works. Chapters related to China focus on famous places, heroes, provide a list of calligraphers, show China’s place in the world map and images of Chinese people. Like other chapters of the book, they are accompanied by detailed illustrations: there are images of the eight views of Shao and Shang, Chinese heroes, famous people. We try to trace the source of information, as in the case of the chapter about Chinese arms and partly in the case of the 24 examples of filial piety. In some cases, we can trace the fashion and social tastes of the time: such is the case of the list of great Chinese calligraphers. We also pay attention to how China is called in different parts of the book. We try to examine the ways China was perceived and how its image was formed. We distinguish China as the source of wisdom and virtue; China as the source of cultural borrowings; China as an object of comparison to validate the quality of Japanese famous landscapes; contemporary China as a source of modern knowledge, a potential threat, and an object of interest.

Keywords: Japan, Tokugawa period, China, names of China, *kara*, *tō*, Takayasu Rooku, *setsuyōshū* encyclopedias, *meishō*.

Author: Kikteva Maria M., senior lecturer, School of Oriental Studies, Higher School of Economics (20, Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9513-0796; E-mail: kiktevam@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kikteva M.M. (2022). Kitai i kitaiskoye v entsiklopediyakh zhanra *setsuyōshū* na primere entsiklopedii «Sobraniye poleznykh svedenii dlya gorozhan» (*Tokai setsuyō hyakkatsū*, Osaka, 1801) [The image of China and Chinese in *setsuyōshū*. Case study of “The Complete Compendium of Urban Knowledge” (*Tokai setsuyō hyakkatsū*, Osaka, 1801)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 3, 50–68. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-50-68

Введение

Установление мира в начале XVII в., экономический рост и стремительная урбанизация на протяжении XVII–XVIII вв. способствовали повышению уровня грамотности и развитию

коммерческого книгопечатания. Одной из жанровых особенностей массовой литературы второй половины XVIII в. стало обилие справочной литературы различной тематики: каталогов, указателей, словарей, поучений, энциклопедий. Наличие доступной широким слоям населения разнообразной информации способствовало формированию феномена, который исследовательница Японии Раннего Нового времени из университета Беркли Мэри Элизабет Берри назвала термином «library of public information» [Berry, p. 15], то есть базы знаний, которая была доступна и известна значительной части населения и оказывала влияние на формирование образа мира.

Помимо практически ориентированных книг, например справочников о таких сферах повседневной жизни, как этикет, воспитание детей и составление писем, часть их была посвящена истории и географии, преимущественно Японии. Это разнообразные путеводители, каталоги, карты, исторические таблицы. Некоторые исследователи указывают, что именно в это время происходит формирование образа японского архипелага в глазах грамотного или имевшего доступ к печатной информации населения как единой сущности, а географические и исторические описания служили одним из источников формирования групповой идентичности широких слоёв населения, связанных с образами общего исторического прошлого и общей обширной территории расселения.

Кроме книг, содержащих сведения исключительно об истории и географии Японии, в это время выходили карты мира, карты Китая, справочники и сводные таблицы, посвящённые китайской истории. Многие исторические, художественные, научные труды этого периода посвящены Китаю, его культурному и историческому наследию. Китай на протяжении всей истории Японии был её наиболее могущественным соседом, торговым партнёром, источником цивилизационного влияния и культурных заимствований. Говоря об упоминаниях и описаниях китайского, мы должны помнить, что речь идёт не о реальной стране или географическом понятии, а о совокупности разноплановых образов, зачастую имеющих отдалённое отношение к своему прототипу и именуемых по-разному. Говоря о токугавской Японии рубежа XVIII–XIX вв., мы можем выделить несколько планов восприятия Китая. Во-первых, это древний Китай, обозначаемый чаще всего термином *кан* (漢), – источник культурных заимствований, место происхождения официальной идеологической системы сёгуната – неоконфуцианства. Именно этот Китай становится объектом изучения учёных *кангакуся* (漢学者), источником исторических развлекательных и поучительных сюжетов.

Однако помимо древнего идеального Китая, который был источником мудрости, интерес вызывал и современный Китай. Мы можем встретить такие обозначения современного Китая как *дайминкоку* (大明国) и *дайсэйкоку* (大清国). Этот Китай – прежде всего торговый партнёр, источник новых книг и новых сведений о мире. При этом, как указывает специалист по исторической географии и картографии Раду Лека, он иногда воспринимался как источник внешней угрозы [Lesa, p. 51]. Как и всякое реальное явление, отношение к Китаю и его жителям у современных им японцев, как мы можем судить по письменным свидетельствам представителей интеллектуальной элиты, было разным: от слегка разочарованного у географа, картографа и путешественника Нагакубо Сэкисуи [Yonemoto, p. 78], который видел в своих заморских современниках недостойных потомков представителей великой культуры, до заинтересованного и уважительного у одного из

основоположников жанра *ёмихон* (読本) Цуга Тэйсё [Beerens, p. 155], который был популяризатором китайской культуры и изучал современную китайскую развлекательную литературу.

Кроме древнего и современного Китая, можно выделить китайское в повседневной развлекательной культуре. В этом контексте его обозначали иероглифом *то:* (唐) и имели в виду всё странное, непривычное, заморское, чужое.

Что касается представления о Китае в целом, в это время в Японии параллельно существовало несколько космологических концепций, каждая из которых помещала Китай на разную позицию относительно Японии. Одна из них – концепция *сангокукан* (三国観), то есть «трёх стран»: Индии, Китая и Японии. Согласно этой концепции, Индия – место происхождения буддизма, а Китай – место, куда буддизм пришёл позже, то есть менее древнее. Другая концепция тоже связана с буддизмом – это традиционное буддийское представление об устройстве мира, в котором Япония изображается «маленькой страной» на краю мира. Кроме того, к этому времени в Японии была переосмыслена китайская концепция «срединной страны», однако в центр мира в ней теперь был помещён не Китай, а Япония¹.

В этой работе, анализируя содержание энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан» (*Токай сэцуё: хяккацу:*, Осака, 1801, далее – ТСХЦ), связанное с Китаем и китайским, и сравнивая её с другими аналогичными изданиями, мы пытаемся ответить на вопрос, можно ли рассматривать образ Китая и китайского в популярной справочной литературе как образ «другого», на котором строится самоидентификация, и каковы отношения с этим «другим» – противопоставление, наследование, отождествление или сочетание этих моделей в популярной справочной городской литературе.

Рассмотрению образа Китая как «другого» посвящено немало работ японских и иностранных исследователей, мы коснёмся лишь самых значительных. Одно из исследований, посвящённых роли образа другого в формировании коллективной идентичности на примере Китая в токугавской Японии, – работа исследователя построения образа «другого» и восприятия японцами окружающих народов Судзуки Кэйко «Construction of Other in Early Modern Japan» [Suzuki]. Судзуки рассматривает эволюцию значения термина *то:дзин* (唐人) и области его употребления. Она отмечает, что он обозначал не только китайцев, но всех иностранцев. Рассматривая значение слова *кара* (唐), она указывает, что начиная с эпохи Хэйан (794–1185) этим словом обозначали не только Китай, но и все страны, цивилизационно превосходящие Японию, а такая приставка перед названием предмета указывала на его отличное качество, превосходящее то, что могло быть достигнуто в Японии. Также необходимо упомянуть Джошуа Фогеля, автора многих статей и книг о взаимодействии Китая и Японии в эпоху Токугава, который ввёл термин «sinosphere» для анализа культурного взаимодействия двух стран и характера влияния и восприятия [Fogel, p. 9].

Энциклопедия ТСХЦ – один из характерных образцов популярной справочной

¹ Подробно о переосмыслении концепции «срединной страны»: *Remvik, Steffen*. «Setsuyōshū in Early Modern Japan: a Book Historical Approach». Department of Culture Studies and Oriental Languages Faculty of Humanities University of Oslo. January, 2017. Подробнее о концепции «сангокукан»: *Polovnikova, Elena*. «Kinsei shomin no sekaizō: Setsuyōshū no sekaizu o chūshin ni» [Представление о мире у представителей низших сословий в Новое время на материале карт мира из *сэцуёсю*] // *Nihon shisōshi kenkyū*, no. 45 (2013): 62–93. Подробно о буддийской концепции и её восприятии в Японии – в работах Max Moerman.

литературы второй половины эпохи Токугава. Энциклопедии жанра *сэцуё:сю:* (節用集) появились в результате развития комментированных иероглифических словарей. Комментарий, вступление и заключение, которые изначально играли вспомогательную роль и занимали незначительную часть книги, постепенно увеличились и стали основной частью, тогда как словарная часть стала составлять не более трети от общего объёма. Жанр достиг своего расцвета в последней четверти XVIII в. Именно в это время были изданы наиболее крупные энциклопедии *сэцуё:сю:* объёмом до 700 страниц. ТСХЦ – одна из них.

Как и все книги этого жанра, содержание ТСХЦ имеет компилятивный характер, то есть представляет собой собранные вместе отрывки из разных тематических изданий, с иллюстрациями и авторскими дополнениями. Над составлением энциклопедии работали два человека. Основную часть словаря и комментария составил каллиграф и знаток всего китайского, популярный среди своих современников переписчик Такаясу Ро:оку (годы жизни неизвестны, вторая половина XVIII в.). Он умер, не завершив работы над книгой. Окончательную подготовку энциклопедии к изданию по поручению издателя сделал учёный-конфуцианец, составитель ещё нескольких энциклопедий Камата Кансай (годы жизни неизвестны). Иллюстрации принадлежат художнику Нива Токэй (1760–1822), одному из учеников Ситоми Кангэцу (1747–1797), оформителю многих развлекательных и справочных изданий. Энциклопедия пользовалась большой популярностью и пережила в практически неизменном виде несколько переизданий на протяжении XIX в. В данной работе мы обращаемся к двум практически идентичным изданиям энциклопедии (в первом не хватает правой половины разворота со вступительным словом): изданию 1801 г. из собрания Берлинской государственной библиотеки и изданию 1836 г. из собрания Городской библиотеки Хакодате.

Тематически в содержании энциклопедии помимо иероглифического словаря мы можем выделить несколько блоков. Они вполне типичны для своего жанра. Это части, посвящённые истории, географии и устройству мира, части, посвящённые этикету и разным типам социального взаимодействия, части, посвящённые повседневным бытовым проблемам, части, посвящённые гаданию и календарю. Можно сказать, что комментированные *сэцуё:сю:* представляют собой собрание сведений, которые считались необходимым минимумом информации, которой человек мог обладать или иметь доступ.

Несмотря на сходные структуру и содержание, *сэцуё:сю:* несли в себе следы личностных особенностей их авторов. Поэтому остановимся подробнее на личности составителя ТСХЦ Такаясу Рооку. Годы жизни Такаясу Рооку неизвестны, согласно предположениям исследователей его жизни и профессионального наследия, он родился во второй четверти XVIII в. и умер в конце 1790-х гг., всю свою жизнь провёл в Осаке. Рооку происходил из богатой торговой семьи, которая разорилась к тому моменту, как он стал взрослым. Рооку изучал каллиграфию, китайский язык, стихосложение у лучших учителей своего времени, зарабатывал на жизнь переписыванием книг, изготовлением надгробных надписей, входил в поэтический кружок «Контонся» и был известен в кругу осакских и киотских интеллектуалов всеми качествами, которыми должен обладать настоящий *бундзин* (文人) – эксцентричностью, склонностью к уединению, любовью к учению и занятиям искусством, презрением ко всему мирскому и материальному [Mori, pp. 198–224]. Сложно судить, как именно личные особенности и сфера профессиональных интересов Рооку

повлияли на содержание энциклопедии.

Китай и китайское в энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан»

В ТСХЦ есть следующие разделы, касающиеся Китая или содержащие упоминания о нём: карта мира, изображения жителей других стран, жизнеописания и изображения выдающихся людей из Японии и Китая, изображение озера Сиху, изображения Бо Цзюйи (772–846), Чжуан-цзы (приблизительно 369–286), Рю:кунто: (годы жизни неизвестны), стихи и изображения восьми видов Сяо и Сян, изображение китайского оружия, краткий перечень выдающихся китайских каллиграфов, 24 примера сыновней почтительности. Таким образом, Китай и китайское встречается в 13 разделах энциклопедии из 122. Если сравнивать долю комментариев, посвящённых или имеющих отношение к Китаю в ТСХЦ и других энциклопедиях того времени, обращает на себя внимание их обилие. Возможно, это связано с профессиональным интересом и образованием составителя Такаюсу Рооку. Так, в более раннем «Большом собрании полезных сведений с комментарием» (*Касирагаки тайсэй сэцуё:*, 1694) Китай упоминается лишь в контексте буддизма: дано перечисление храмов *годзан* (五山) в Индии (*Тэндзику*, 天竺), Китае (*Синтан*, 振旦) и Японии. В «Вечной сокровищнице японской мудрости» (*Нихон сэцуё: мандзай гура*, 1811, первое издание – 1785 г.) на карте Японии есть обозначение соседней страны Сина, на карте мира Китай отмечен как *даймэй* (大明) и *то:коку* (唐国), на территории Китая обозначены Нанкин, Пекин, Великая китайская стена, среди изображений жителей других стран есть *дайминкоку*. В энциклопедии «Японское собрание полезных сведений обо всём на свете, дополненное издание» (*Ямато сэцуё: сиккай букуро дзо:дзи*, 1812) Китай не обозначен как соседняя страна на карте Японии, китайские герои не упоминаются в разделах, посвящённых ратным подвигам. Единственное упоминание Китая в этой энциклопедии – стихи на тему восьми видов Сяо и Сян с иллюстрациями, которые даны вместе со стихами о восьми видах Оми. В энциклопедии «Вечная и неисчерпаемая сокровищница мудрости» (*Эйтай сэцуё: мудзин дзо:*, 1832) единственное упоминание китайского – изображение японских и китайских выдающихся людей.

Сведения о Китае мы можем типологически разделить на две группы: преимущественно визуальные и преимущественно текстовые. К визуальным мы относим карты, изображения обитателей Китая, изображения достопримечательностей. К текстовым мы относим жизнеописания, поучительные истории, списки. Даже если разделы такого рода содержат иллюстрации, они носят скорее вспомогательный характер. С точки зрения содержания можно выделить три типа сведений, посвящённых Китаю: исторические (здесь мы имеем в виду прежде всего династическую и военную историю), географические и культурные (стихосложение и каллиграфию).

Сведения о географии и населении Китая

Большая часть *сэцуё:сю:* содержит карты, ТСХЦ не является исключением – составители включили в неё карту Японии, карту мира и карты трёх крупнейших городов Японии. Изображение Китая есть на одной карте – на карте мира (рис. 1). На карте Японии

Китай не отмечен как соседняя страна, то есть внешняя граница территории Японии, хотя этот приём является типичным для карт этого времени. В углах карт этого времени часто можно видеть Китай и Корею на северо-западе, Эдзо – на северо-востоке, Хатидзэдзима – на юго-востоке, Рюкю – на юго-западе. Карта мира из ТСХЦ представляет собой упрощённую копию карты мира Нагакубо Сэкисуи «Карта мира и множества стран с пояснениями» (*Тикю: банкоку санкай ё:ти дзэндзу сэцу*, 1788). Китай не имеет общего названия, отмечены крупнейшие города и провинции и важные сакральные места. Кроме самого Китая на карте изображены четыре торговых китайских корабля из разных провинций: Кантона, Нанкина, Фучжоу и Пекина. Карта Нагакубо Сэкисуи базируется на карте Маттео Риччи (1552–1610), а значит можно было бы предположить, что она в некоторой степени в части названий транслирует иезуитский взгляд на устройство мира. Это утверждение будет верным, когда мы говорим о карте в целом, однако, что касается изображения именно Китая, оно представляется нам преувеличением, так как на карту нанесено значительно меньше топонимов, чем на карту Маттео Риччи, а также влияние европейской географической модели опосредовано копированием и сокращением, осуществлёнными Нагакубо Сэкисуи.

Рис. 1. Карта мира из энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht?PPN=PPN3343781630&PHYSID=PHYS_0006&DMDID=DMDLOG_0005

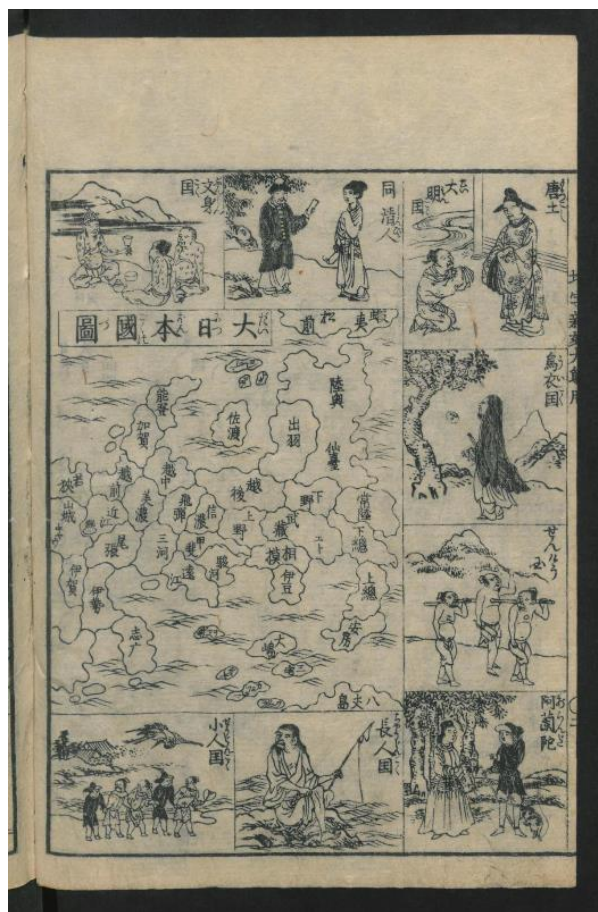

Рис. 2. Карта Японии из энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: <https://content.staatsbibliothek-berlin.de/dms/PPN3343781630/1200/0/00000008.jpg>

Вокруг карты Японии, помещённой на четвёртом развороте, в картушах даны

изображения разных народов (рис. 2). Изображение жителей других стран с короткими пояснениями или без них – характерная практика в эпоху Токугава. Они могли быть включены в словарь или энциклопедию, как, например, «Японо-китайская иллюстрированная энциклопедия о трёх мирах» (*Вакан сансай дзюэ*, 1712) Тэрасима Рёан (годы жизни неизвестны), или же им могла быть посвящена целая книга, как, например, «Записки о других странах» (*Икоку моногатари*, 1658) или «Изображение 24 народов с пояснениями» (*Ёндзиникоку дзимбуцу сэцу*, 1720) Нисикава Дзёкэн (1648–1724). Вокруг карты расположено 16 изображений, 6 из них относятся к реальным, не вымышленным народам, с которыми Япония имела торговые или иные отношения. Это Китай, Рюкю, Эдзо, Голландия и Тёсэн (Корея). Порядок, в котором расположены картуши вокруг карты, не вполне очевидный. Расположение большей части изображений не совпадает ни с реальным положением страны относительно Японии, ни с интенсивностью контактов, реальные страны чередуются с вымышленными. Однако очевидно главенствующее расположение Китая в этом собрании изображений. Ему посвящены две картуши, расположенные в правом верхнем углу. Оба изображения подписаны как «Морокоси» (唐土). На первом изображён правитель Китая и коленапреклонённый человек перед ним. Изображение подписано «Дайминкоку» (大明国), то есть великая династия Мин. Изображение правителя в целом вполне традиционно и подобно аналогичному изображению из «Иллюстрированной энциклопедии для неграмотных» (*Киммо: дзуи*, 1666) Накамура Тэкисай (1629–1702). Второе изображение следует за первым, оно подписано как *сэйбито* (清人), то есть жители цинского Китая. На нём изображено два человека в традиционной цинской одежде, мужчина и женщина. Хотя к моменту издания энциклопедии прошло уже более века с момента падения династии Мин и прихода к власти династии Цин, династическое имя Мин встречается в энциклопедии дважды: на подписи к изображению народа и как топоним: часть моря, омывающего Китай с северо-востока (учитывая условный характер изображения береговой линии, можно предположительно ассоциировать его с Жёлтым и Восточно-китайским морями), обозначена на карте в энциклопедии как Дайминкай (大明海), то есть море Великой династии Мин. Это обозначение скопировано с карты Маттео Риччи. Карта была составлена на основе более ранних изображений, информация в энциклопедиях жанра *сэцуё:сю*: в целом носит архаичный характер. Возможно, перед автором не стояла задача отразить на карте и в картушах актуальное устройство мира и таким образом он изображал историческую реальность. Известно, что составление исторических карт было достаточно распространённой практикой в этот период.

Изображение достопримечательностей

Ещё один тип визуальных упоминаний Китая – изображение достопримечательностей. В Японии эпохи Токугава особое культурное значение в популярной массовой литературе получают так называемые *мэйсё* (名所), то есть знаменитые места. Изображения мест, которые примечательны историей, природными особенностями, упоминаются в классической поэзии, где находятся знаменитые храмы и святилища или происходили какие-либо чудесные события, помещали в специальные сборники-путеводители, популярные энциклопедии, печатали на отдельных листах. Основным объектом внимания были несомненно примечательные места, расположенные на территории Японии. Однако пользовались

популярностью и издания, посвящённые китайским достопримечательностям. Одним из наиболее объёмных изданий такого рода стала книга «Китайские достопримечательности» (*Морокуси мэйсё дзуэ*, 6 томов, 1806), созданная Окада Гёкудзан (1737–1812). Однако по форме и содержанию она мало напоминает сборники изображений и описаний выдающихся мест Японии *мэйсёдзуэ* (名所図絵). Книга «Китайские достопримечательности» представляет собой подробное описание известных мест Китая с картами, иллюстрациями, некоторые главы посвящены утвари, оружию, выдающимся людям. Основным путём знакомства японцев с известными местами Китая были стихи китайских поэтов или китайские стихи буддийских монахов, проходивших обучение в Китае. Поэтому книги о достопримечательностях Китая описывали идеальные пейзажи и места, которые принято было воспевать в классической китайской поэзии.

В энциклопедии есть два блока изображений, посвящённых выдающимся местам Китая, оба они связаны со стихосложением: это парное изображение озера Сиху в Китае и места Мацусима в Японии (рис. 3) и иллюстрации к стихам о восьми видах Сяо и Сян и восьми видах провинции Оми (рис. 4).

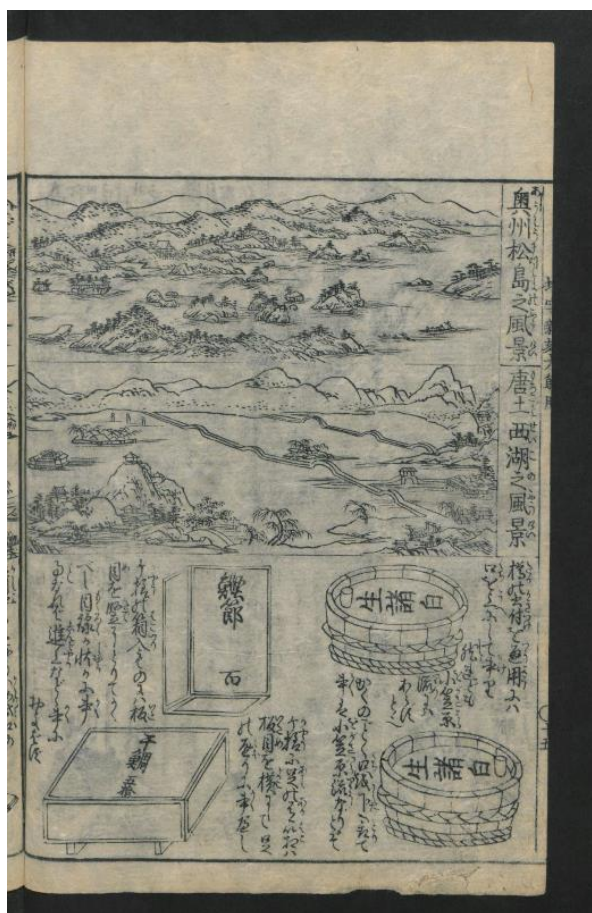

Рис. 3. Вид на озеро Сиху и Мацусима из энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: <https://content.staatsbibliothek-berlin.de/dms/PPN3343781630/1200/0/00000034.jpg>

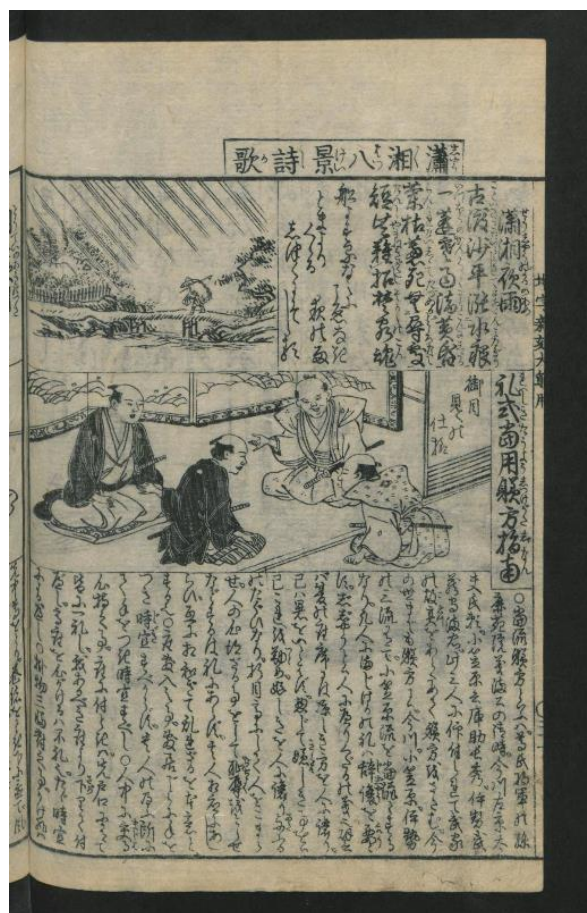

Рис. 4. Иллюстрация к стихам о восьми видах Сяо и Сян из энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: <https://content.staatsbibliothek-berlin.de/dms/PPN3343781630/1200/0/00000046.jpg>

Первые упоминания об озере Сиху проникают в Японию со стихами Бо Цзюйи, однако в эпоху Хэйан образ озера Сиху не был узнаваемым и распространённым в Японии. Настоящее распространение образа исследователи связывают с литературой (стихи, дневники, записки) дзэнских монахов, которые возвращались в Японию после обучения в китайских монастырях. В это время озеро Сиху ассоциируется с местом отшельничества и уединения, образом водного простора. Возникновение узнаваемого графического образа происходит с XVI в. и связано с деятельностью учеников Сэсю (1420–1506), которые стали единообразно изображать панорамный вид озера. В начале эпохи Эдо интерес к Сиху переживает подъём, из Китая в Японию привозят несколько путеводителей по Сиху, сочинение стихов на темы 8 и 10 видов озера Сиху становится очень популярно. Виды озера Сиху, наряду с восемью видами Сяо и Сян, в эпоху Эдо воспринимаются как эталонные виды Китая, наиболее прекрасные китайские пейзажи. Так, Suchi Yang и Isoya Shinji приводят цитату из книги 1625 г., в которой говорится, что самые представительные виды Китая – это виды озера Сиху и Сяо и Сян [Suchi, Isoya, p. 469].

Одновременно с популяризацией видов в эту эпоху происходит процесс активного сопоставления японского и китайского и утверждение легитимности своих достопримечательностей через утверждение их равного статуса с китайскими. Озеро Сиху становится одним из подобных эталонных пейзажей, с которым сравнивают японские. Так, Мацуо Басё пишет о трёх выдающихся пейзажах Японии, что Мацусима не уступает ни видам Сяо и Сян, ни Сиху. Другие примеры уподобления японских пейзажей виду на озеро Сиху – название «Малое Сиху» для пруда Синобадзу-но икэ в Эдо, уподобление восьми видов Канадзава и Вакаяmanoура видам озера Сиху [Suchi, Isoya, p. 470].

В энциклопедии панорамный вид Мацусима и панорамный вид озера Сиху расположены друг под другом на одном развороте. Хотя большая часть изображений японских достопримечательностей снабжена кратким текстовым комментарием, ни к Сиху, ни к Мацусима нет описания. Анализируя манеру изображения, можно отметить намеренное сходство в композиции и линии рельефа.

Второй случай изображения китайских *мэйсё* в энциклопедии – иллюстрации к стихам *канси* (漢詩) о восьми видах Сяо и Сян и восьми видах Оми. Здесь так же китайский вид дан не отдельно, а в сопоставлении с японским как подтверждение того, что японский пейзаж не уступает китайскому и может быть использован как тема для сочинения стихов *канси*. Истории проникновения и распространения в Японии *канси* и изображений восьми видов Сяо и Сян и их связи с восьми видами Оми посвящено немало работ, в том числе подробное исследование М.В. Торопыгиной [Торопыгина]. В энциклопедии изображения восьми видов Сяо и Сян и восьми видов Оми даны последовательно на четырёх разворотах. Изображения помещены в верхнюю треть листа, по два на каждом развороте. Каждое изображение состоит из названия, стихотворения *канси*, посвящённого знаменитому виду, стихотворения *вака* и собственно изображения. Стихи *канси* принадлежат предположительно Гёккан (годы жизни неизвестны), каждая строка стихотворения *канси* дублируется справа *окуриганой* с чтением этого стихотворения по-японски. Стихи *вака* (和歌) принадлежат Рэйдзэй Тамэсукэ (1263–1328). Стихи Тамэнага Рэйдзэй о восьми видах Сяо и Сян часто помещают на изображения Сяо и Сян в эпоху Токугава, они стали классическими стихами для этого сюжета. Что касается манеры изображения знаменитых видов, то как и озеро Сиху, восемь видов Сяо и

Сян были темой изображения художников стиля *суйбокуга* (水墨画). В энциклопедии, напечатанной с деревянной доски, представляется затруднительным проследить художественную преемственность этому жанру. В целом изображение пейзажей стилистически подобно другим иллюстрациям энциклопедии.

Исторические персонажи и поучительные истории

Следующий раздел, который связан с Китаем и китайским, озаглавлен «Выдающиеся люди Японии и Китая». Этот раздел занимает 5 разворотов, на каждом развороте историям выдающихся людей отведена верхняя половина страницы, каждому описанию – четверть страницы. В нижней части раздела дана иллюстрация, изображающая выдающийся эпизод из жизни героя, в верхней части – текст, посвящённый герою (рис. 5).

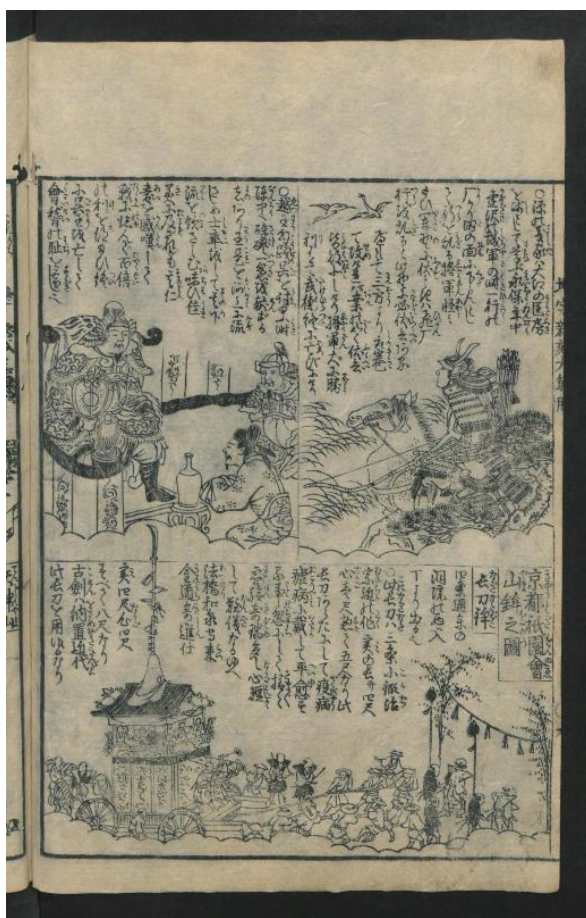

Рис. 5. Иллюстрация из раздела «Выдающиеся люди Японии и Китая» из энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: <https://content.staatsbibliothek-berlin.de/dms/PPN3343781630/1200/0/00000022.jpg>

Текстовое описание не имеет единой структуры для всех изображённых героев, однако можно выделить некоторые общие моменты. Первые строки рассказывают о происхождении персонажа, затем представлена поучительная история из жизни героя, а затем – мораль. Всего в этом разделе представлены изображения и жизнеописания 20 персонажей: 12 японских и 8 китайских. Ниже в таблице мы приводим список героев с датами жизни и названием подвига или его кратким описанием. Герои в таблице даны в том порядке, в

котором они следуют друг за другом в энциклопедии.

№	Имя	Годы жизни	Происхождение	Краткая история
1	Минамото Ёсиэ	1039–1106	яп.	Разгадал засаду, увидев поднимающихся гусей.
2	Юэ-ван Гоуцзянь	496–465 до н.э.	кит.	Победил правителя царства Нго.
3	Тайра-но Корэмоти	середина эп. Хэйан	яп.	Краткие сведения о происхождении и жизни, история о том, как божество Хатиман помогло ему победить ведьму.
4	Фань Куай	249–189 до н.э.	кит.	Спас Лю Бана во время Хуньменского празднества.
5	Минамото-но Ёсицунэ	1159–1189	яп.	Уронил лук во время битвы при Ясима и решил поднять его, рискуя жизнью.
6	Фудзивара-но Хидэсато	середина эп. Хэйан	яп.	Убил сколопендру на мосту в Сэта.
7	Нитта Ёсисада	1301–1338	яп.	Отдал свой меч морскому божеству, чтобы воды расступились и дали пройти его войску.
8	Томоэ	конец эп. Хэйан	яп.	Победила Вада Ёсинори. Прекрасная воительница и искусная лучница.
9	Братья Сога	XII в.	яп.	История мести.
10	Синодзука Иганоками	1309–1342	яп.	Поднял в одиночку якорь во время осады Сэта-но сиро.
11	Чжугэ Лян	181–234	кит.	Разработал стратегический план Лунчжун. Стал помощником Лю Бэя. История выражения «трижды посетить соломенную хижину».
12	Гуань Юй	ум. 219	кит.	Невероятные физические характеристики и атрибуты: рост, борода, меч, лошадь.
13	Чжан Фэй	170е–221	кит.	Эпизод на мосту Чанбаньцяо.
14	Насуно Ёити	конец Хэйан – начало Камакура	яп.	Одним выстрелом сбил веер-штандарт с вражеского корабля.

15	Кусуноки Масасигэ	эп. Намбокутё	яп.	Откликнулся на призыв императора Годайго и создал прекрасный план. Упомянуты Кусуноки Масацура и Масанори. На иллюстрации изображена сцена прощания Кусуноки Масасигэ и его сына Масацура.
16	Чжун Куй		кит.	В образе демона спас во сне императора Сюань -цзуна (685–762) от болезни.
17	Чао Фу, Сюй Ю		кит.	Чао Фу не стал поить быка водой из реки, в которой Сюй Ю мыл уши, услышав неприятное повеление.
18	Кадзивара Кагэсуэ	1162–1200	яп.	Вставил в колчан цветок сливы. История происхождения выражения «нидонокакэ».
19	Сыма Сянжу	179–117 до н.э.	кит.	Уезжая из родных мест, написал на столбике моста клятву переехать его обратно только на повозке, запряжённой четырьмя лошадьми, и выполнил эти слова.
20	Ёсида-но Кэнко	1283–1352	яп.	Краткие сведения о происхождении, образовании, похвала уму и проницательности, почитанию древних.

Мы видим, что большинство и японских, и китайских героев – воины или государственные деятели. Среди китайских героев нет современных, большинство относятся к периоду Весен и Осеней (771–476 до н.э.) или событиям, принадлежащим или близким периоду Троецарствия (220–280). Эти герои были хорошо знакомы представителям грамотных и образованных слоёв японского общества. Некоторые из них, такие как Чжун Куй или Юэ-ван Гоуцзян, прямо или посредством аллюзий упоминаются в Тайхэки; Чжугэ Лян, Гуань Юй, Чжан Фэй – герои «Троецарствия» (*Санкокуси*); о Сыма Сянжу есть строки в «Мо:гю:» (746) и, вероятно, других учебных текстах; Чжун Кую посвящено *эмакимоно* (繪巻物), созданное на рубеже эпох Хэйан и Камакура «Записки об аде» (*Дзикоку дзо:си*); Фань Куай и сюжет о Чао Фу и Сюй Ю были распространёнными сюжетами как китайской, так и японской графики. Вывести параллелизмы в изображении китайских и японских героев, а также проследить, отражены ли они в расположении жизнеописаний героев в энциклопедии, представляется интересной задачей для отдельного исследования. Здесь мы можем лишь отметить, что в конце раздела даны Сыма Сянжу и Ёсида-но Кэнко, оба не воины и не отличаются выдающейся физической силой или магическими способностями.

Ещё один раздел, в котором встречается китайское, – это изображение и описание замечательных людей и событий. У него нет единого заглавия, однако он объединяет сходные по форме изображения выдающихся людей и короткие истории из их жизни. Каждое жизнеописание и иллюстрация занимают две трети страницы. Раздел состоит из восьми иллюстраций на четырёх разворотах. В него входят: изображение государыни Дзингу (170–269) (про происхождение и корейский поход), изображение поэта Бо Цзюйи (про его стихи и пристрастие к вину), изображение Чжуан-цзы (про сон и бабочку) (рис. 6), изображение камня-убийцы *сэссё:сэки* (история о том, как монах Гэнно: (1329–1400) обезвредил камень-убийцу), изображение Рю:кунто: (история про орхидеи и буйвола), изображение Накамаро

(698–770) (история жизни и история про луну в Микаса), изображение Бодхидхармы (440–528), переправляющегося через реку на тростнике (история жизни и происхождения, о том, как пришёл в Китай, об учителях), изображение Хитомаро (698–770) и Акахито (первая половина VIII в.) (про Вака-но ура и выдающиеся поэтические способности). Из восьми изображённых – четверо китайцы или ассоциируются с Китаем, все изображённые связаны с мудростью, поэзией или моралью. Сложно говорить о том, есть ли параллели между изображёнными героями на таком немногочисленном материале.

Рис. 6. Жизнеописание Чжуан-цзы из энциклопедии
«Собрание полезных сведений для горожан», Осака, 1801.

Источник: <https://content.staatsbibliothek-berlin.de/dms/PPN3343781630/1200/0/00000040.jpg>

Изображение китайского оружия

Следующий раздел, посвящённый Китаю, – это собрание изображений китайского оружия. Раздел занимает два разворота по трети страницы, озаглавлен «Изображение китайского оружия» (*Морокуси буки-но дзу*). Каждый предмет изображён отдельно, рядом помещено его название, к некоторым есть краткий комментарий. Всего в разделе китайского оружия изображено 17 предметов. В энциклопедии есть несколько схожих по структуре и содержанию разделов. Это изображение конской упряжи и изображение луков и ружей. Они занимают по одному развороту, комментарии к изображениям в них немного короче. В начале раздела есть указание на источник заимствования. Сразу после заглавия раздела написано следующее: «Изображение с пояснениями из этого раздела заимствованы из книги “Тогай

хиккю:” и переведены на японский язык». Книга («Необходимое знание для повышения в должности», яп. *Тогай хиккю:*; кит. *Дэн тань би цзю*) написана и издана в Китае в 1599 г., её автор – Ван Минхэ (даты жизни неизвестны, вторая половина XVI – первая половина XVII вв.). Это сочинение состоит из сорока томов и содержит необходимые сведения для продвижения по воинской службе. В конце раздела говорится, что более подробную информацию можно найти в книге «Поучительные сведения о Китае» (*Морокуси киммо: дзуи*). Она была составлена в 1719 г. Хирадзуми Сэнъан (?–1734) и Татибана Морикуни (1679–1748) и издана в Осаке. Книга состоит из 10 томов, по форме напоминает учебную энциклопедию «Киммо: дзуи». Некоторые иллюстрации ТСХЦ полностью повторяют «Морокуси киммо: дзуи», например, страница с изображением арбалета (рис. 7).

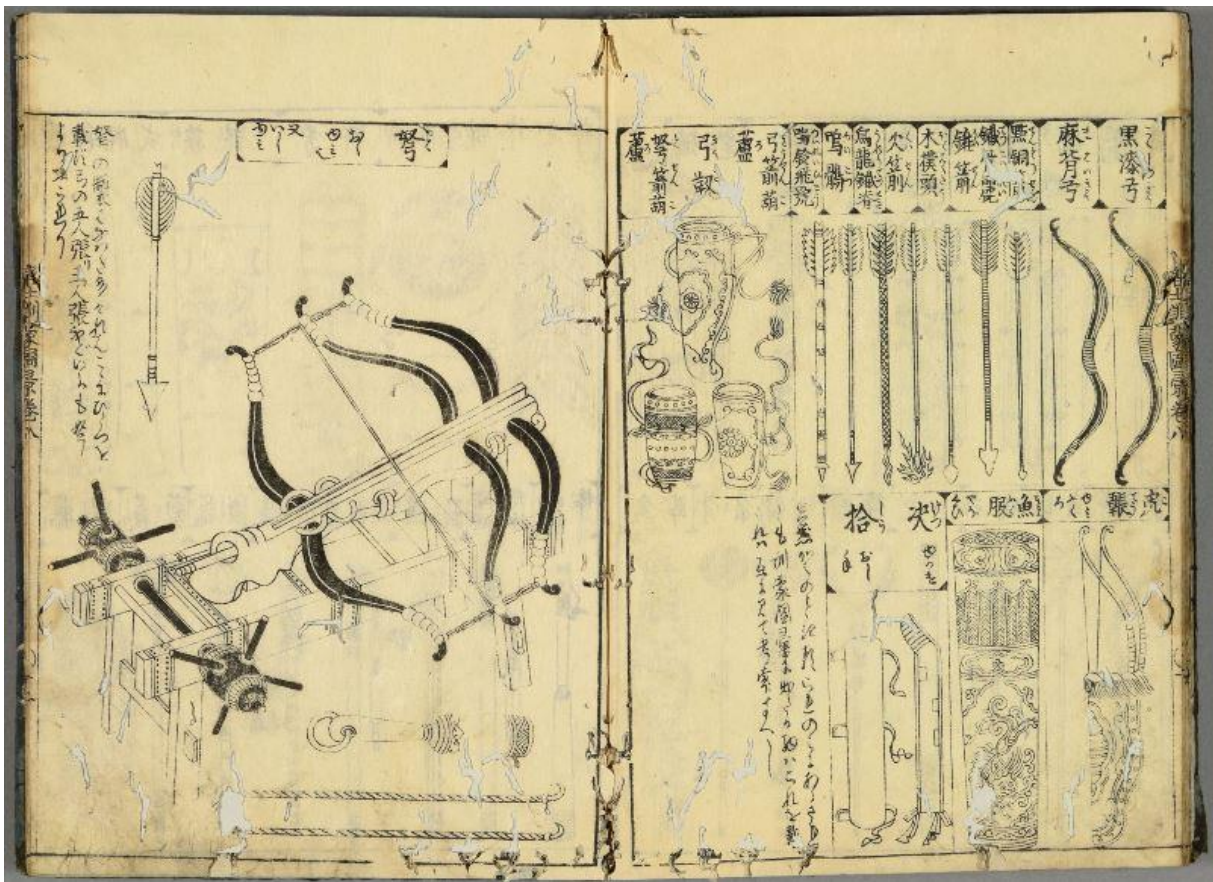

Рис. 7. Изображение китайского оружия из «Поучительных сведений о Китае», Осака, 1719.

Источник: https://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/bunko31/bunko31_e0864/bunko31_e0864_0007/bunko31_e0864_0007_p0012.jpg

Китайские каллиграфы

Следующий раздел, посвящённый Китаю, – список знаменитых китайских каллиграфов. Раздел озаглавлен «Краткий перечень иностранных каллиграфов» (*Морокуси сёка тайряку*), занимает верхнюю треть одной страницы, расположен после раздела, в котором показаны печати известных японских художников. В эпоху Эдо исследователи выделяют два направления каллиграфии – это каллиграфия японского рода *ваё:сё* (和様書) и каллиграфия китайского типа *то:ё:сё* (東様書). *То:ё:сё* возникла в результате появления в

Японии образцов китайской современной каллиграфии, которые привозили из Китая дзэнские и чаньские монахи. Японский стиль был распространён в эпоху Эдо повсеместно, среди всех слоёв населения – от горожан до представителей высших слоёв воинского сословия. Китайский стиль получил стимул к развитию и распространению с принятием неоконфуцианства в качестве официальной идеологии, однако им владели только конфуцианские учёные и интеллектуалы *бундзин*. Несмотря на узкие рамки распространения, китайский стиль пользовался популярностью и привлекал общественное внимание как нечто свежее, модное и интересное. Если говорить об основах и образцах, то в японском стиле главными учителями и примерами для подражания были древние каллиграфы Ван Сичжи (307–365) и Ван Сяньчжи (344–386). На формирование *то:ё:сё* больше других повлияли сунские и минские каллиграфы, такие как Ван Чун (1464–1533), Вэнь Чжэнмин (1470–1557) и другие. Навык каллиграфического письма и копирование работ мастеров были неотъемлемой частью начального образования в Эдо [Suzuki, pp. 39–42]. Судзуки Харухико цитирует работу Каибара Экикэн (1630–1714), в которой он говорит, на работах каких мастеров следует учиться писать знаки. Каибара Экикэн пишет, что начинать следует с копирования работ японских мастеров, не уточняя, каких именно. Затем следует переходить к изучению работ китайских каллиграфов и называет шесть имён. При этом он упоминает не только древних мастеров, переосмысленный опыт которых стал основой для формирования и развития *ваё:сё*, но и трёх более современных китайских авторов и среди них Ван Чуна и Вэнь Чжэнмина [Suzuki, p. 42].

Раздел об иностранных каллиграфах включает 33 имени, к каждому каллиграфу дано иероглифическое написание его имени и его чтение. Ни в начале, ни в конце раздела нет отсылок к источникам заимствования или рекламы тематически сходных книг, иллюстрации также полностью отсутствуют. Имена приведены в хронологическом порядке. Первые семь каллиграфов относятся к Китаю до эпохи Тан (618–907). Перечень начинается с Ван Сичжи, которого почитают как божественного покровителя каллиграфии. Сведения о Ван Сичжи и образцы его знаков появились в Японии не позднее VIII в., его работы оказали сильное влияние на формирования японской каллиграфии во второй половине эпохи Хэйан [Suzuki, p. 39]. После него идут его ученики и потомки, например, Ван Сяньчжи и Чжи Юн (годы жизни неизвестны). Следующие восемь имён принадлежат каллиграфам периода Тан. Среди них есть так называемые «четыре великих мастера эпохи Тан»: Чу Суйлян (596–658), Оуян Сюнь (557–641), Юй Шинань (558–638) и Янь Чжэньцин (709–786), который оказал особое влияние на развитие японской каллиграфии. Затем идут имена ещё 10 каллиграфов, которые жили между эпохами Тан и Мин (1368–1644). Среди них тоже наиболее уважаемые известные мастера и в Японии, и в Китае, в том числе Цай Сян (?–1067), Су Ши (1036–1101), Ми Фу (1051–1107) и Хуан Тинцзян (1045–1105) – «четыре великих мастера эпохи Сун». Перечень завершается шестью именами минских каллиграфов, последнее имя принадлежит Дун Цичану (1555–1639), который современниками считался непревзойдённым мастером своего времени.

Если рассматривать список мастеров с точки зрения принадлежности к художественным школам и течениям, можно отметить, что среди названных большинство – последователи Ван Сичжи и Чжи Юна, а также ученики Янь Чжэньцина. Среди сунских и минских каллиграфов обращает на себя внимание упоминание мастеров, которые стали популярны именно в Японии. Это Хуан Тинцзян, Чжан Цичжи (1186–1266), Чжан Жуйту

(1570–1641), Вэнь Чжэнмин (1470–1557). Сложно судить о точном источнике заимствования этого списка. Учитывая, что составитель энциклопедии был переписчиком, каллиграфом и знатоком японской и китайской каллиграфии, автором нескольких изданий с выдающимися образцами знаков старых мастеров, можно предположить, что этот список он составил самостоятельно. Известно, что Такаясу Рооку, несмотря на образ *бундзина* в записках его современников, владение китайским языком и участие в собраниях по сочинению китайских стихов *канси*, с большим уважением относился именно к японской каллиграфической школе. Среди изданных им работ по каллиграфии есть копии работ Чжу Юньмина и Фудзивара-но Корэюки (1139–1175), то есть мастеров, которые были образцами для последователей «японского» стиля каллиграфии. Вероятно, перечень мастеров в большей степени отражает общие вкусы и предпочтения эпохи, чем личные особенности составителя.

24 примера сыновней почтительности

Ещё один раздел энциклопедии, имеющий отношение к Китаю, это 24 примера сыновней почтительности с иллюстрациями (*Нидзю:сико: эсё:*). 24 примера сыновней почтительности – собрание древних китайских легенд о людях, проявивших исключительную преданность и самоотречение в служении старшим членам семьи. Считается, что первым собрал их воедино Го Цзюйцзин в эпоху Юань (1271–1368), хотя и до этого существовали подобные сборники. В Японии собрание стихов Го Цзюйцзина о 24 примерах сыновней почтительности стало известно в эпоху Муромати, стихи были переделаны в рассказы *отогидзоси* (御伽草子), многократно переиздавались в разной форме с иллюстрациями и пояснениями, использовались как учебные тексты в школах. Попав в Японию, собрание историй о сыновней почтительности претерпело некоторые изменения, детали историй и список героев в разных изданиях не совпадают. В энциклопедии помещены иллюстрированные истории, которые по составу персонажей и деталям ближе к более поздним. Так, вместо братьев Чжан и братьев Тянь в энциклопедии представлены Цзян Гэ и Чжун Ю. На сегодняшний день нам удалось найти два разных издания с таким названием. Это две книги: одна издана в Мацуэ в Эдо в 1650-х гг., вторая – переиздание 1842 г. книги, созданной Кумадзава Бандзан (1619–1691) и Уракава Коса (даты жизни неизвестны). Персонажи из энциклопедии совпадают со второй книгой, однако несмотря на одинаковое название ни текст, ни иллюстрации не совпадают.

Заключение

Китаю и китайскому посвящено чуть более одной десятой от всех разделов энциклопедии, эти разделы – одни из самых объёмных, содержат многочисленные иллюстрации. Другие страны и народы практически не упоминаются в энциклопедии, они есть только на карте мира и в картушах с изображением разных народов. Китай, таким образом, является важной и неотъемлемой частью мира, а не одной из других стран.

Говоря о временных рамках или различных аспектах восприятия китайского, следует отметить, что основной объект внимания – это древность, а не современный Китай. Современные сведения о Китае малочисленны и связаны прежде всего с восприятием Китая как военной угрозы. Комический аспект китайского, столь распространённый в популярной литературе, в энциклопедии не встречается совсем.

Пытаясь определить, к какой именно модели восприятия мира ближе образ Китая и китайского в энциклопедии, мы столкнёмся с трудностями, которые обусловлены компилятивным характером содержания книги. Особенности изображения жителей Китая на картах соответствуют концепции *сангокукан*. Обращение к Китаю как к главному источнику мудрости и авторитета свидетельствует о концепции *тю:гоку* с центром в Китае, однако использование образа древнего Китая как подтверждение авторитета Японии может быть признаком смещения этого центра в глазах составителя в сторону Японии.

Важная особенность изображения Китая и китайского заключается в том, что в большинстве случаев они представлены не сами по себе, а в сопоставлении с Японией. Китай играет роль источника наследования традиций, морали, искусств, учёности. В этом же контексте нам представляется уместным рассматривать термин *вакан* (和漢), который употребляется в названии разделов энциклопедии, как свидетельство того, что Китай и Япония рассматриваются вместе, единым целым. Однако даже если сведения о китайском и японском не объединены в один раздел, они следуют друг за другом. Ещё одна важная функция образа Китая – создание инструментов и критериев для оценивания японского. Это можно видеть в разделах, посвящённых стихам и достопримечательностям.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что образ Китая в энциклопедии важен не сам по себе, а именно для построения образа своей страны и культуры. В этом контексте мы можем выделить два типа взаимоотношений: наследование, когда Китай показан как источник мудрости, морали и искусств; сопоставление и подобие, когда Китай и китайское как обладающие изначально непререкаемым авторитетом становятся критерием, позволяющим определить ценность собственной культуры и традиций и способы её описания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Торопыгина М.В. Японская поэзия: от «восьми видов Сяо и Сян» к «восьми видам Оми» (поэтические циклы Рэйдзэй Тамэсукэ, Коноэ Нобутада, Ота Нампо) // Ежегодник Японии. 2018. Т. 47. С. 273–294. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10013

REFERENCES

Toropygina, M.V. (2018). Yaponskaya poeziya: ot “vos'mi vidov Syao I Syan” k “vos'mi vidam Omi” (poeticheskie tsikly Reidzei Tamasuke, Konoe Nobutada, Ota Nampo) [Japanese poetry: from “The Eight views of Xiaoxiang” to “The Eight views of Omi” (poetic cycles by Reizei Tamesuke, Konoe Nobutada and Ota Nampo)]. *Yearbook Japan*, 47, 273–294. (In Russian). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10013

* * *

Beerens, A. (2006). *Friends, Acquaintances, Pupils and Patrons. Japanese Intellectual Life in the Late Eighteenth Century: A Prosopographical Approach*. Leiden: Leiden University Press.

Berry, M.E. (2006). *Japan in Print: Information and Nation in the Early Modern Period*. University of California Press.

Fogel, J.A. (2009). *Articulating the Sinosphere: Sino-Japanese relations in space and time*. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press.

Hirazumi Senan, Tachibana Morikuni (1719). *Morokoshi kimmō zui* [The Useful Knowledge About China]. Osaka. (In Japanese).

- Kashiragaki taisei setsuyō*. (1694). [Big Dictionary With Commentary]. (In Japanese).
- Katsumura Tsuneyoshi, Shimokōbe Shūsui. (1811). *Nihon setsuyō manzai gura* [The Eternal Treasure Box of Japanese Wisdom]. Kyoto. (In Japanese).
- Kawabe Sōyō, Hori Gennyūsai, Hori Gempō. (Date unknown). *Eitai setsuyō mujinzō* [Endless Treasure Box of Countless Generations]. (In Japanese).
- Kumazawa Banzan, Urakawa Kōsa. (1842). *Nijyūshiko eshō* [24 Examples of Filial Piety With Illustrations]. Osaka. (In Japanese).
- Matano Michinao, Nishikawa Sukenobu, Nishimura Chūwa, Hayami Shungyūsai. (1812). *Yamato setsuyō shikkai bukuro zōji* [Japanese Encyclopedia With Additional Commentary and Words]. (In Japanese).
- Mori Senzo. (1989). Takayasu Rooku [Takayasu Rooku]. *Mori Senzo chosakushū*, 4, 198–224. (In Japanese).
- Nagakubo Sekisui. (1788). *Chikyū bankoku sankai yochi zenzu setsu* [The World Map With Commentary]. Edo. Retrieved August 7, 2022, from http://www-user.yokohama-cu.ac.jp/~yuc-rare/views/WC-0_12.html?l=1&n=0 (In Japanese).
- Nijūshikō*. (1650s). [24 examples of filial piety]. Edo: Matsue. (In Japanese).
- Okada Gyokuzan, Oka Yūgaku, Ōhara Tōya. (1806). *Morokoshi meisho zue* [The China Guidebook]. Shinsaibashi. (In Japanese).
- Radu, L. (2015). The Versatility of Ship Iconography on a 17th-century Japanese Map. In *Programme & Abstracts of the 26th International Conference on the History of Cartography (2015)*.
- Suchi Yang, Isoya Shinji. (1999). Nihon-ni okeru chūgoku kōshū seiko-no fūkei imeeji-yj teichakuka-ni tsuite-no kōsatsu [The Formation of the Image of Sih Lake in Japan]. *Journal of the Japanese Institute of Landscape Architecture*, 62 (5), 469–472. (In Japanese).
- Suzuki, Keiko. (2007). The making of Tōjin: construction of the other in early modern Japan. *Asian Folklore Studies*, 66 (1), 83–105.
- Takayasu Rooku, Matsuni Dōjin, Niwa Tōkei. (1819). *Tokai setsuyō hyakkatsū* [The Complete Compendium of Urban Knowledge]. Osaka. Retrieved August 7, 2022, from https://digital.staatsbibliothek-berlin.de/werkansicht?PPN=PPN3343781630&PHYSID=PHYS_0040&DMDID=DMDLOG_0023 (In Japanese).
- Wai-Ming Ng. (2014). Names for China in Tokugawa Political Discourse. *Journal of Asian History*, 48 (1), 61–79.
- Yonemoto, M. (2003). *Mapping Early Modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603–1868*. University of California Press.

Поступила в редакцию: 13.07.2022

Принята к публикации: 12.08.2022

Received: 13 July 2022

Accepted: 12 August 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83

Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов

Е.С. Чекунова

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей современной этнической политики Японии, а также рассмотрению основных положений Закона «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну», принятого в 2019 г. Проблема соответствия японской политики в отношении айнов международным стандартам в сфере защиты прав аборигенных этносов активно обсуждается сегодня зарубежными исследователями. Однако она малоизучена в отечественной историографии, таким образом, данная работа является попыткой восполнить этот пробел. В статье рассматриваются основные положения закона 2019 г., раскрывается точка зрения представителей айнов по поводу предпринимаемых государством мер. Было выяснено, что большое влияние на японскую политику оказывает мнение международного сообщества, которое стало для айнов рычагом воздействия на правительство. Доказано, что механизмы реализации и обеспечения прав айнов в Японии несовершенны и не в полной мере соответствуют Декларации ООН о правах коренных народов. Основными проблемными вопросами являются коллективные права, дискриминация, представительство айнов в органах власти, развитие этнического образования и пр.

Ключевые слова: айны, Япония, этническая политика, коренной народ.

Автор: Чекунова Екатерина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Уральский федеральный университет (адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19). E-mail: e_chekunkova@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-01705, <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>.

Для цитирования: Чекунова Е.С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов // Японские исследования. 2022. № 3. С. 69–83. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83

Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples

E.S. Chekunkova

Abstract. This article is devoted to the analysis of the Act on Promoting Measures to Realize a Society in Which the Pride of the Ainu People Is Respected (Act No. 16 of 2019). The problem of compliance of Japan's Ainu policy with international standards in the sphere of protection of indigenous peoples' human rights is actively discussed today by foreign researchers. However, it is hardly studied in the Russian historiography. The article discusses the main provisions of the new legislation and reveals the point of view of the Ainu representatives about the measures taken by the government. It has been found out that Japan's Ainu policy is greatly influenced by the position of international community towards the rights of indigenous peoples. International law has become the main lever of influence on the government for the Ainu people. It has been proven that the mechanisms for promotion and protection of the rights of the Ainu in Japan are imperfect and do not fully comply with the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. The main issues facing the Ainu are discrimination, collective rights, indigenous representation in the government, development of ethnic education, etc.

Keywords: Ainu, Japan, ethnic policy, indigenous people.

Author: *Chekunkova Ekaterina S.*, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Oriental Studies of Ural Federal University (address: 19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation). E-mail: e_chekunkova@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 22-28-01705), <https://rscf.ru/project/22-28-01705/>.

For citation: Chekunkova E.S. (2022). Novoye yaponskoye zakonodatel'stvo v otnoshenii aynov: problema sootvetstviya mezhdunarodnym standartam v sfere prav korennykh narodov [Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 69–83. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83

В 2019 г. в Японии было принято новое законодательство в отношении айнов, которое должно было закрепить за ними статус коренного народа и гарантировать соответствующие права. Однако сразу после принятия закона в академических кругах начались споры по поводу того, насколько он отвечает положениям Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. Цель данной статьи заключается в анализе положительных и негативных сторон нового законодательства, а также оценки его соответствия международным стандартам в области защиты прав аборигенных этносов.

Японское правительство в настоящее время уделяет значительное внимание защите прав человека. Страна активно сотрудничает с различными международными правозащитными организациями. В отчётах различным комитетам ООН не раз подчёркивалось, что Япония готова соблюдать «основополагающие принципы, содержащиеся в международных инструментах по правам человека»¹.

Однако нельзя утверждать, что в стране отсутствуют случаи нарушения этих прав. Наиболее актуальной является проблема дискриминации айнов. Усугубляющим фактором в

¹ Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьями 40 Пакта: Международный Пакт о гражданских и политических правах: Третий периодический доклад Японии (CCPR/C/70/Add.1) // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. 6 апреля 2009 г. <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsm0BTKouDPNIMXWAuPwondGLXVHWQLri5duOzZurUViH%2BPqBhoaNOWfJdKLidS09H%2BaPM371%2F2%2BiHkvn2%2BTsXuLy7gBU0XND3mCc8APSoffb> (дата обращения: 01.08.2022).

данном отношении стало долгое отсутствие их признания как коренного народа, которое произошло только в 2008 г. Непризнание айнов со стороны японского государства делало их «невидимыми» для международного права.

Тема соответствия японской политики международным стандартам в сфере защиты прав коренных народов активно обсуждается за рубежом. ООН периодически запрашивает отчёты о принятых правительством мерах по предотвращению дискриминации и улучшению условий жизни коренного народа. В последнее время появляется всё больше исследований, посвящённых положению японских этнических меньшинств. В частности, можно отметить таких авторов, как Ё. Сугимото, М. Вайнер, Дж. Ли, С. Мёрфи-Сигэмацу² и др. В отечественной историографии проблемы государственной политики Японии в отношении этнических меньшинств в XX–XXI вв. освещены слабо. Некоторые сюжеты затрагиваются в трудах Ж.М. Баженовой, Э.В. Горян, А.Ю. Леваковской, Е.Л. Фроловой³ и др.

Начало изменений в японской этнической политике

Значительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие айнов оказало то, что в послевоенный период начинает всё больше подчёркиваться моноэтничность японского общества. Возникла также ошибочная точка зрения о том, что народ айну был ассимилирован и более не существует на территории страны. Её распространению способствовал выход нескольких исследований, в которых говорилось об айнах как о «вымирающей расе»⁴. Ж.М. Баженова в своих работах подчёркивает, что в целом гомогенность японской нации во второй половине XX в. оценивалась как положительная черта, так как «она обеспечила высокую степень солидарности и целостности общества, позволила Японии не только преодолеть послевоенный кризис, но и совершить “экономическое чудо”, оставаясь одной из немногих стран в мире, не знавшей деструктивного влияния межэтнических и межконфессиональных конфликтов» [Баженова 2014, с. 55].

Однако с ростом интереса к проблемам этнических меньшинств по всему миру увеличивалось также и внимание к айнам. Этот внезапный интерес можно рассматривать как результат развития международных тенденций в сфере защиты прав коренных этносов. С конца 1980-х гг. айны стали активными участниками глобального аборигенного правозащитного движения, с 2002 г. они участвуют в Постоянном форуме по вопросам

² Sugimoto Y. *An Introduction to Japanese Society*. Cambridge, 2010. 360 p.; *Japan's minorities: the illusion of homogeneity* / ed. by M. Weiner. London, 2008, 234 p.; Lie J. *Multi-ethnic Japan*. Cambridge, 2001. 248 p.; Murphy-Shigematsu S. *Multiethnic Japan and the Monoethnic Myth* // *Asian Perspectives*. 2013. Vol. 18. № 4. P. 63–80.

³ Баженова Ж.М. Окинава в контексте политики мультикультурализма // *Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН*. Т. XVI. *Культура России и сопредельных стран: прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток, 2014. С. 52–64; Горян Э.В. Роль органов местного самоуправления Японии в обеспечении прав коренного народа айну // *Административное и муниципальное право*. 2017. № 9. С. 20–31; Леваковская А.Ю. История народа айну и их современное положение // *Сахалинский областной краеведческий музей: официальный сайт*. http://old.sakhalinmuseum.ru/ufile/22_Vestnik-p195-208.pdf (дата обращения: 25.01.2015); Фролова Е. Л., Такакура Х., Токуда Ю. Взгляд на историю Японии с точки зрения ее коренных народов: прошлое и настоящее айнов // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. Вып. 7. С. 164–169.

⁴ 長谷部言人. *日本民族の成立*. 東京 [Хасэбэ Котондо. Становление японского этноса. Токио], 1946. 72 p.; 高倉新一郎. *アイヌ政策史*. 東京 [Такакура Синъитиро. История политики в отношении айнов. Токио], 1943. 671 p.; 奥山亮. *アイヌ衰亡史*. 札幌. [Окуяма Рё. История гибели айнов. Саппоро], 1979. 671 p.

коренных народов. Признание айнов со стороны международного сообщества, а также желание Японии соответствовать мировым трендам в сфере интернационализации и мультикультурализма привели к пересмотру японской этнической политики. Следовательно, развитие международной активности представителей народа можно рассматривать как своеобразный рычаг давления на токийское правительство. Подтверждением влияния международных тенденций на политику в отношении коренного народа могут служить три события: принятие Японией Декларации ООН о правах коренных народов, официальное признание айнов в 2008 г. и принятие Закона «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну» в 2019 г.

В начале XXI в. произошло важное и долгожданное событие. В 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о правах коренных народов, Япония также проголосовала за её принятие. Декларация стала результатом длительной работы, начавшейся ещё в 1982 г. Она представляет собой международный договор всеобъемлющего характера, цель которого заключается в демократизации отношений между коренными этносами и государствами. Декларация формально не является обязательным документом. Однако, поскольку за неё проголосовали 148 стран и лишь 11 воздержались, она стала важным ориентиром для государств при разработке соответствующей политики и законов⁵.

Результаты голосования за принятие Декларации не были очевидными. С точки зрения Японии, проект документа был далёк от идеала. В частности, утверждалось, что в его тексте должно быть чёткое и объективное определение термина «коренной народ». Сотрудники Министерства иностранных дел Японии, принимавшие участие в голосовании, первоначально убеждали правительство воздержаться от принятия Декларации. Тем не менее, по мере приближения даты голосования представитель Японии в Женеве всё больше настаивал на том, что это приведёт к критике японского правительства как со стороны международного сообщества, так со стороны японской общественности, в результате чего решение было изменено [Larson 2008, p. 67].

Принятие Декларации 2007 г. повлекло за собой появление нового законодательства и механизмов для диалога с коренными народами во многих странах, в том числе и в Японии. В 2008 г. обе палаты японского парламента единогласно проголосовали за принятие резолюции о признании народа айну коренным населением⁶. Столь быстрое принятие решения в отношении айнов произошло не случайно. На него повлияли два международных события. Во-первых, в мае 2008 г. Япония отчитывалась перед Советом по правам человека ООН о положении айнов и их правовом статусе. Во-вторых, летом 2008 г. на Хоккайдо должен был состояться Саммит «Большой Восьмёрки», и японское правительство хотело избежать дополнительного внимания к проблеме этнического меньшинства. При этом незадолго до проведения мероприятия на Хоккайдо также состоялся Саммит коренных народов [Lewallen 2008]. По мнению айнского активиста Кайдзава Коити, власти признали айнов за месяц до Саммита, а принятие Декларации ООН 2007 г. не сыграло здесь такой

⁵ Коренные народы и правозащитная система Организации Объединённых Наций. Изложение фактов № 9/Rev.2 // Управление Верховного комиссара по правам человека. Женева: Отделение Организации Объединённых Наций. 2013 г. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/fs9Rev.2_ru.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

⁶ アイヌ民族を先住民族とすることを求める決議案 [Резолюция о признании айнов коренным народом] // Палата представителей: официальный сайт. 06 июня 2008. <https://www.sangiin.go.jp/japanese/ugoki/h20/080606-3.html> (дата обращения: 16.01.2020).

важной роли [Kaizawa, Matsuna, Okuno, Maruyama 2011, p. 196]. Важно отметить, что айны являются пока единственным этническим меньшинством и коренным народом, официально признанным Японией. В то же время в стране существуют также крупные корейская и китайская диаспоры. Среди японских граждан есть филиппинцы, бразильцы, вьетнамцы и пр. Нельзя не упомянуть и об окинавцах (или рюкюсцах), которые определяют себя в отдельную этническую группу.

Новое законодательство в отношении айнов

После признания айнов в 2008 г. началась разработка законодательства, которое должно было закрепить за ними статус коренного народа. Ключевое значение в реализации этой цели стал играть Совет по продвижению политики в отношении айнов. В его состав вошли 14 членов, в том числе 5 представителей народа айну, 5 экспертов по правам человека и коренных этносов и 4 руководителя национальных и местных органов власти. Он был создан в декабре 2009 г. и находится под председательством Главного секретаря Кабинета министров.

Совет приступил к созданию законопроекта в 2017 г. Специалисты, которые принимали участие в составлении документа, утверждают, что в процессе его подготовки правительство постаралось прислушаться к мнению представителей народа, были проведены многочисленные переговоры с Ассоциацией айнов Хоккайдо [Tsunemoto 2019]. В феврале 2019 г. Кабинет министров представил на рассмотрение парламенту законопроект «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну». В апреле 2019 г. он был принят Палатой представителей и Палатой советников, после этого в мае 2019 г. вступил в силу. По официальным заявлениям японских властей, закон предусматривает комплексный подход, включая меры по региональному, промышленному и туристическому развитию, в дополнение к уже осуществляемой политике по повышению благосостояния айнов и продвижению их культуры⁷.

Документ разрабатывался достаточно длительное время и был принят только за год до летних Олимпийских игр в Токио. Как уже было сказано, Япония, не желая привлекать дополнительного внимания общественности к проблемам айнов, зачастую предпринимает важные меры в отношении народа только в преддверии важных международных мероприятий. Японские исследователи также отмечают, что закон должен был стимулировать развитие туристической отрасли на Хоккайдо. Ожидалось, что инфраструктура, построенная на острове в рамках реализации новой этнической политики, привлечёт туристов, которые посетят Японию во время проведения Олимпийских игр [Charbonneau, Maruyama 2019a].

Закон состоит из восьми глав, которые поделены на сорок пять статей, а также девяти дополнительных положений. Основная цель закона – способствовать созданию такого общества, «где народ айну будет жить с гордостью за своё этническое происхождение, а все граждане смогут взаимно уважать личность и индивидуальность друг друга»⁸.

⁷ Overview of Ainu Policy in Japan // Cabinet Secretariat. Government of Japan. https://www.kantei.go.jp/jp/singi/ainusuishin/index_e.html (дата обращения: 13.07.2022).

⁸ アイヌの人々の誇りが尊重される社会を実現するための施策の推進に関する法律（平成三十一年法律第十六号） [Закон «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну»]

В законе раскрывается специфика новой этнической политики, которая предполагает «меры по продвижению культуры и распространению знаний о традициях айнов». Таким образом, он в первую очередь касается культурной сферы, которая включает «язык айнов, их образ жизни, музыку, танцы, ремесла и другие продукты культуры, ими унаследованные, а также продукты культуры, созданные на их основе» (статья 1). Законом также предусмотрена поддержка исследований, посвящённых культуре коренного народа.

Примечательно то, что закон впервые признает необходимость продвижения политики в отношении айнов и проведения мер по «созданию благоприятной среды», способствующей развитию их культуры на территории всей Японии, а не только Хоккайдо. Это должно осуществляться при тесном взаимодействии государства, местных органов власти и других заинтересованных сторон (статья 2).

Новое законодательство говорит о недопущении дискриминации: «Никто не должен дискриминировать народ айнов или иным образом ущемлять его права и интересы...» (статья 4). Однако при этом он не предусматривает никаких мер наказания в случае совершения акта дискриминации, что, несомненно, является большим упущением.

В соответствии с законом, национальное правительство утверждает основную Стратегию, которую предварительно подготавливает Совет по продвижению политики в отношении айнов (статья 7)⁹. Муниципалитеты должны самостоятельно или совместно разработать Региональный план мероприятий на основе национальной Стратегии. Он должен включать в себя проекты по сохранению культуры айнов; внутрирегиональному, межрегиональному и международному обмену; развитию туризма и др. Данные инициативы может предложить любой гражданин, по согласованию с муниципалитетом они включаются в план. В свою очередь местные органы при разработке плана обязаны проводить консультации со всеми сторонами, которые будут его реализовывать. Они также обязуются проводить образовательные и рекламные кампании для углубления межэтнического взаимопонимания (статья 5)¹⁰. Региональный план утверждается Премьер-министром, после чего муниципалитеты получают гранты для его осуществления (статьи 10-15)¹¹.

Значительным прогрессом является то, что законодательство включает особые положения, связанные с проведением традиционных айнских ритуалов. При включении в Региональный план разрешается заготовка древесины и коры в национальных лесах (имеются в виду «лесные участки, находящиеся в государственной собственности», указанные в статье 2 Закона «О руководстве и управлении национальными лесными участками» № 246 от 1951 г.); ловля лосося во внутренних водах с использованием традиционных методов (имеются в виду внутренние воды, предусмотренные в параграфе 5 статьи 60 Закона «О рыболовстве» № 267 от 1949 г.); регистрация товарного знака местными организациями (в соответствии с Законом «О товарных знаках» № 127 от 1959 г.) и пр. Данную деятельность координирует Министерство сельского, лесного и рыбного хозяйства,

(Закон № 16 от 2019 г.)]. <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=431AC000000016> (дата обращения: 05.07.2022).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

которое при необходимости должно выдавать специальные разрешения в соответствии с вышеперечисленными законами (статьи 16-18)¹².

Целая глава закона посвящена строительству нового музейного комплекса в г. Сираои, который получил название «Символическое пространство для гармоничного межнационального взаимодействия». У объекта есть название и на айнском языке, которое звучит как «Упопой», что может быть переведено как «пение в большой группе». Комплекс был возведен в 2020 г. на основе ранее существовавшего музея культуры айнов. Управлением объектами нового музея занимаются Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма, а также Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (статья 9)¹³. Главная миссия национального айнского музея и парка заключается в продвижении культурных проектов, научных исследований и повышении осведомлённости японской общественности об айнах¹⁴.

В целях реализации закона при Главном секретаре Кабинета министров было создано Главное управление по продвижению политики в отношении айнов (статья 32). Его членами являются государственные министры (статья 37). Основным органом по развитию айнской культуры, помимо организаций, созданных представителями народа, является Фонд айнской культуры, который был учреждён в мае 2019 г.¹⁵.

Оценка нового законодательства со стороны представителей народа и ведущих исследователей

Важно отметить, что закон был неоднозначно оценен японской общественностью. Критика была вызвана тем, что хотя японское правительство закрепило за айнами их особый статус, фактически на уровне национального законодательства оно только частично признало соответствующие права. В настоящее время в качестве наиболее важных материальных прав коренных народов международным сообществом признаются: право на самоопределение; права на земли, территории и ресурсы, включая те, которыми они традиционно владели; экологические права и право на традиционное природопользование, куда входят оленеводство, рыболовство, охота, собирательство; коллективные права; право на равенство и недискриминацию¹⁶.

Представители айнов, такие как председатель Общества «Котан» Симидзу Юдзи, глава Ассоциации айнов Момбэцу Хатакэяма Сатоси и др., в ходе пресс-конференции в марте 2019 г. резко негативно оценили новое законодательство и выступили с требованием о его пересмотре. Основными недостатками законопроекта, по их мнению, является, во-первых, то, что он не отражает интересы всех айнских сообществ: в частности, не представлены интересы айнов Карафуто (энчиу), заявление главы ассоциации которых прозвучало на

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ ウポポイについて // ウポポイ (民族共生象徴空間) [Об «Упопой» // «Упопой» Символическое пространство для гармоничного межнационального взаимодействия: официальный сайт]. <https://ainu-urorou.jp/en/about/> (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁵ Overview of Ainu Policy in Japan // Cabinet Secretariat. Government of Japan.

¹⁶ Коренные народы и правозащитная система Организации Объединённых Наций. Изложение фактов № 9/Rev.2 // Управление Верховного комиссара по правам человека.

пресс-конференции¹⁷. Во-вторых, законопроект 2019 г. узконаправлен и ориентирован в основном на развитие культуры и этнического туризма. Представители коренного народа выразили сожаление о том, что не было предусмотрено введение специальных стипендий для айнов, которые обучаются в высших учебных заведениях, а также конкретных антидискриминационных мер и мероприятий, направленных на улучшение социально-экономического положения народа¹⁸.

Кроме того, закон нацелен на привлечение внимания муниципалитетов к правительственным субсидиям и грантам, которые они могут получить при одобрении Регионального плана. Следовательно, закон в первую очередь направлен не на повышение благосостояния айнов, а на развитие муниципалитетов, сферы услуг и промышленности (в основном туристической отрасли), айны же используются как своеобразный «ресурс для развития туризма»¹⁹.

Беспокойство вызывает и тот факт, что многие члены японского правительства продолжают поддерживать идею гомогенности. В 2020 г. вице-премьер и министр финансов Японии Асо Таро выступил с речью, в которой заявил, что «Япония – единственная страна, где одна нация, один народ и одна династия просуществовали 2000 лет»²⁰. СМИ оценили данное высказывание как противоречащее проводимой политике, принимая во внимание тот факт, что оно было сделано спустя всего год после принятия нового закона в отношении коренного народа²¹.

Наиболее дискуссионным вопросом, связанным с принятием закона 2019 г., являются коллективные права айнов. Современный «японский подход» к реализации этнической политики основывается на 13-й статье Конституции Японии, которая говорит о том, что «каждый человек должен уважаться как личность». Эта статья защищает права отдельных граждан, предполагая, что айны как индивидуумы способны выбирать свой образ жизни, если это «не мешает общественному благосостоянию».

Данную точку зрения, в частности, поддерживает Директор Центра исследования айнов и коренных народов Университета Хоккайдо Цунэмото Тэруки, который отмечает, что в Японии субъектом права является человек, им не может быть «народ айну», принадлежность к которому основывается только на самоопределении. В международном праве предполагается, что представителем коренного народа может являться любое лицо «принадлежащее к этому коренному населению по своему самосознанию (сознание принадлежности к группе), признаваемое и принятое этим населением в качестве его члена (признание со стороны группы)»²². Это приводит к невозможности чётко определить субъект

¹⁷ Заявление правительству Японии с требованием отзыва нового законопроекта, касающегося айнов. <http://ihaefe.org/files/news/2019/12-03/zayavlenieainov.pdf> (дата обращения: 27.03.2019).

¹⁸ Пресс-конференция «Неужели айнов в Японии, наконец-то, признают?». <http://ihaefe.org/files/news/2019/12-03/press-conf-rus.pdf> (дата обращения: 27.03.2019).

¹⁹ Rights Groups Blame Japan Gov't over Bill on Ainu Ethnic Minority // Kyodo News. 2019. March 1. <https://english.kyodonews.net/news/2019/03/617eaeed1ce23-rights-groups-blame-japan-govt-over-bill-on-ainu-ethnic-minority.html> (дата обращения: 10.03.2019).

²⁰ 麻生太郎氏「日本は2千年、一つの民族」政府方針と矛盾 [Заявление Таро Асо: «Япония – единственная страна, где одна нация существовала 2000 лет» противоречит политике правительства]. 13 января 2020. <https://www.asahi.com/articles/ASN1F67HDN1FTIPE00X.html> (дата обращения: 10.03.2019).

²¹ Ibid.

²² Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов: руководство для национальных правозащитных учреждений // Азиатско-Тихоокеанский форум национальных правозащитных

права и влечёт за собой противоречия в японской правовой системе [Tsunemoto 2011]. Господин Цунэмото также оправдывает неполноценность проводимой в отношении айнов политики, говоря о том, что в первую очередь государство должно заботиться о восстановлении утраченной в ходе ассимиляционной политики благоприятной среды, «в которой айны могли бы познакомиться со своей традиционной культурой и почувствовать свою идентичность, если пожелают» [Tsunemoto 2011].

Аналогичной точки зрения по поводу вопроса о коллективных правах придерживается исследователь Южнотихоокеанского университета Накамура Наохиро. В своих работах он утверждает, что права айнов уже защищены настоящим законодательством, а вопрос о предоставлении коллективных прав может быть решён на уровне принятия отдельных постановлений местными органами власти. Соответственно, создавать специальный закон, закрепляющий коллективные права народа, нет необходимости [Nakamura 2013].

Тем не менее, не все солидарны с данной позицией. В исследованиях профессора Муроранского технологического института Маруяма Хироси открыто критикуется современная политика японского правительства и его неспособность разработать специальный закон для полноценного обеспечения прав коренного этноса [Maruyama 2014]. Он оценил законопроект 2019 г. как «закон, в котором сохраняется наследие колониального отношения японского правительства к айнам» [Maruyama 2013]. Объясняя свою точку зрения, профессор обращает внимание на то, что все меры в отношении айнов создаются исключительно для получения государством или местными органами власти экономической выгоды, а развитие айнской культуры является лишь прикрытием [Charbonneau, Maruyama 2019a]. Кроме того, по мнению учёного, для реализации эффективной этнической политики и достижения консенсуса с общинами власти должны принести извинения всему айнскому населению за дискриминационную и ассимиляционную политику, проводимую в прошлом. Однако официальных извинений принесено не было.

Профессор Маруяма также раскритиковал работу Совета по продвижению политики в отношении айнов и подчеркнул тот факт, что данный орган состоял в основном из японцев, а представители айнов, которых в нём меньшинство, не были способны выразить интересы всех айнских сообществ при разработке нового законодательства [Charbonneau, Maruyama 2019b].

Проблема соответствия законодательства 2019 г. международным стандартам в сфере защиты прав коренных народов

Члены айнских общин и организаций не раз высказывали своё мнение о необходимости признания коллективных прав, говоря о том, что это неотъемлемая часть Декларации ООН о правах коренных народов. Более того, зачастую представители народа выступают против процедуры, согласно которой для вылова рыбы требуется получение специального разрешения у местных властей. В связи с этим растут случаи браконьерства, что только разжигает споры вокруг вопроса о признании коллективных прав.

учреждений и Управление Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по правам человека, 2013 г. https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf (дата обращения: 12.07.2022).

Несмотря на то, что законопроект 2019 г. предполагает ослабление ограничения на промысел лосося и сбор древесины в национальных лесах для проведения ритуалов, адвокат Итикава Мотихиро, выступавший на стороне представителей айнов на пресс-конференции в марте 2019 г., заявил, что это делается в целях сохранения традиций айнов и не основывается на их коллективных правах²³. Альянс граждан по инспектированию политики в отношении айнов в 2020 г. направил письменное обращение к губернатору Хоккайдо с просьбой пересмотреть действующие правила добычи лосося. В обращении упоминалось о том, что полиция и местные чиновники препятствуют проведению традиционных ритуалов айнов, хотя мероприятия согласовываются заранее²⁴.

Таким образом, вопрос о коллективных правах является одним из наиболее болезненных для айнских общин. Он также тесно связан с другой важной проблемой – возвращением и перезахоронением останков предков айнов, которые изымались японскими исследователями из могил в научных целях с периода Мэйдзи до 1970-х гг.

В конце XX – начале XXI вв. активисты и организации, отстаивавшие права коренного народа (Альянс граждан по инспектированию политики в отношении айнов, Ассоциация айнов Урахоро, Ассоциация айнов Карафуто, организация «Котан-но кай» и др.), начали выступать за то, чтобы останки айнов были возвращены непосредственно общинам и захоронены там, откуда были изъяты учёными. Однако правительство Японии имеет свои взгляды на размещение антропологического материала. Оно приняло решение разместить все останки в одном месте – мемориальном комплексе на территории Национального музея и парка айнов в г. Сираои. Против этого выступают многие представители народа, так как перемещение останков в мемориал и предоставление возможности для учёных проводить дальнейшие исследования является крайне нежелательным. Недовольные айны руководствуются 12-й статьей Декларации ООН о правах коренных народов, которая закрепила их право пользоваться обрядовыми предметами и хоронить на родине останки своих умерших. Она также обязала государство обеспечить возможность доступа к обрядовым предметам и останкам умерших и/или их возвращение на родину в рамках справедливых, транспарентных и эффективных механизмов, разработанных совместно с соответствующими коренными народами²⁵. Представители айнов подали несколько исков в суд, после чего проблема начала обсуждаться. Несмотря на начатую кампанию по репатриации останков, очень немногие из них были возвращены потомкам. Большая часть антропологического материала была перемещена в мемориал музея, так как по официальным данным «среди айнов мало желающих принять останки» [Higashimura 2019]. Организации, отстаивающие интересы коренного народа, предоставляют другую информацию и заявляют, что процедура возвращения проходит крайне медленно и сложно. Дело в том, что в

²³ Rights Groups Blame Japan Gov't over Bill on Ainu Ethnic Minority // Kyodo News. 2019. March 1. <https://english.kyodonews.net/news/2019/03/617eaed1ce23-rights-groups-blame-japan-govt-over-bill-on-ainu-ethnic-minority.html> (дата обращения: 10.03.2019).

²⁴ モベツ川でのサケ漁をめぐる//アイヌ政策検討市民会議 [О ловле лосося в реке Мобэцу // Альянс граждан по инспектированию политики в отношении айнов: официальный сайт]. <https://ainupolicy.jimdofree.com/市民会議の提案-声明/モベツ川でのサケ漁をめぐる/> (дата обращения: 02.05.2022).

²⁵ Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г. // Организация Объединённых наций: официальный сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 19.10.2020).

соответствии с Гражданским кодексом Японии человеческие останки могут быть переданы только прямому потомку или кровному родственнику умершего, что должно быть доказано с помощью проведения ДНК-тестирования²⁶. Следовательно, община или какая-либо организация не может сделать запрос или подать иск. Такой принцип противоречит праву коренных народов на коллективную собственность.

Вышеперечисленные проблемы усугубляется также тем, что местные органы власти не всегда способны на должном уровне обеспечить соблюдение прав коренного народа. Это, с одной стороны, связано с дискриминацией и распространением идеи гомогенности японского общества, что является следствием недостаточного осведомления японской общественности о проблемах коренного народа [Osakada 2021]. С другой стороны, большинство айнов проживают в сельской местности и небольших городах, которые постепенно исчезают по причине урбанизации. Для органов местного самоуправления затруднительно осуществлять свои функции в деревнях, удалённых от городов. В исследовательской литературе подчёркивается, что, вероятно, со временем сельская муниципальная власть постепенно исчезнет [Горян 2017, с. 30].

Что касается в целом оценки соответствия японской этнической политики международным стандартам, то в 2020 г. Университет Куинс (Канада) провёл независимое исследование уровня правовой защиты айнов в рамках изучения условий для распространения идей мультикультурализма в разных странах. В исследовании анализировалось соответствие политики японского правительства следующим критериям:

1. признание права коренного народа на землю, территорию и ресурсы;
2. признание права на самоуправление;
3. соблюдение ранее заключённых договоров и/или заключение новых соглашений, касающихся коренного народа;
4. признание обычного права;
5. признание культурных прав (на язык, религию, традиционные виды деятельности);
6. гарантия представительства в национальном правительстве;
7. законодательное подтверждение особого статуса коренного народа;
8. поддержка/ратификация международных документов по правам коренных народов;
9. осуществление мер по улучшению благосостояния²⁷.

В результате исследования выяснилось, что Япония полностью соблюдает пункты 3, 5 и 7. Было также выявлено частичное соблюдение пунктов 6 и 8 из вышеприведенного списка. Всего Япония, по оценке экспертов, набрала 3 балла из 9 возможных²⁸. Следовательно, она осуществляет общепризнанные принципы и нормы международного права по защите прав коренных народов примерно на 33 %.

Различные структуры ООН (Совет по правам человека, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Специальный докладчик по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости) не раз

²⁶ Ainu fight for return of plundered ancestral remains // The Japan Times. <https://www.japantimes.co.jp/community/2013/08/12/issues/ainu-fight-for-return-of-plundered-ancestral-remains/> (дата обращения: 10.05.2022).

²⁷ Multiculturalism Policies in Contemporary Democracies. Japan // Queen's University. <https://www.queensu.ca/mcp/indigenous-peoples/resultsbycountry-ip/Japan-ip> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁸ Ibid.

выносили Японии рекомендации в сфере обеспечения прав человека. Среди рекомендаций можно выделить следующие: признание права айнов на возмещение в виде компенсаций (включая реституцию) за земли, территории и ресурсы, традиционно им принадлежавшие; необходимость решения проблемы представительства айнов в органах власти; преодоление низкого уровня образования и качества жизни народа; разработка закона, который бы запрещал расовую дискриминацию и мог быть средством судебной защиты для пострадавших от неё и пр.²⁹.

В 2019 г. бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо признал справедливость критических замечаний в связи с отсутствием в тексте Закона «О продвижении мер по созданию общества, в котором уважается гордость народа айну» чётких гарантий по возвращению айнам земли, ресурсов и политической власти. Он согласился с тем, что на данный момент признание айнов произошло только на словах и не соответствует условиям, предусмотренным международным правом. С. Абэ также отметил, что все рекомендации принимаются во внимание и законодательство Японии продолжит совершенствоваться³⁰.

Однако проблема кроется не только в деятельности японских властей. Говоря об отсутствии полноценного представительства айнов в правительстве, стоит отметить, что это во многом связано с тем, что само айнское сообщество довольно неоднородно. В начале XXI в. в национальном движении айнов наметился серьёзный кризис. Он проявляется в отсутствии консенсуса среди общин и организаций, представляющих их интересы, по многим вопросам, в том числе по поводу возвращения останков. Ассоциация айнов Хоккайдо, в частности, солидарна с правительством в данной ситуации. В то же время власти видят в Ассоциации единственного серьёзного представителя со стороны коренного народа. Тем не менее, данная организация не представляет мнения большинства айнов. В неё входят представители только 50 местных ассоциаций, в то время как по всему Хоккайдо их насчитывается около 200.

Соответственно, существует проблема отсутствия организации, которая представляла бы интересы всех айнских сообществ, включая Ассоциацию айнов Карафутто, Ассоциацию айнских женщин и пр. Это привлекает внимание и государственных деятелей, которые говорят о том, что из всех членов Ассоциации айнов Хоккайдо только 20 % на самом деле имеют айнскую кровь [Higashimura 2019]. Исследователь Осакада Юко при этом отмечает, что до тех пор, пока айны не создадут общую представительную организацию, они не будут рассматриваться как носители коллективных прав [Osakada 2021]. В настоящее время айны не представлены в парламенте Японии. Единственным айном, который был избран в парламент в качестве члена его верхней палаты от Социалистической партии, был Каяно Сигэру, и это произошло ещё в 1994 г.

Кроме того, важно обратить внимание на ситуацию с этническим образованием среди айнов. Статья 14 Декларации ООН о правах коренных народов гласит, что «коренные народы имеют право создавать и контролировать свои системы образования и учебные

²⁹ Observations on the State of Indigenous Human Rights in Japan // The 28th Session of the United Nations Human Rights Council Universal Periodic Review March 2017. <https://uprdoc.ohchr.org/uprweb/downloadfile.aspx?filename=4287&file=EnglishTranslation> (дата обращения: 03.08.2022).

³⁰ From assimilation to recognition: Japan's indigenous Ainu // Minority stories from around the globe. <https://stories.minorityrights.org/japan/chapter/from-assimilation-to-recognition-japans-indigenous-ainu/> (дата обращения: 02.08.2022).

заведения, обеспечивающие образование на их родных языках, таким образом, чтобы это соответствовало свойственным их культуре методам преподавания и обучения»³¹. Тем не менее, эта статья Декларации также соблюдается японским правительством только частично. Японскими и айнскими исследователями, такими как Каяно Сигэру, Маруяма Хироси, Маэда Кодзи и пр., не раз поднимался вопрос о важности этнического образования. В частности, профессор Маруяма Хироси считает совершенствование этнического образования и включение айнского языка в школьную программу крайне важными условиями для сохранения идентичности и развития народа [Maruyama 2013]. Тем не менее, в настоящее время изучение айнского языка остаётся на уровне хобби у большинства айнов [Dubreuil 2007], его внедрение в образовательную программу происходит с трудом. Однако следует учесть, что в Японии интернационализация и продвижение мультикультурных тенденций в сфере образования в целом происходят довольно медленно.

Заключение

Несомненно, проблемы обеспечения и защиты прав коренных народов существуют не только в Японии. Специалист МОТ Мартин Ольц утверждает, что процесс улучшения условий жизни коренных народов идёт медленно во многих государствах. Для его ускорения необходимо, «чтобы государственная политика учитывала потребности коренных народов и отражала их чаяния, необходимо бороться с отсутствием институциональной и правовой структуры, призванной обеспечить этим народам возможность участвовать в принятии решений»³².

Согласно последним отчётам ООН, несмотря на международное признание и принятие многочисленных нормативно-правовых документов, коренные этносы по всему миру продолжают сталкиваться с серьёзными препятствиями, их права часто нарушаются³³. Существует также угроза уничтожения самобытной культуры аборигенов. Представители ООН подчёркивают, что системы поощрения прав коренных народов, этнических, религиозных и социальных меньшинств требуют постоянного совершенствования³⁴.

В то же время можно сказать, что Япония сделала многое на пути создания механизмов правовой защиты коренного народа. Большую роль в данном вопросе сыграло влияние глобальных тенденций, которым Япония вынуждена следовать, постоянно оглядываясь на мнение мирового сообщества. Ключевым событием в изменении японской этнической политики стало признание айнов коренным этносом в 2008 г., которое положило начало формированию законодательной базы, обеспечивающей их интересы.

Однако в настоящее время страна всё же отстаёт от международных стандартов. Япония только частично признает права айнов, этническая политика в основном сосредоточена на продвижении культуры и развитии сферы туризма на Хоккайдо. Кроме

³¹ Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 г.

³² Необходимы срочные меры по борьбе с нищетой и неравенством коренных народов // Международная организация труда: официальный сайт. 3 февраля 2020 г. https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_735849/lang--ru/index.htm (дата обращения: 04.06.2021).

³³ О коренных народах и правах человека // Организация Объединённых наций: официальный сайт. <https://www.ohchr.org/ru/indigenous-peoples> (дата обращения: 05.06.2021).

³⁴ Коренные народы и правозащитная система Организации Объединённых Наций. Изложение фактов № 9/Rev.2 // Управление Верховного комиссара по правам человека.

того, явным недостатком закона 2019 г. является то, что он не предусматривает конкретных антидискриминационных инициатив, а также мероприятий по улучшению социально-экономического положения народа. Остаётся пока нерешённой ситуация с коллективными правами, представительством айнов в органах власти, развитием этнического образования. Особенно сильно обостряется положение дел вокруг спора о возвращении останков предков айнским общинам, а также возможности вылова лосося представителями народа без получения особого разрешения. На углубление этих проблем оказывает воздействие отсутствие единства среди айнского населения по поводу вопросов, которые их касаются. Это приводит к невозможности создания конструктивного взаимодействия между айнами и представителями власти.

Мнение японского правительства по данному вопросу также противоречиво. С одной стороны, оно признаёт необходимость совершенствования законодательства. С другой стороны, в японском обществе продолжает поддерживаться идея этнической гомогенности, что создаёт недопонимание среди японских граждан относительно проводимой этнической политики. Тем не менее, проблема реализации и обеспечения прав коренного народа в Японии является очень многогранной и требует сотрудничества айнской и японской сторон. Только в этом случае станет возможным её эффективное разрешение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баженова Ж.М. Окинава в контексте политики мультикультурализма в Японии // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2014. Т. 16. С. 52–64.
- Горян Э.В. Роль органов местного самоуправления Японии в обеспечении прав коренного народа айну // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 20–31.

REFERENCES

- Bazhenova, Zh.M. (2014). Okinawa v kontekste politiki mul'tikul'turalizma [Okinawa in the Context of Multiculturalism]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS], 16, 52–64. (In Russian).
- Goryan, E.V. (2017). Rol' organov mestnogo samoupravleniya Yaponii v obespechenii prav korennoogo naroda ainu [The Role of Local Government in Japan in Ensuring the Rights of the Ainu Indigenous People]. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* [Administrative and Municipal Law], 9, 20–31. (In Russian).
- * * *
- Charbonneau, L., Maruyama, H. A. (2019a). Critique on the New Ainu Policy: How Japan's Politics of Recognition Fails to Fulfill the Ainu's Indigenous Rights. *Focus*. Retrieved August 15, 2022, from <https://www.hurights.or.jp/archives/focus/section3/2019/06/a-critique-on-the-new-ainu-policy-how-japans-politics-of-recognition-fails-to-fulfill-the-ainus-indi.html>
- Charbonneau, L., Maruyama, H. A. (2019b). Japan's New Policy on the Ainu is Misleading. *Down To Earth*, February 21. Retrieved August 15, 2022, from <https://www.downtoearth.org.in/blog/governance/japan-s-new-policy-on-the-ainu-is-misleading-63309>
- Dubreuil, C.O. (2007). The Ainu and Their Culture: A Critical Twenty-First Century Assessment. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Retrieved August 15, 2022, from <https://apjff.org/-Chisato--Kitty--Dubreuil/2589/article.pdf>

- Higashimura, T. (2019). No Rights, No Regret: New Ainu Legislation Short on Substance. *Nippon.com*, April 26. Retrieved August 15, 2022, from <https://www.nippon.com/en/in-depth/d00479/no-rights-no-regret-new-ainu-legislation-short-on-substance.html>
- Kaizawa, K., Matsuna, T., Okuno, T., Maruyama, H. (2011). *Ainu minzoku no fukken – senjūmin-zoku to kizuku aratana shakai* [Restoration of the Ainu People: Building a New Society with Indigenous Peoples]. Kyoto: Hōritsubunkasha. (In Japanese).
- Larson, E. (2008). Emerging Indigenous Governance: Ainu Rights at the Intersection of Global Norms and Domestic Institutions. *Alternatives: Global, Local, Political*. Retrieved August 15, 2022, from https://www.jstor.org/stable/40645236#metadata_info_tab_contents
- Lewallen, A.-E. (2008). Indigenous at last! Ainu Grassroots Organizing and the Indigenous Peoples Summit in Ainu Mosir. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Retrieved August 15, 2022, from <https://apjif.org/-ann-elise-lewallen/2971/article.pdf>
- Maruyama, H. (2013). Japan's Post-war Ainu Policy. Why the Japanese Government Has Not Recognised Ainu Indigenous Rights? *Polar Record*, 49 (2), 204–207.
- Maruyama, H. (2014). Japan's Policies Towards the Ainu Language and Culture with Special Reference to North Fennoscandian Sami Policies. *A Nordic Journal of Circumpolar Societies*, 31 (2), 152–175.
- Nakamura, N. (2013). Realising Ainu Indigenous Rights: A commentary on Hiroshi Maruyama's 'Japan's post-war Ainu policy. Why the Japanese Government has not recognised Ainu indigenous rights?' *Polar Record*, 50, 209–211.
- Nakamura, N. (2019). Redressing injustice of the past: the repatriation of Ainu human remains. *Japan Forum*, 31 (3), 358–377.
- Osakada, Y. (2021). An examination of arguments over the Ainu Policy Promotion Act of Japan based on the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. *International Journal of Human Rights*, 25 (6), 1053–1069.
- Tsunemoto, T. (2011). Ainu minzoku to 'Nihon-gata' senjūmin-zoku seisaku [The Ainu People and "Japanese-Style" Indigenous Peoples Policy]. *Gakujutsu no dōkō* [Academic Trends]. Retrieved August 15, 2022, from https://www.jstage.jst.go.jp/article/tits/16/9/16_9_9_79/_pdf (In Japanese).
- Tsunemoto, T. (2019). Overview of the Ainu Policy Promotion Act of 2019. *Foreign Press Center Japan*. Retrieved August 15, 2022, from <https://fpcj.jp/wp/wpcontent/uploads/2019/11/b8102b519c7b7c4a4e129763f23ed690.pdf>

Поступила в редакцию:	15.08.2022	Received:	15 August 2022
Принята к публикации:	22.08.2022	Accepted:	22 August 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104

Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы

П.А. Минакир, М.Г. Мазитова

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления и развития экономических взаимосвязей между СССР/Россией и Японией, начиная с 1960-х гг. В течение этого периода выделено четыре основных этапа, различающихся формами, масштабами и институциональной оболочкой взаимодействий: 1960-е – 1980-е гг., конец 1980-х – первая половина 1990-х гг., вторая половина 1990-х – первая половина 2000-х гг., вторая половина 2000-х – 2021 г. Показано, каким образом санкции против РФ, введённые в 2022 г., повлияли на масштабы и перспективы торгово-экономических взаимодействий. Проанализировано изменение модели двусторонних взаимодействий на разных этапах: от доминировавших на первом этапе межгосударственных торгово-кредитных отношений в условиях развития материалоёмкой тяжёлой промышленности Японии после Второй мировой войны, с одной стороны, и возрастающей потребности СССР в получении внешних ресурсов для развития восточных районов страны, и прежде всего Дальнего Востока, с другой, до характерной для четвёртого этапа торгово-инвестиционной экспансии Японии при сохранении базирующейся на естественных преимуществах сырьевой экспортной специализации России и её Дальнего Востока. Описаны основные формы зарождения и дальнейшего развития взаимной торговли, начиная с «малой или прибрежной» торговли и компенсационных соглашений и кончая пространственным манёвром и энергетическими проектами. Утверждается, что общим содержанием двусторонних взаимодействий на всех этапах являлось формирование на Дальнем Востоке в качестве довлеющей стратегии развития концентрации экономических ресурсов в природоресурсных отраслях и создание на этой основе ориентированной на Японию экспортной базы как основы экономического развития. Эта стратегия всё в большей степени формировалась как один из важнейших компонентов экономической политики как в СССР, так и в России. В статье аргументируется тезис об углублении ножиц между российской и японской экономиками, всё более функционирующих в рамках разных структурно-технологических систем, что обуславливает современный масштаб, характер и динамику взаимных торгово-экономических взаимодействий.

Проанализированы основные структурные и динамические тренды экспорта и импорта, этапы и особенности организации взаимодействий в 1991–2021 гг. Выделены особенности инвестиционного сотрудничества. Рассмотрены современные проблемы инвестиционных и торговых отношений в связи с введением пакетов санкций со стороны Японии против российской экономики и российских контрсанкций.

Ключевые слова: Япония, экспорт, импорт, прямые иностранные инвестиции, экономические санкции, теоретические основания торговли.

Авторы:

Минакир Павел Александрович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, Институт экономических исследований ДВО РАН (ул. Тихоокеанская, 153, г. Хабаровск, 680042). ORCID: 0000-0002-5451-5662; E-mail: minakir@ecrin.ru

Мазитова Марина Гамиловна, научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (ул. Тихоокеанская, 153, г. Хабаровск, 680042). ORCID: 0000-0002-7978-7904; E-mail: mazitova@ecrin.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы // Японские исследования. 2022. № 3. С. 84–104. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104

Russian-Japan trade and economic relations: Complicated history and foggy prospects

P.A. Minakir, M.G. Mazitova

Abstract. The article considers the stages of formation and development of economic relations between the USSR/Russia and Japan. Within the period of the 1960s – 2021, four main stages were distinguished, differing in the forms, scale, and institutional framework of interactions: 1960s – 1980s, late 1980s – first half of the 1990s, second half of the 1990s – first half of the 2000s, the second half of the 2000s – 2021. It is shown how the sanctions against the Russian Federation introduced in 2022 affected the scale and prospects of economic interactions. The change in the model of bilateral interactions is analyzed: from trade and credit relations at the first stage to Japan's trade and investment expansion, which is characteristic of the fourth stage, while the export specialization of Russia and its Far East, based on the natural advantages of raw materials, continues. The main forms of origin and further development of mutual trade are described, starting with “small or coastal” trade and compensatory agreements and ending with spatial maneuvering and energy projects. It is argued that the general content of bilateral interactions at all stages is the formation in the Far East, as the dominant development strategy, of the concentration of economic resources in natural resource sectors and the formation on this basis of an export base oriented towards Japan as the basis for economic development. This strategy was increasingly formed as one of the most important components of economic policy both in the USSR and in Russia. The article upholds the thesis about the deepening of the gap between the Russian and Japanese economies, which are increasingly functioning within the framework of different structural and technological systems, which determines the modern scale, nature, and dynamics of mutual trade and economic interactions.

The main structural and dynamic trends of exports and imports, stages and features of the organization of interactions in 1991–2021 are analyzed, as well as the features of investment cooperation. Modern problems of investment and trade relations are considered in connection with the introduction of packages of sanctions by Japan against the Russian economy and the Russian counter-sanctions.

Keywords: Japan, export, import, foreign direct investment, economic sanctions, theoretical foundations of trade.

Authors:

Minakir Pavel A., Academician RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor, Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Science (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5451-5662; E-mail: minakir@ecrin.ru

Mazitova Marina G., Research Fellow, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7978-7904; E-mail: mazitova@ecrin.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Minakir P.A., Mazitova M.G. (2022). Rossiysko-yaponskiye torgovo-ekonomicheskiye svyazi: slozhnaya istoriya i tumannyye perspektivy [Russian-Japan trade and economic relations:

Complicated history and foggy prospects]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 84–104. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104

Введение

Устойчивые и относительно масштабные торгово-экономические связи СССР с Японией из спорадических стали быстро превращаться в важный компонент общеэкономического и территориального развития для обеих стран с первой половины 1960-х гг. Япония проходила стадию ускоренной индустриализации. Экстенсивный характер экономического развития Японии, высокий уровень материалоемкости быстро развивающихся отраслей тяжёлой промышленности (энергетической, металлургической, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей) обусловили растущую потребность в источниках относительно дешёвого и близко расположенного сырья (угля, древесины, металлических руд). В свою очередь СССР с начала 1960-х гг. искал возможность развития своих восточных районов, в первую очередь Дальнего Востока, на основе экспортной специализации экономики, остро нуждаясь в рынках сбыта в АТР и источниках инвестиционных и материально-технических ресурсов. Эти поиски породили два феномена в новейшей советской экономической истории – регионализацию внешней торговли, создание прибрежной торговли между территориями Дальнего Востока и префектурами Японии (малая торговля) и торгово-инвестиционные связи по принципу «деньги – производство – экспорт продукции». Полигоном для развития обеих форм стал советский Дальний Восток, для которого это явилось возрождением концессионной и торговой политики 1920-х гг.

В 1964 г. было заключено первое межправительственное советско-японское компенсационное соглашение по лесу, которое впоследствии неоднократно продлевалось. За ним последовали соглашения по углю, разведке нефти и газа. Принцип действия этих соглашений был един – Япония предоставляла товарно-инвестиционный кредит, который впоследствии погашался советской стороной поставками продукции по установленным ценам. На японские кредиты советской стороной закупались в Японии техника и оборудование, товары производственно-технического назначения, а также потребительские товары (до 30 % общей суммы кредита). Эти соглашения привели не только к освоению ранее не использовавшихся природных ресурсов, но и к формированию новых промышленных узлов, диверсификации структуры производства и экспорта, повышению технического и технологического уровня советской промышленности на Дальнем Востоке. Но, возможно, ещё более важным результатом стало быстрое формирование на основе как компенсационных соглашений, так и прибрежной торговли системы стабильных торговых и кооперационных связей между крупными и малыми японскими и советскими фирмами и компаниями. Именно эти устойчивые и доверительные отношения стали в последующем (в конце 1980-х – 1990-х гг.) базой для включения Дальнего Востока России в цепочку торговых и инвестиционных связей не только с Японией, но и другими странами Северо-Восточной Азии.

Конечно, имелся и негативный результат для советской экономики такого типа двусторонней торгово-инвестиционной кооперации. Советско-японские экономические взаимосвязи на Дальнем Востоке строились по принципу «ресурсы в обмен на капитал и

технологии». Это означало построение торговых отношений с Японией на основе теории абсолютных конкурентных преимуществ и как следствие – концентрацию экономических ресурсов в ресурсных отраслях. Впоследствии этот эффект получил название «голландская болезнь», а применительно к восточным районам России – «ресурсное проклятие». Этот эффект проявлялся всё сильнее, распространяясь с Дальнего Востока на всю советскую, а затем российскую экономику по мере освоения новых ресурсов (углеводородов), и в итоге превратился в теоретическое обоснование процессов деиндустриализации российской экономики уже в 1990-е гг.

И до настоящего времени Россия не преодолела этот губительный для экономической перспективы тренд, который усугубляет ножницы между российской и японской экономиками, всё более функционирующими в рамках разных структурно-технологических систем. Разрыв структурно-технологических уровней между странами увеличивается, что влияет на масштаб, характер и динамику взаимных торгово-экономических связей уже в XXI веке.

Внешняя торговля России с Японией

Динамика двусторонних торговых связей на протяжении последних 25 лет была крайне неустойчивой. Периоды подъёма сменялись спадами. В 1995–2002 гг. российский экспорт снизился с 3,2 до 1,8 млрд долл. США, а импорт России из Японии стагнировал на уровне 0,8–1,0 млрд долл. США¹.

Рост мировых цен на энергоносители и выход на проектную мощность нефтегазовых проектов на Дальнем Востоке обусловили рост российского экспорта к 2008 г. до 10,3 млрд долл. США. А высокие темпы экономического роста в России и беспрецедентные экспортные доходы стали основой потребительского бума, одним из проявлений которого был стремительный рост спроса на японские товары (в частности, на легковые автомобили). Это привело к увеличению импорта из Японии до 18,6 млрд долл. США в 2008 г.

В 2009 г. в результате мирового финансово-экономического кризиса и связанного с ним замедления темпов развития российской экономики, введения заградительных пошлин на ввоз подержанных автомобилей из Японии и повышения пошлин на экспорт необработанной древесины (с 6,5 до 25 %) товарооборот между Россией и Японией сократился: экспорт уменьшился на 29,8 %, импорт – на 61 %. Но уже в 2013 г. товарооборот между странами достиг исторического максимума 33,2 млрд долл. США (экспорт – 19,7, импорт – 13,6), а отрицательное сальдо торгового баланса России, характерное для середины 2000-х гг., сменилось положительным². Этому способствовали увеличение стоимостного объёма экспорта вследствие стабильно высоких мировых цен на углеводороды и наращивание объёма экспорта продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК) за счёт расширения ассортимента поставок. В 2009 г. начались отгрузки нефти и сжиженного природного газа (СПГ) с терминалов на юге о. Сахалин в рамках проекта «Сахалин-2» в режиме соглашения о разделе продукции (СРП), а с 2012 г. – по нефтепроводу ВСТО (Восточная Сибирь – Тихий океан).

¹ По данным: ФТС России. <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.08.2022).

² Там же.

Падение мировых цен на энергоносители на фоне событий в Украине в 2014 г. и замедление темпов роста российской экономики привели к спаду стоимостных показателей российско-японской торговли в 2014–2016 гг. Торговый оборот снизился до 16 млрд долл. США к 2016 г.

Серьёзным шоком для российско-японского торгового взаимодействия стал 2020 г., на который пришёлся пик пандемии COVID-19. Торговая активность существенно снизилась: по сравнению с 2019 г. внешнеторговый оборот уменьшился на 20,5 %, экспорт – на 20,3 %, импорт – на 20,7 %. Существенно уменьшились стоимостные объёмы экспорта всех основных товарных позиций ТЭК: угля – на 21 %, нефти – на 35,2 %, нефтепродуктов – на 23,2 %, а в целом экспорт топливно-энергетической продукции в Японию уменьшился на 26,4 %. Экспорт рыбной продукции в Японию сократился на 12,7 %. Сокращение российского импорта из Японии затронуло практически все основные товарные позиции. Так, импорт продукции машиностроения уменьшился на 12,8 %, химической продукции – на 19,1 %, металлов и продукции из них – на 27,1 %.

В 2021 г. ситуация значительно улучшилась по всем позициям. Торговый оборот увеличился на 22,8 % по сравнению с 2020 г. при росте экспорта на 18,5 % и импорта на 28,3 %³. Росту экспорта способствовало повышение мировых цен на углеводороды в связи с оживлением спроса, а также переориентация экспорта рыбопродукции с Китая (сохранившего и даже ужесточившего ограничения для российского импорта) на Японию при значительном росте цен на краба. В импорте оживление было обусловлено восстановлением спроса на российском рынке.

В целом нестабильность взаимной торговли объективно определялась особенностями укоренившейся товарной структуры, которая в части российского экспорта, как упоминалось выше, базировалась на эксплуатации абсолютных преимуществ в ресурсном секторе, а в части импорта – на деформированной в результате «голландской болезни» структуре промышленного производства.

Со статистической точки зрения для России торговля с Японией не играет существенной роли. В общем объёме российского экспорта доля Японии после 1998 г. в среднем составляла 2,7 %, колебалась в диапазоне 1,5–3 %, несколько повысившись после 2010 г., благодаря экспорту нефти и газа с Сахалина до 3,1–4,2 % (табл. 1).

Таблица 1. Роль взаимной торговли для России и Японии, %

Год	Доля Японии во внешней торговле России*		Доля Японии во внешней торговле Дальнего Востока**		Доля России во внешней торговле Японии***	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
1998	3,1	1,9	24,7	8,4	0,3	1,0
1999	2,9	1,5	26,0	13,5	0,1	1,2
2000	2,7	1,7	20,1	15,7	0,1	1,2
2001	2,4	2,1	16,3	18,1	0,2	1,1
2002	1,7	2,1	20,2	12,1	0,2	1,0
2003	1,9	3,6	20,6	25,0	0,4	1,1

³ По данным: ФТС России. <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 15.08.2022).

2004	2,0	5,7	26,0	40,0	0,6	1,3
2005	1,6	6,3	25,1	33,4	0,8	1,2
2006	1,5	5,9	22,1	24,6	1,1	1,1
2007	2,3	6,7	36,9	26,5	1,5	1,7
2008	2,3	7,2	34,2	31,0	2,1	1,8
2009	2,5	4,5	33,4	10,1	0,6	1,6
2010	3,4	4,7	33,1	10,1	1,0	2,3
2011	2,8	4,9	27,7	9,9	1,4	2,2
2012	3,0	4,9	28,5	9,3	1,6	2,3
2013	3,7	4,3	32,6	14,4	1,5	2,8
2014	4,0	3,8	29,5	16,6	0,1	3,0
2015	4,2	3,7	30,7	12,2	0,8	2,4
2016	3,3	3,7	25,7	7,3	0,8	1,9
2017	2,9	3,4	21,7	9,3	0,9	2,1
2018	2,8	3,7	21,7	7,9	1,0	2,1
2019	2,7	3,7	21,1	14,8	1,0	2,0
2020	2,7	3,1	18,8	13,4	0,9	1,7
2021	2,2	3,1	14,0	11,9	1,0	1,8

Источник: рассчитано по данным:

* ФТС России. <https://customs.gov.ru/statistic>;

** Дальневосточное таможенное управление ФТС России. <https://dvtu.customs.gov.ru/statistic>;

*** Trade Statistics of Japan // Ministry of Finance Japan. <https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

Несущественны были и позиции импорта из Японии, составившие в среднем за 1998–2021 гг. 4 % в общем объеме российского импорта (табл. 1).

Для Японии роль торговли с Россией статистически ещё менее значима: в среднем за указанный период её доля составляла 0,8 % в японском экспорте и 1,7 % в импорте (табл. 1).

Однако с точки зрения товарной и особенно территориальной структуры реальная роль взаимной торговли для обеих стран существенно выше. Как импорт, так и экспорт концентрируются в чувствительных для каждой страны товарных сегментах, что становится очевидным при рассмотрении ассортиментных особенностей торговли для каждой из стран. Для России чрезвычайно важное значение имеет внешняя торговля с Японией на Дальнем Востоке, для экономики которого японский рынок является одним из основных. В среднем за указанный период доля японского рынка для Дальнего Востока составляла 25,5 % по экспорту и 16,5 % по импорту (табл. 1).

Экспорт России в Японию. После 2007 г., когда был запущен проект «Сахалин-2», относительно высокая и до этого (порядка 20 %) доля продукции топливно-энергетического комплекса (сырая нефть, СПГ, каменный уголь, нефтепродукты) в российском экспорте увеличилась до 60 %, а с 2010 г. и особенно после аварии на АЭС «Фукусима-1» выросла до 80 % и более. Экспорт металлов (прежде всего алюминия и металлов платиновой группы), рыбной продукции (рыбы и морепродуктов), продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности, включая целлюлозу, практически исчерпывал ассортимент экспорта (в 2021 г. доля продукции ТЭК снизилась до 60 %).

«Углеродная» направленность экспорта объясняет его, и соответственно всего внешнеторгового оборота, волатильность в зависимости от ценовой конъюнктуры и особенностей регулирования рынка в самой Японии. Критическое значение импорта энергоресурсов для энергобезопасности Японии предопределяет теснейшую взаимосвязь бизнеса и государства. И хотя прямого регулирования географии поставок энергоресурсов со стороны государства почти не прослеживается, тем не менее, японское правительство фактически определяет масштабы и географическую структуру японского энергетического импорта, увязывая их с политическими приоритетами. Взамен правительство Японии обеспечивает для японских компаний благоприятные условия ведения бизнеса за рубежом, задействуя механизмы двусторонних переговоров и консультаций, программы межведомственного сотрудничества, целевую помощь странам-экспортерам по линии Официальной помощи развитию Японского банка международного сотрудничества (JBIC), осуществляя разведку новых перспективных направлений Японской государственной корпорацией по нефти, газу и металлам (JOGMEC), оказывая прямую финансовую поддержку зарубежным проектам японских компаний в форме льготных кредитов JBIC [Виньков и др. 2019].

В частности, после аварии на АЭС «Фукусима-1» Япония поставила перед собой цель усилить значение России в рамках стратегии диверсификации нефтегазового импорта с тем, чтобы ослабить зависимость от политически нестабильного Ближнего Востока. Но при этом, чтобы не попасть в зависимость от России, долю её импорта в общем японском импорте нефтегазовых ресурсов предполагалось удерживать на уровне не выше 15 %.

Начало в 2022 г. специальной военной операции на Украине нанесло чувствительный удар по российско-японской торговле. В первом полугодии 2022 г. преобладали в основном тревожные ожидания, но после того, как Япония 9 мая 2022 г. присоединилась к запрету на импорт российской нефти, эти ожидания обрели реальные очертания. Правда, запрет не затронул импорт российского СПГ и нефти с сахалинских месторождений (проекты «Сахалин-2» и «Сахалин-1»), в рамках которых осуществляется значительная часть поставок⁴. Поскольку в этих проектах, рассчитанных на долгосрочное сотрудничество, японские компании являются акционерами, коммерческие интересы японского бизнеса пострадали бы слишком сильно. В будущем к этим проектам вполне мог бы добавиться новый проект «Арктик СПГ-2», в котором также участвует консорциум из японских компаний, хотя сейчас его будущее туманно. Немаловажное значение имеет также существенный выигрыш в цене при импорте нефти и СПГ из России, благодаря, в частности, короткому транспортному плечу поставок из дальневосточного порта Козьмино, куда доходит нефтепровод ВСТО.

Однако чисто коммерческие соображения (даже стратегического характера) могут серьёзно рассматриваться как абсолютный критерий при принятии бизнес-решений только в воображении адептов «чистого экономического либерализма». Уния бизнеса и политического руководства, как продемонстрировали события в мировой экономике после февраля 2022 г., однозначно модифицирует критерии принятия решений в пользу политической целесообразности, что вполне соответствует, казалось бы, абстрактной

⁴ Премьер Японии заявил о запрете на импорт российской нефти // РИА Новости. 09.05.2022. <https://ria.ru/20220509/yaponiya-1787580647.html> (дата обращения: 15.08.2022).

теоретической концепции «новой политической экономики». Интегрированность японского бизнеса с властью реально способна кардинально изменить чисто коммерческие критерии выбора поставщиков углеводородов, перевесить премию в цене, особенно на нефть. Не случайно, объявив об исключении из запрета на импорт нефти из России поставок по линии сахалинских проектов, Япония объявила о намерении в будущем сокращать и эти поставки⁵. В перспективе это, конечно, может существенно модифицировать объёмы и структуру торговых связей. И вполне вероятно, что последствия начнут проявляться уже во втором полугодии 2022 г.

В перспективе, даже в случае снятия санкций (что пока представляется почти фантастическим сценарием), серьёзное давление на российский экспорт нефти и газа будет нарастать, вероятность чего подтверждается проектом новой энергостратегии Японии.

Эта стратегия предусматривает к 2030 г. повышение доли экологически чистой генерации в энергобалансе страны до 36–38 % – за счёт увеличения доли атомной генерации с 3 % до 20–22 % и доли возобновляемых источников энергии с 10 % до 16–18 %. Вряд ли следует утешать себя тем, что «зелёный» энергопереход займёт длительное время. Уже к 2020 г. потребление газа в Японии снизилось на 7 % при уменьшении объёмов импорта на 8 %. Одной из причин как раз являлось возвращение в эксплуатацию ряда энергоблоков атомных электростанций, остановленных после аварии на станции «Фукусима-1». Пока Россия, занимающая четвёртое место по объёму поставок СПГ в Японию после Австралии, Малайзии и Катара, увеличивает доходы от продажи нефти и газа благодаря растущим ценам. Но рано или поздно сокращение объёмов потребления перестанет компенсироваться ростом цен.

Ещё более проблематична в перспективе ситуация с поставками нефтепродуктов и угля. Здесь российские поставщики не только не имеют преимущества, но и проигрывают ценовую конкуренцию. Нефтепродукты для экспорта в Японию доставляют из сибирских регионов России железной дорогой до порта Козьмино или отправляют танкерами из других портов, что увеличивает их стоимость. Основной экспортный поток угля в Японию идёт из Кузбасса (Западная Сибирь) по железной дороге с перевалкой в портах Ванино и Восточный. Это увеличивает транспортные расходы по оценкам на 30 и 50 % по сравнению с вариантом экспорта из Индонезии и Австралии⁶.

Попытки диверсифицировать российский экспорт в Японию до сих пор не принесли каких-либо существенных результатов. Ограниченный ассортимент «неэнергетических» поставок, среди которых выделялись концентраты и сплавы цветных металлов, а также техническая продукция на основе сплавов драгметаллов (каталитических систем, стеклоплавильных устройств, термометрической и лабораторной продукции, фармакологических препаратов на основе платины и других цветных металлов), не смог пока переломить ситуацию и существенно изменить структуру российского экспорта в Японию. Реализуются ли наметившиеся в последнее время перспективы расширения экспорта продукции алюминиевой промышленности (в частности, по поставкам первичного алюминия

⁵ Премьер Японии заявил о запрете на импорт российской нефти // РИА Новости. 09.05.2022. <https://ria.ru/20220509/yaponiya-1787580647.html> (дата обращения: 15.08.2022).

⁶ Тихонов С. Реформа энергетики в Японии может затронуть российский экспорт // Российская газета. 29.07.2021. <https://rg.ru/2021/07/29/reforma-energetiki-v-iaponii-mozhet-zatronut-rossijskij-eksport.html> (дата обращения: 15.08.2022).

с низким углеродным следом) и продовольствия (зерна, злаков, мёда, ягод, отдельных видов овощей, кондитерских изделия, колбас, чая, различных фитопродуктов) в условиях усиливающегося санкционного давления – остаётся под большим вопросом.

Импорт России из Японии. Структура импорта России из Японии в течение двух последних десятилетий также демонстрировала высокую степень инерционности.

Импорт России из Японии является более диверсифицированным, чем экспорт. Его основу составляют машины, оборудование и транспортные средства, доля которых в 2019–2021 гг. составила около 80 % общего объёма импорта. Основными товарами в этой группе являются транспортные средства (легковые автомобили, двигатели, кузова и запасные части к ним), продукция энергетического машиностроения, электрооборудование, бытовая техника, оптические приборы, цифровые фото- и видеокамеры, контрольно-измерительная аппаратура, медтехника.

Следует учитывать, правда, что реальный объём импорта из Японии занижается, а ассортимент поставок определённым образом искажается из-за специфики системы таможенного статистического учёта. Значительная часть товаров под брендами японских торговых марок, особенно производителей бытовой техники и автомобилей, поставляется в европейскую часть России не непосредственно из Японии, а филиалами японских компаний, расположенными в третьих странах, и потому не учитывается таможенной статистикой как произведённые в Японии [Стрельцов 2016]. Хотя это несколько и корректирует структуру и объём реального импорта, но вряд ли существенно изменяет общую структурную картину.

Инвестиционные взаимодействия

Если не учитывать «золотого периода» 1960-х – 1980-х гг. (компенсационные соглашения), то начало инвестиционного бума датируется 1987 г., когда в СССР был принят Закон об иностранных инвестициях, который легитимизировал создание совместных предприятий и предусмотрел предоставление особых льгот при их размещении на Дальнем Востоке. Малые и средние японские компании, а также такие «монстры», как Sumitomo, Mitsui, Marubeni, с энтузиазмом инвестировали в 100 % японские и совместные предприятия, особенно в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В первую очередь инвестиции направлялись в лесную и рыбную промышленность, а также ресторанный и гостиничный бизнес.

Японские инвестиции за короткое время заметно улучшили структурно-технологическую ситуацию в лесной и рыбной промышленности восточных регионов. В частности, началась реализация программы развития и модернизации на основе японских капиталов и технологий марикультуры, воспроизводства рыбных ресурсов, береговой рыбообработки практически на всём протяжении прибрежной зоны Дальнего Востока (в Приморье, на Сахалине, на Камчатке). В этот период в России и на Дальнем Востоке открывались даже филиалы японских банков – как инструмент финансовой поддержки и обслуживания японских капиталов.

Но уже в первой половине 1990-х гг. японские компании столкнулись с откровенной дискриминацией со стороны российских органов власти, особенно на региональном уровне, бесцеремонным рейдерством со стороны коммерческо-криминальных структур при явном или неявном отказе, нежелании и неумении защищать интересы инвесторов со стороны

государства. К этому добавились нереально высокие транзакционные издержки инвесторов, вызванные предельно высоким уровнем бюрократизации и централизации решений по одобрению и регистрации иностранных и совместных предприятий, выделению экспортных квот и репатриации прибыли, а также сложность и неоднозначность налогового регулирования, неоправданно высокие нетарифные барьеры.

Всё это привело к большим потерям для инвесторов и к их многочисленным претензиям, которые редко и неохотно удовлетворялись государственными и судебными инстанциями. Во второй половине 1990-х гг. активная деятельность японских инвесторов в представлявшихся изначально высокоприбыльных секторах и финансирование крупных программ развития на Дальнем Востоке были фактически свёрнуты.

Только в начале 2000-х гг. японские инвестиции начали возрастать. Теперь уже инициатива перешла к крупным и крупнейшим компаниям и торговым домам Японии, а преимущественным полигоном для инвестирования стала европейская часть России, особенно г. Москва и близлежащие районы, где стимулом для японских компаний являлся растущий внутренний спрос, базировавшийся на высоких темпах роста экономики и доходов населения. В восточные районы России японские инвестиции по-прежнему привлекались экспортными ресурсными проектами, но преимущественно крупномасштабными, изначально защищёнными политическими соглашениями. Наиболее ярким примером, конечно, являлись проекты освоения Сахалинского углеводородного шельфа на Дальнем Востоке в форме соглашения о разделе продукции (основными инвесторами выступили корпорации Японии и США).

Однако масштабы инвестиционного российско-японского взаимодействия остаются крайне незначительными. В 2019 г. накопленные японские инвестиции в российскую экономику составили лишь 0,11 % всего накопленного за границей японского капитала, хотя при этом в целом за 2000–2019 гг. этот объём увеличился в 78 раз. Основные сферы японских вложений в России – производство автомобилей и запчастей, топливно-энергетический комплекс и добыча полезных ископаемых. Абсолютным лидером среди реципиентов японских инвестиций являлся топливно-энергетический комплекс. Общая сумма накопленных японских инвестиций в этой сфере, по оценкам российских экспертов, составила более 10 млрд долл. США, из которых 4,3 млрд вложено в «старые» проекты, работающие в режиме СРП – «Сахалин-1» и «Сахалин-2» [Виньков и др. 2019]. Именно проекты освоения месторождений каменного угля и природного газа, разведки и добычи нефти на Дальнем Востоке и в Сибири, в которые крупнейшие японские корпорации Mitsui, Mitsubishi, Sumitomo инвестировали с середины 1970-х гг., составляют до настоящего времени основу инвестиций японских корпораций в российскую экономику.

Впрочем, в последние годы японские компании стали относиться к нефтегазовым проектам более сдержанно. После резкого падения цен на нефть в 2014 г. большинство японских компаний стали осторожнее инвестировать в сырьевые проекты, их интерес к углеводородам не только в России, но и в мире в целом существенно снизился.

Автомобильная отрасль стала первой сферой, где японские компании начали активно реализовывать политику локализации и открытия производственных мощностей на территории России. Вслед за строительством завода Toyota в Санкт-Петербурге в 2005 г. заводы в России построили Nissan, Mitsubishi, Komatsu, Yokohama и другие японские компании. После того, как Renault-Nissan Alliance объявил о расширении своей доли в

АвтоВАЗ до мажоритарной, ещё несколько японских автопроизводителей создали свои производства вокруг Санкт-Петербурга и в Приволжском федеральном округе.

К 2019 г. в России было создано 50 заводов японских компаний, две трети из которых имели автопромышленный профиль. Свои заводы в России построили ведущие японские автопроизводители Toyota, Nissan, Mitsubishi (совместно с Peugeot-Citroyen). Совместные предприятия с российскими партнёрами создали Isuzu и Mazda. Помимо непосредственного производства автомобилей многие японские компании успешно производили в России комплектующие. Так, в 2012 г. в Липецке был открыт крупный завод японской компании Yokohama по выпуску шин, компания Asahi Glass нарастила производство на принадлежащем ей Борском стекольном заводе. С 2014 г. в г. Всеволожск Ленинградской области работает совместное предприятие с Mitsui по выпуску металлопроката, преимущественно для производства автомобилей.

В 2010–2014 гг. были созданы предприятия и в некоторых других отраслях. Например, завод по выпуску экскаваторов и автопогрузчиков корпорации Komatsu в Ярославской области, завод по производству гидравлических экскаваторов компании Hitachi Construction Machinery в Тверской области, два совместных предприятия Toshiba и российской компании «Силовые машины» по выпуску силовых трансформаторов в Ленинградской области.

При этом японские инвесторы, возможно памятуя о негативном опыте начала 1990-х гг., предпочитают инвестировать в России в форме создания предприятий со 100 %-м японским капиталом (84,3 % всех созданных предприятий) или филиалов (7,2 %). Совместные предприятия с участием инвесторов из России и других стран не являются популярной формой.

Усиление ориентации инвестиций на эксплуатацию российского внутреннего рынка обусловило, как отмечалось выше, концентрацию японских прямых инвестиций в европейских районах России, в зоне наибольшей плотности рынка. По данным Министерства иностранных дел Японии, в 2018 г. более 350 японских компаний имели свои офисы и заводы в Москве, Санкт-Петербурге и регионах европейской части России, а из 462 японских предприятий, зарегистрированных на территории России, 89 % были расположены в Москве и Московской области [Подоба 2021].

Серьёзным стимулом для наращивания японских инвестиций в Россию стал План сотрудничества по восьми направлениям, предложенный бывшим премьер-министром Японии С. Абэ в мае 2016 г. Этот План предусматривал расширение сотрудничества в медицине, развитии городской среды, энергетике, внедрение передовых технологий. Результатом должна была стать диверсификация промышленной структуры России, при этом особый акцент делался на развитии промышленности на Дальнем Востоке. Предполагалось, что инвестиционные проекты будут отбираться с учётом их мультипликативного эффекта. Предпочтения предполагалось отдавать проектам, реализация которых повлечёт за собой развитие в других областях. Так, например, развитие инфраструктуры закладывает базу для перехода к реализации логистических, энергетических и промышленных проектов.

И всё-таки, несмотря на объявленную в Плане С. Абэ диверсификацию объектов японских инвестиций, основным их направлением оставалась энергетика. Это не удивительно, так как Япония – самый большой потребитель СПГ в мире, и вложения в проекты по сжижению природного газа в России для неё критически важны с точки зрения диверсификации каналов поставок и создания резервных возможностей.

В июне 2019 г. Mitsui & Co., Ltd и JOGMEC подписали договор о приобретении японской стороной 10 % акций компании «Арктик СПГ-2», специализирующейся на производстве и экспорте в Японию и другие азиатские страны СПГ в российском секторе Арктики, разработкой которого занимается ПАО «НОВАТЭК». Это один из крупнейших энергетических проектов с японским участием в России со времен запуска нефтегазовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». Объём инвестиций с японской стороны составляет

1 млрд долл. США. Финансирование осуществляется JVIC совместно с рядом других банков из стран Организации экономического сотрудничества и развития. Часть инвестируемых другими государствами средств застрахована государственным экспортно-кредитным агентством Японии (NEXI)⁷.

Вплоть до приостановки инвестиционной деятельности в феврале 2022 г. прорабатывались проекты транспортировки СПГ по Северному морскому пути в рамках проекта «Ямал СПГ» транспортной компанией Mitsui O.S.K. Lines, которая совместно с COSCO владеет тремя из пятнадцати танкеров повышенного ледового класса. В рамках проекта «Арктик СПГ-2» был заключён фрахтовый контракт ещё на три судна. Планировалось, что эти танкеры будут доставлять газ до перегрузочного комплекса в Бечевинской бухте на Камчатке, где СПГ примут танкеры более низкого ледового класса, чтобы доставить в Японию⁸.

Одним из энергетических проектов являлось создание в посёлке Тикси, расположенном на Северном морском пути, уникального ветродизельного комплекса (ВДК) мощностью 3900 кВт по японским технологиям. Проект строительства был разработан Правительственной организацией Японии по разработке новых энергетических и промышленных технологий (NEDO) совместно с правительством Республики Саха (Якутия), ПАО «РусГидро» на основе Меморандума о сотрудничестве от 2017 г. В 2018 г. в Тикси был открыт ветропарк, состоящий из трёх ветроустановок японской компании Komai Haltec общей мощностью 900 кВт. В проекте с японской стороны участвовали компании Komai Haltec, Такаока Токо и Mitsui. Ввод в эксплуатацию ВДК состоялся в декабре 2020 г.⁹

Постепенно появлялись новые проекты в области связи, транспорта, медицины и здравоохранения, сельского хозяйства, развития цифровых технологий и ИТ. В их числе можно упомянуть, например, проект сотрудничества между «Почтой России» и «Почтой Японии» по развитию электронной коммерции, предусматривающий продажу российских товаров в Японии на интернет-площадках с доставкой через почтовый сервис EMS¹⁰. Одним из крупнейших стал совместный проект российской компании «Хабаровский аэропорт» и консорциума японских компаний (JATCO – Japan Airport Co., Sojitz Corp. и JOIN) по развитию и модернизации управления Хабаровским международным аэропортом

⁷ Мордюшенко О. «Арктик СПГ-2» обложился кредитами // Коммерсант. 30.11.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5100612> (дата обращения: 15.08.2022).

⁸ Константинов В. Как развиваются российско-японские экономические проекты // Российская газета. 30.03.2021. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 15.08.2022).

⁹ В посёлке Тикси заработала уникальная ветродизельная электростанция // МК в Якутии. 23.12.2020. <https://yakutia.mk.ru/economics/2020/12/23/v-posyolke-tiksi-zarabotala-unikalnaya-vetrodizelnaya-elektrostantsiya.html> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁰ Константинов В. Как развиваются российско-японские экономические проекты // Российская газета. 30.03.2021. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 15.08.2022).

им. Невельского. Инвестиции были предоставлены консорциумом, который приобрёл 10 % в АО «Международный аэропорт Хабаровск» (АО «МАХ») у АО «Хабаровский аэропорт», и правительственным фондом JOIN. Был также предусмотрен опцион на увеличение доли консорциума японских компаний в АО «МАХ» до 25 % + 1 акция. В рамках рассчитанного до 2023 г. проекта в Хабаровске построен новый терминал внутренних авиалиний и осуществляется его операционное управление. На втором этапе осуществляется строительство с последующим совместным управлением нового терминала международных авиалиний Хабаровского аэропорта¹¹.

В конце мая 2019 г. компания «РЖД», Минтранс РФ, Министерство земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии (MLIT) и Ассоциация транссибирских интермодальных операторов Японии (TSIOAJ) подписали меморандум об организации регулярных железнодорожных контейнерных перевозок по маршруту Япония – Россия – Европа. Пилотные перевозки по Транссибирской магистрали начались в 2018 г., а в 2020 г. был отправлен первый контейнерный поезд с грузами из Японии. Причём это были не отдельные контейнеры, как раньше, а целый контейнерный состав. Предполагалось, что такой способ позволит осуществлять перевозки на экономически более выгодных условиях по сравнению с перевозкой в контейнерах, и многие японские компании проявили интерес и приняли участие в пилотном проекте¹².

В 2017 г. компания Mitsui приобрела 10 % акций российской компании «Р-Фарм», что существенно расширило возможности её развития и увеличило потенциал для лицензирования и локализации на российском рынке инновационных лекарственных средств, разрабатываемых японскими и другими международными фармацевтическими компаниями. В Свердловской области японской компанией Nipro Corporation построен завод по производству медицинского оборудования и выпуску продукции одноразового использования, в том числе стеклянных изделий медицинского назначения. Завод компании Arkray Inc. в г. Дубна производит и продаёт глюкометры и специальное сенсорное оборудование для людей, страдающих диабетом¹³. В начале августа 2018 г. японская фармацевтическая компания Takeda также объявила о расширении своей производственной деятельности в России, анонсировав проект создания российско-японского центра превентивной медицины и диагностики «РЖД-Медицина» на базе клинической больницы в Хабаровске с участием Marubeni Corp., Университета Кюсю и сети медицинских центров Kameda. Доля японских инвестиций должна была составить 74 %. Открытие Центра было запланировано на март 2022 г.¹⁴.

В сфере сельского, лесного и рыбного хозяйства в январе 2020 г. был подписан меморандум о «Совместном российско-японском проекте по повышению эффективности

¹¹ Воробьев А. Японцы купят часть аэропорта Хабаровска // Ведомости. 17.12.2018. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/12/17/789531-chast> (дата обращения: 15.08.2022).

¹² Соглашение о контейнерных жд перевозках Япония – Россия – Европа // SeaNews. 24.05.2019. <https://seanews.ru/2019/05/24/ru-soglashenie-o-kontejnernih-zhd-perevozkah-japonija-rossija-evropa/> (дата обращения: 15.08.2022).

¹³ Грамматчиков А. «Японский бизнес действует крайне медленно» // Эксперт. 24.08.2020. <https://expert.ru/expert/2020/35/yaponskij-biznes-dejstvuet-krajne-medlenno/> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁴ Японская корпорация инвестирует в здравоохранение Хабаровского края // Восток медиа. 15.07.2021. <https://yandex.ru/turbo/vostokmedia.com/s/news/society/15-07-2021/yaponskaya-korporatsiya-investiruet-v-zdravoohranenie-habarovskogo-kraja> (дата обращения: 15.08.2022).

производства сельскохозяйственной и рыбной продукции на Дальнем Востоке России», предусматривающий использование технологий и ноу-хау японских частных компаний. Он включал три направления: повышение производительности и увеличение экспортного потенциала в производстве сои, кукурузы и других культур; рост производства овощей за счёт увеличения площадей теплиц в г. Якутске и других городах; расширение производства и поставок рыбы и морепродуктов внутри России и за её пределами. В 2016 г. японская компания Hokkaido Corporation инвестировала в создание в Якутии круглогодичных теплиц «Саюри» производительностью 400 тонн овощей в год. В г. Хабаровск на площадке ТОР успешно реализуется проект тепличного овощеводства.

В апреле 2018 г. японский Инвестиционный фонд Mirainovate (предыдущее наименование – Prospect Co., Ltd.) и крупнейший лесопромышленный холдинг Дальнего Востока RFP Group заключили соглашение о совместных инвестициях в предприятие по производству ежегодно 90 тыс. т топливных гранул (пеллет), используемых как топливо при производстве электроэнергии из биомассы¹⁵.

Инвестиционное сотрудничество России и Японии развивалось даже в условиях жёстких ограничений в связи с эпидемией COVID-19. В 2020 г. был подготовлен проект открытия японской гостиничной сетью Okura гостиницы в г. Владивосток, которая должна была стать первым японским отелем на территории России. Её открытие планировалось на лето 2022 г.¹⁶. В декабре 2020 г. в Москве корпорация Round One, оператор самой популярной в Японии сети развлекательных комплексов закрытого типа, в сотрудничестве с SBI Банком (часть крупной японской финансовой группы SBI Holdings) открыла первый в России японский развлекательный центр Round One¹⁷. В феврале 2021 г. японская логистическая компания Toyo Trans начала выполнять регулярные рейсы по перевозке контейнеров со сборными грузами в Европу по Транссибирской магистрали¹⁸. Японский исследовательский институт RIKEN (Институт физико-химических исследований) и её венчурная дочка DNAFORM совместно с ООО «Эйдос-Медицина» (венчурная компания, основанная Казанским федеральным университетом) на основе технологии японской компании K.K. Mirai Genomics создали российско-японское совместное предприятие «Эвотек-Мирай Геномикс», разработавшее в марте 2020 г. экспресс-тест для выявления COVID-19, который начали использовать с августа 2020 г. в трёх крупных международных аэропортах Москвы («Шереметьево», «Внуково» и «Домодедово»)¹⁹. Компания Takeda в г. Ярославль в апреле 2021 г. ввела в эксплуатацию линию по производству полного цикла инновационного препарата для лечения одного из видов рака крови «Нинларо».

Правда, по эпидемиологическим ограничениям были приостановлены начатые весной 2020 г. авиакомпаниями JAL и ANA регулярные рейсы между Владивостоком и аэропортом

¹⁵ В Хабаровском крае завершено строительство завода по производству пеллет за 2,5 млрд рублей // Фонд развития промышленности. 31.08.2021. <https://frprf.ru/press-tsentr/novosti/v-khabarovskom-krae-zavershenostroitelstvo-zavoda-po-proizvodstvu-pellet-za-2-5-mlrd-rublej/> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁶ Открытие пятизвездочного отеля Okura Vladivostok на Корабельной набережной перенесли на лето 2022 года // VL.Ru. 15.12.2021. <https://www.newsvl.ru/vlad/2021/12/15/205038/> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁷ Лутовинова И. Москве открылся японский развлекательный центр Round 1 // MOLNET.RU. 14.12.2020. https://www.molnet.ru/mos/ru/culture/o_768173 (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁸ Япония может начать использовать Транссиб для отправки грузов в Европу // Интерфакс. 07.05.2021. <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/127324/> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁹ Посол Японии в Москве: Токио намерен наращивать сотрудничество с Россией в экономической области // Интерфакс. 07.05.2021. <https://www.interfax.ru/interview/764861> (дата обращения: 15.08.2022).

Нарита. Однако поставленная в 2019 г. на российско-японской встрече на высшем уровне цель увеличения числа взаимных поездок до 2023 г. по меньшей мере до 400 тыс. человек (в 2019 г. было перевезено 230 тыс. человек) сохранялась²⁰.

На фоне активности японских инвесторов российское присутствие в Японии в инвестиционной сфере практически незаметно. Российские инвестиции практически не направляются в Японию. Конечно, одной из причин является определённая закрытость японского рынка для зарубежных инвесторов, которая сохраняется несмотря на принятые меры по его либерализации. Но гораздо более существенной причиной является то, что Россия заинтересована в привлечении японских капиталовложений в свою экономику для развития внутреннего рынка, а не в осуществлении собственных инвестиций в Японию, предпочитая сохранять стратегию развития торговли, основанной на естественном распределении факторов производства. Япония же стремилась к поддержанию своими инвестициями необходимого уровня торговых потоков в критически важных сферах и конструированию для себя режима наибольшего благоприятствования не только в экономической, но и в политической областях. Почему Россия игнорирует стратегические аспекты инвестиционного сотрудничества, в частности возможности включения российских производителей в производственно-технологические цепочки, предпочитая извлечение краткосрочных торговых эффектов, остаётся загадкой. Тем более что это является практически единственным способом реальной интеграции с передовой технологико-экономической системой, каковой является Япония. Особенно важно это для Дальнего Востока.

В итоге экономики двух стран по-прежнему не являются взаимозависимыми с точки зрения технологического разделения труда. Это является основной причиной скромных размеров и неопределённых перспектив в отношении как развития внешней торговли, так и наращивания инвестиций.

Санкционные вызовы

Не сразу проявившиеся, но, тем не менее, сильные изменения в области российско-японских экономических отношений начались после 24 февраля 2022 г. – начала специальной военной операции России на Украине. Япония присоединилась к санкциям, очень быстро введённым США и Евросоюзом в финансово-экономической, торговой, технологической, транспортной сферах. С тех пор Япония ввела несколько пакетов санкций, как персональных, так и финансовых, торговых, логистических. Кроме сворачивания инвестиционных планов японских компаний, сокращения торговли отдельными товарами санкции привели к разрушению логистических схем, которые были отработаны и успешно использовались в течение десятилетий в торговле России и Японии. Это существенно повлияло на состояние взаимной торговли даже в тех товарных группах, которые не затрагиваются торгово-экономическим эмбарго, введённым против России.

В результате санкций, введённых Японией в отношении России, в списке запрещённых к экспорту товаров и технологий к июлю 2022 г. оказалось более 400 товаров, среди которых

²⁰ Константинов В. Как развиваются российско-японские экономические проекты // Российская газета. 30.03.2021. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 15.08.2022).

полупроводники, оборудование для обеспечения морской и авиационной безопасности, телекоммуникационное оборудование, средства связи, продукция военного назначения, включая оружие, программное обеспечение, нефтеперерабатывающее оборудование, грузовая техника, самосвалы, бульдозеры, железнодорожные локомотивы, обрабатывающие станки и другое электрическое оборудование, используемое в промышленности²¹.

Уже в марте ряд японских компаний объявили о приостановке поставок продукции и производства в России, в том числе из-за проблем с логистикой.

Так, прекратила отгрузку продукции своему российскому дистрибьютору Panasonic – производитель телевизоров и другой потребительской электроники; производитель автокранов Tadano Ltd. приостановил поставки в Россию из-за опасений, что финансовые санкции могут помешать платежам. Производитель мотоциклов и моторов для лодок Yamaha Motor Co. также приостановила экспорт из Японии и других стран в Россию. Komatsu Ltd. решил приостановить поставки горнодобывающего оборудования и запчастей с перспективой остановки производства гидравлических экскаваторов и самосвалов на производственных мощностях в России²².

Конвейер петербургского завода Nissan (ООО «Ниссан Мэнфэчуринг Рус») приостановил работу в связи с логистическими перебоями в середине марта. До этого компания также приостановила поставки автомобилей в Россию. Предполагалось, что производство в Санкт-Петербурге может возобновиться с 11 мая 2022 г., но этого не произошло, запуск производства был отложен до марта следующего года²³.

Совместное предприятие российской автомобилестроительной группы «Соллерс Авто» и японской Mazda во Владивостоке (ООО «Мазда Соллерс Мануфэчуринг Рус») объявило корпоративный отпуск, который должен был завершиться 18 мая, но был продлён на неопределённый период. Простой в компании объяснили перерывом в поставках компонентов, вызванным разрывом логистических цепочек, и отметили, что это общая проблема автопроизводителей²⁴.

Всего в марте покинули или приостановили деятельность в России 37 из 168 крупных компаний. В апреле их число увеличилось до 60. В мае ушли с российского рынка 11 фирм, а в июне – 3. Таким образом, по состоянию на 19 июня 2022 г. 74 компании из 168 (44 %) приостановили деятельность или ушли из России²⁵.

В мае был введён фактический запрет на новые инвестиции в Россию, предусматривающий, что для приобретения акций российской компании, число которых превышает 10 % общего числа, а также для предоставления новых займов российским

²¹ Япония в июне довела до нуля импорт нефти из России // ТАСС. 21.07.2022. <https://tass.ru/ekonomika/15274305> (дата обращения: 15.08.2022).

²² Ряд японских компаний прекратят экспорт и работу в РФ // Интерфакс. 10.03.2022. <https://www.interfax.ru/business/827405> (дата обращения: 15.08.2022).

²³ Мантуров пообещал скорые переговоры о судьбе активов Nissan в России // Интерфакс. 17.05.2022. <https://www.interfax.ru/business/841341> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁴ СП «Соллерс Авто» и Mazda продлило корпоративный отпуск на неопределённый срок // Интерфакс. 18.05.2022. <https://www.interfax.ru/business/841477> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁵ Эксперты: процесс ухода японского бизнеса из России полностью остановился в июле // ТАСС. 28.07.2022. <https://tass.ru/ekonomika/15328919> (дата обращения: 15.08.2022).

фирмам со сроком погашения более одного года необходимо заручиться одобрением правительства. Также запрещены выплаты российским фирмам и другим организациям²⁶.

Вместе с тем Министерство экономики, торговли и промышленности Японии составило список импортируемых из России полезных ископаемых и энергоресурсов, замена которых представляется проблематичной в краткосрочной перспективе. В список вошли: нефть, СПГ, уголь и коксующийся уголь, газы, включая неон, используемые при производстве полупроводников, палладий, ферросплавы. Зависимость Японии по этим позициям различна: 8,8 % – по СПГ, 3,6 % – по нефти, 8 % – по коксующемуся углю, 43 % – по палладию, 50 % – по феррохрому, 33 % – по ферросилицию²⁷.

В мае, следуя решению G7, и несмотря на зависимость от российских поставок продукции ТЭК и заключённые долгосрочные контракты, Япония отказалась от покупки российского угля²⁸ и объявила о введении эмбарго на нефть, сохранив свои доли в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2», но обязалась поэтапно отказываться от импорта нефти²⁹.

В первом полугодии 2022 г. санкционная политика Япония привела к довольно неожиданному результату.

Логистические и торговые ограничения, а также «бегство» компаний быстро сказались на японском экспорте в Россию, который в первом полугодии 2022 г. снизился почти на 30 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. (табл. 2). Например, вслед за остановкой в России японских предприятий по сборке автомобилей резко упали и поставки деталей и узлов на эти заводы, на которые приходилась ранее почти 12 % японского экспорта. Прекратились поставки автопокрышек. С июля в связи с новым пакетом японских санкций прекратилась отгрузка бульдозеров, экскаваторов и другой строительной техники, похожая ситуация сложилась и с электроприборами³⁰. Несколько скрасило картину продолжение поставок из Японии подержанных автомобилей через порты Дальнего Востока, которые не затронуты ограничениями. По оценкам при сохранении объёма таких поставок, зафиксированного в апреле (11 208 ед.) и в мае (11 630 ед.), годовой объём ввоза составит порядка 130 тыс. автомобилей, что превысит поставки предыдущих двух лет. Кроме того, цены FOB на эти автомобили выросли на 30 % и более, что связано и с тем, что увеличивается количество автомобилей практически в идеальном состоянии, мало отличающихся от новых³¹.

²⁶ Япония ввела фактический запрет на новые инвестиции в Россию // Общество «Россия-Япония». 12.05.2022. <https://russiajapansociety.ru/?p=37432> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁷ Аскерова К. Япония перечислила ресурсы из России, импорт которых трудно заменить // Коммерсант. 31.03.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5283489> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁸ Задера С. Глава «Колмар»: Япония и Южная Корея отказались от российского угля // Российская газета. 16.06.2022. <https://rg.ru/2022/06/16/glava-kolmar-iaponii-i-iuzhnaia-koreia-otkazalas-ot-rossijskogo-uglia.html> (дата обращения: 15.08.2022).

²⁹ Уварчев Л. Япония сохранит доли в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2», но будет сокращать импорт нефти // Коммерсант. 09.05.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5346990> (дата обращения: 15.08.2022).

³⁰ Эксперт: дефицит Японии в торговле с РФ может выйти на рекордный уровень // ТАСС. 18.07.2022. <https://tass.ru/ekonomika/15240465> (дата обращения: 15.08.2022).

³¹ Захаров Б. Экспорт премиальных автомобилей из Японии в Россию резко вырос // Российская газета. 13.07.2022. <https://rg.ru/2022/07/13/eksport-premialnyh-avtomobilej-iz-iaponii-v-rossiiu-rezko-vyros.html> (дата обращения: 15.08.2022).

Таблица 2. Динамика показателей внешней торговли России с Японией в 2022 г., % к соответствующему периоду 2021 г.

Товарная группа	Количественные показатели					Стоимостной объём				
	март	апрель	май	июнь	январь– июнь	март	апрель	май	июнь	январь– июнь
Экспорт, всего	–	–	–	–	–	189,9	167,7	150,0	122,7	170,0
Продукция ТЭК	–	–	–	–	–	218,5	183,2	165,8	120,9	189,1
нефть сырая	86,5	72,5	65,1	0,0	78,3	157,1	143,1	131,0	0,0	138,8
СПГ	110,9	86,0	94,6	126,4	107,7	223,5	161,6	169,6	224,1	206,5
уголь каменный	95,6	90,2	56,8	40,5	76,8	277,8	277,1	223,2	165,3	236,4
Цветные металлы	108,0	118,3	75,9	110,7	88,5	142,6	120,0	102,5	109,0	115,8
Рыбная продукция	128,6	259,7	128,4	114,6	141,8	207,2	325,9	203,4	124,3	194,6
Древесина	–	–	–	–	–	224,5	96,7	152,1	162,9	184,4
Импорт, всего	–	–	–	–	–	67,6	30,7	42,9	50,1	71,0
Транспортное оборудование	–	–	–	–	–	76,2	37,3	34,3	49,2	71,5
легковые автомобили	74,4	56,1	62,9	78,5	81,0	97,9	45,9	47,4	59,2	80,1
запчасти для автомобилей	24,6	14,1	20,2	29,9	45,5	24,9	6,4	10,3	14,9	46,1
Продукция общего машиностроения	–	–	–	–	–	85,4	31,1	87,2	68,5	88,8
моторы, двигатели	32,1	35,9	44,2	65,2	62,5	26,6	15,5	55,1	38,6	63,6
строительная и горнодобывающая техника	–	–	–	–	–	168,0	51,2	28,6	60,2	88,9
Промышленные товары	–	–	–	–	–	26,7	20,3	26,8	26,7	60,8
изделия из резины, каучука	17,9	3,6	0,7	3,6	44,0	18,7	2,5	6,1	9,0	48,9
Электрооборудование	–	–	–	–	–	33,7	6,8	11,0	18,5	41,6
Химические товары	–	–	–	–	–	54,8	9,4	42,4	75,8	48,1

Примечание: «–» – показатель отсутствует, так как в группу включены товары, количество которых измеряется разными единицами.

Источник: составлено по данным: Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance Japan. <https://www.customs.go.jp/toukei/shinbun/happyou.htm> (дата обращения: 15.08.2022).

Полугодовой объём экспорта России в Японию увеличился на 70 % по сравнению с первым полугодием 2021 г. благодаря беспрецедентному росту цен на углеводороды, на которые приходится более 60 % импорта Японии из России. Ограничения привели к сокращению японского импорта в натуральных измерителях, однако в денежном выражении российский экспорт значительно возрос. Введённое в июне эмбарго на импорт нефти было

перекрыто увеличением поставок СПГ и угля (табл. 2). Запрет на импорт угля из России несколько сократит стоимостный выигрыш России, но не уничтожит его вовсе.

Таким образом, предполагавшегося обрушения стоимостных объёмов взаимной торговли по итогам 2022 г. не произойдёт. Однако может быть зафиксирован беспрецедентный дисбаланс в двусторонней торговле, и дефицит Японии в экспортно-импортных операциях с Россией может выйти на самый высокий уровень в истории двусторонних отношений.

Большая доля продукции ТЭК в российском экспорте в Японию при продолжающемся росте цен на мировом рынке даёт основания предполагать, что, несмотря на катастрофическое снижение российского импорта из Японии, существенного сокращения объёма товарооборота между странами в 2022 г. не произойдёт. Более того, повышение уровня мировых цен на ряд товаров российского экспорта под влиянием нарушения равновесия на мировых товарных рынках, возможно, приведёт даже к некоторому росту стоимостных показателей двусторонней торговли.

Однако статистическое благополучие скрывает фундаментальную проблему, а именно разрушение даже того слабого уровня заинтересованности во взаимной торговле, который был характерен до санкционного противостояния. Япония декларирует стремление к замещению российских энергопоставок, а Россия вынужденно начинает перестраивать торговую логистику для замещения другими партнёрами поставок традиционно ориентированной на японского производителя продукции (транспортных средств, электроники, промышленных технологий, фармацевтики, машин и оборудования и пр.).

Возможности восстановления торгово-экономических связей зависят, конечно, не только от вероятного передела рынка, процессов импортозамещения в России, но и от происходящего сейчас процесса реформирования политических и экономических блоков на глобальном и субглобальном рынках.

Российско-японские экономические отношения, как отмечалось выше, в значительной степени опирались на поддерживавшиеся обеими сторонами политические интересы и договорённости. В этом смысле ситуация сильно ухудшилась.

Первоначальная реакция России на японские санкции была сдержанной и сводилась к введению персональных санкций против 63 граждан Японии, в том числе первых лиц в правительстве и членов обеих палат японского парламента. Но уже в конце марта Россия прервала диалог по вопросу о подписании мирного договора, а также прекратила обсуждение вопросов организации совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах, заодно отменив безвизовый въезд японцев в этот регион. Этот шаг почти полностью и на неопределённое время разрушил политическую основу российско-японских экономических взаимосвязей, единственной хрупкой базой которых теперь оказываются чисто коммерческие интересы и способность каждой из сторон к замещению критически важных для неё товарных позиций.

В июне Россия расширила экономические санкции, практически прекратив действие двустороннего соглашения от 1998 г. о предоставлении Россией квот для рыбного промысла японских компаний в акватории Южных Курил. Формальным поводом стала заморозка Японией в логике финансовых санкций выплат в пользу Сахалинской области, что также предусматривалось соглашением 1998 г. Фактически этот шаг стал развитием курса на

сворачивание политических основ двустороннего сотрудничества, и это является самым серьёзным вызовом для перспектив такого сотрудничества в целом³².

30 июня 2022 г. президент РФ подписал указ «О применении специальных экономических мер в ТЭК в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций», согласно которому имущество компании Sakhalin Energy, оператора проекта «Сахалин-2», должно быть безвозмездно передано новой российской компании, к которой перейдут все права и обязанности Sakhalin Energy. Собственность на имущество Sakhalin Energy переходит в собственность РФ и передаётся в безвозмездное пользование на срок существования СРП новой компании, операционная деятельность которой будет по-прежнему осуществляться в соответствии с условиями СРП³³. 5 августа последовал новый Указ, направленный в том числе непосредственно на проект «Сахалин-1», в соответствии с которым до конца 2022 г. запрещаются любые операции «с долями участия, правами и обязанностями, принадлежащими участникам Соглашения о разделе продукции по проекту “Сахалин-1” (нефтегазоконденсатные месторождения Чайво, Одопту и Аркутун-Дагинское на шельфе о. Сахалин) и Соглашения о разработке и добыче нефти на Харьягинском месторождении на условиях раздела продукции»³⁴. Эти меры направлены непосредственно на Японию, которая стремится, как отмечалось выше, сохранить свои возможности по участию в Сахалинских проектах.

Все эти атаки и контратаки на торгово-экономическом фронте ухудшают атмосферу российско-японского торгово-экономического взаимодействия, и без того не слишком активного. Перспективы если и не отмены, то хотя бы прекращения эскалации этих действий с целью недопущения потери потенциала сотрудничества представляются сейчас весьма туманными. И, скорее всего, они будут оставаться таковыми до тех пор, пока не станет более или менее ясным баланс выигрышей и потерь обеих сторон в этом процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виньков А., Ивантер А., Кудияров С.* Символический фундамент // Эксперт. 2019. № 5. С. 18–21. <https://expert.ru/expert/2019/05/simvolicheskiy-fundament/> (дата обращения: 15.08.2022).
- Стрельцов Д.В.* Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 93–105.
- Подоба З.С.* Прямые зарубежные инвестиции Японии: место России // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 15–23. DOI: 10.31857/S032150750012594-5

³² Никитин А. Япония отреагировала на решение России по морскому промыслу // Деловая газета «Взгляд». 08.06.2022. <https://vz.ru/news/2022/6/8/1162121.html> (дата обращения: 15.08.2022).

³³ Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2022 № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». <https://rg.ru/documents/2022/07/04/neftgaz-doc.html> (дата обращения: 15.08.2022).

³⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 августа 2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». <https://rg.ru/documents/2022/08/08/document-ukaz.html> (дата обращения: 15.08.2022).

REFERENCES

- Streltsov, D. (2016). Rossiisko-yaponskie trgovno-ekonomicheskie otnosheniya: est' li novaya tochka opory? [Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Is There a New Fulcrum?]. *MGIMO Review of International Relations*, 1, 93–105. (In Russian).
- Podoba, Z. (2021). Pryamye zarubezhnye investitsii Yaponii: mesto Rossii [Japan's Outward FDI: Russian Rank]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2, 15-23. DOI: 10.31857/S032150750012594-5. (In Russian).
- Vin'kov, A., Ivanter, A. & Kudiyarov, S. (2019). Simvolicheskii fundament [Symbolic Foundation]. *Ekspert*, 5, 18–21. Retrieved August 15, 2022, from <https://expert.ru/expert/2019/05/simvolicheskij-fundament/> (In Russian).

Поступила в редакцию: 17.08.2022

Принята к публикации: 01.09.2022

Received: 17 August 2022

Accepted: 1 September 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия»

А.Н. Панов, В.В. Нелидов, Д.В. Стрельцов, В.Г. Швыдко,
А.В. Белов, И.П. Лебедева, С.В. Чугров

Аннотация. 8 июля 2022 г. во время участия в предвыборном мероприятии был застрелен бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо, который оставался одним из наиболее влиятельных политических лидеров страны. За полтора месяца до убийства Абэ был проведён круглый стол, посвящённый наследию кабинетов Абэ, с участием российских японоведов из нескольких университетов и исследовательских учреждений России и Японии. В ходе обсуждения был дан всесторонний анализ внешнеполитической деятельности кабинетов Абэ и прежде всего его дипломатии на российском направлении. Радикальные изменения при Абэ претерпела политика Японии в сфере военной безопасности, идеологическим оформлением которой стала концепция активного пацифизма. Из достижений Абэ во внутриполитической сфере участники круглого стола особенно отметили его умение поставить под контроль бюрократию и использовать малейшие просчёты своих политических противников, а также умелый имиджмейкинг и использование лозунгов в пропагандистских целях. Было констатировано, что провозглашённый Абэ курс абэномики сохраняет свою актуальность и сегодня, хотя некоторые промежуточные цели его введения уже достигнуты. Проанализирован проводившийся кабинетами Абэ комплекс мер, направленных на создание условий для расширения участия женщин в экономике, который получил название виномики. В заключение приводятся данные опроса студентов, посвящённые трансформации их взглядов относительно итогов Второй мировой войны под воздействием идей Абэ.

Ключевые слова: Синдзо Абэ, Стратегия национальной безопасности, правонационалистические взгляды, мирный договор, абэномика, виномика, итоги Второй мировой войны.

Авторы:

Панов Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); главный научный сотрудник, Институт США и Канады РАН (адрес: 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3); Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес:

117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Швыдко Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23). ORCID: 0000-0002-7784-1655. E-mail: shvydko@imemo.ru

Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи (адрес: Япония, 910-1195, Фукуи, Ёсида-гун, Эйхэйдзи-тё, Мацуока-Кэндзёдзима, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); главный редактор журнала «Полит. Политические исследования». E-mail: sergeychugrov@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панов А.Н., Нелидов В.В., Стрельцов Д.В., Швыдко В.Г., Белов А.В., Лебедева И.П., Чугров С.В. Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия» // Японские исследования. 2022. № 3. С. 105–130. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Roundtable “The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy”

A.N. Panov, V.V. Nelidov, D.V. Streltsov, V.G. Shvydko,
A.V. Belov, I.P. Lebedeva, S.V. Chugrov

Abstract. On July 8, 2022, former Japanese Prime Minister Abe Shinzō, who remained one of Japan’s most influential political leaders, was shot dead while participating in an election event. A month and a half before Abe’s assassination, a round table was held on the legacy of Abe’s cabinets with the participation of Russian Japanese studies scholars from several universities and research institutions in Russia and Japan. During the discussion, a comprehensive analysis of the foreign policy of Abe’s cabinets and, above all, his diplomacy vis-à-vis Russia was given. Japan’s military security policy underwent radical changes under Abe, with the concept of proactive pacifism being its ideological formalization. Among Abe’s achievements in the domestic political sphere, the participants of the round table especially noted his ability to control the bureaucracy and use the slightest miscalculations of his political opponents, as well as skillful image-making and the use of slogans for propaganda purposes. It was stated that the policy of ‘Abenomics’, proclaimed by Abe, remains relevant today, although some of its intermediate goals have already been achieved. The set of measures carried out by Abe’s cabinets and aimed at creating conditions for expanding women’s participation in the economy, called ‘Womenomics’, was analyzed. In conclusion, the data of a survey of Japanese students focusing on the transformation of their views on the outcome of World War II under the influence of Abe’s ideas are presented.

Keywords: Shinzō Abe, National Security Strategy, right-wing nationalist views, peace treaty, Abenomics, Womenomics, results of World War II.

Authors:

Panov Alexandr N., Doctor of Sciences (Political), Professor, Head of the Department for Diplomatic Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Chief Research Fellow, Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (address: Khlebnyy per. 2/3, Moscow, 121069, Russian Federation); Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Belov Andrey V., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (address: Japan, 910-1195, Fukui, Yoshida-gun, Eihei-cho, Matsuoka-Kenjojima, 4-1-1). ORCID: 0000-0002-8703-8487; E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Shvydko Vitaly G., PhD (Economics), Head of the Japanese Economy and Politics Group, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7784-1655; E-mail: shvydko@imemo.ru

Lebedeva Irina P., Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: iplebedeva2019@mail.ru

Chugrov Sergey V., Doctor of Sciences (Sociology), professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); editor-in-chief, "Polis. Political Studies" Journal. E-mail: sergeychugrov@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Panov A.N., Nelidov V.V., Streltsov D.V., Shvydko V.G., Belov A.V., Lebedeva I.P., Chugrov S.V. (2022). Kruglyy stol «Naslediye kabinetov Sindzo Ab-e: politika, ekonomika, diplomatiya» [Roundtable "The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy"]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 105–130. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

8 июля 2022 г. во время участия в предвыборном мероприятии в г. Нара в возрасте 67 лет был застрелен бывший премьер-министр Японии Абэ Синдзо, который оставался одним из наиболее влиятельных политических лидеров страны. Покушение на Абэ не имело политической подоплёки и было совершено психически неуравновешенным человеком, очевидно, из личной неприязни к бывшему премьеру. Это событие высветило проблему безопасности политических деятелей, которые по роду своей профессии обязаны регулярно встречаться с избирателями и потому оказываются уязвимыми в отношении попыток покушений на свою жизнь. Япония считается безопасной страной, а последний раз публичный политик, занимавший когда-либо пост премьер-министра, был убит в результате покушения в 1936 г., т.е. ещё в довоенный период.

Возглавляя с 2006 по 2007 гг. и с 2012 по 2020 гг. японское правительство и правящую Либерально-демократическую партию, Абэ получил известность как политический деятель, занимавший высший в японской политической иерархии пост главы кабинета рекордно долгий за всю историю страны срок – 8 лет и 8 месяцев. Однако дело не только в длительности этого срока, но и в результатах его бурной и кипучей деятельности. Абэ удалось существенно трансформировать японскую внешнюю политику, повысив вовлечённость Японии в решение глобальных проблем и усилив самостоятельную роль страны в региональной и мировой политике. С учётом новых вызовов и угроз были модифицированы основы государственной политики в сфере безопасности, взят курс на отказ от пацифистской конституции и превращение Японии в государство с полноценными вооружёнными силами, которые постепенно становились одним из важнейших инструментов для достижения внешнеполитических целей. Существенно улучшились в период правления кабинетов Абэ отношения с Россией, во многом благодаря политической воле и личной настойчивости японского премьера. Проводившийся в период правления Абэ курс абэномики позволил оживить японскую экономику, которая, вступив в период длительной стагнации, стремительно теряла свои позиции в мире.

Конечно, не всё, что связано с Абэ, было идеальным. Его правоконсервативные политические взгляды далеко не всегда находили безоговорочную поддержку в обществе, скорее, наоборот, они были источником его раскола. Многие начинания Абэ, например, инициатива по заключению мирного договора с Россией, остались незавершёнными. Большую критику в Японии вызывали привнесённые Абэ в японскую политическую практику авторитарные методы принятия решений, противоречащие традициям консенсуальной демократии. Однако даже оппоненты Абэ Синдзо признают величину этой политической фигуры, причём не только по японским, но и по мировым меркам.

26 мая 2022 г., за полтора месяца до убийства Абэ, в Ассоциации японоведов совместно с Центром японских, корейских и монгольских исследований МГИМО-Университета был проведён круглый стол, посвящённый наследию кабинетов Абэ, с участием российских японоведов из нескольких университетов и исследовательских учреждений России и Японии. Ниже следует стенограмма этого научного мероприятия, публикация которой призвана отдать дань памяти этому выдающемуся политическому деятелю, имя которого, бесспорно, оставит свой яркий след в истории Японии.

Стрельцов Д.В.

Дорогие коллеги, сегодня мы хотим провести семинар, посвящённый наследию Кабинета Синдзо Абэ в период 2012–2020 гг. Мы – это Ассоциация японоведов совместно с Центром японских, корейских и монгольских исследований МГИМО-Университета и при участии представителей различных академических и учебных учреждений России и японских университетов.

Наш семинар проходит почти через 2 года после окончания правления кабинетов Абэ. Прошедший с этого момента период показал, что восемь с лишним лет правления кабинетов Абэ с 2012 г. оставили заметный след в истории Японии, в её политике, экономике, дипломатии, обществе. И сейчас, уже оглядываясь назад, можно сказать, что этот период был действительно значимым. Сегодня мы собрались для того, чтобы обсудить, каковы были

последствия этого правления, что нового внесли его итоги в японскую политическую, экономическую, социальную сферу. Нам нужно провести детальное обсуждение с участием наших экспертов в различных областях современной Японии.

Панов А.Н.

Если говорить о внешней политике кабинетов Абэ, то это достаточно широкая тема. Я хотел бы выделить основные направления его деятельности на внешней арене. Прежде всего, это три направления – Америка, Китай и Россия.

С США у Абэ сначала не складывались отношения. Американцы считали его историческим ревизионистом, не доверяли ему. Пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать обратное – он добился принятия закона о том, что японские Силы самообороны могут оказывать военную поддержку США, в том числе их военно-морским силам, если те будут подвергаться нападению, осуществляя операции по защите Японии вне пределов японской территории.

Что касается отношений с Китаем, то здесь у него особо ничего не получилось. Как мы знаем, была достаточно пассивная ситуация и никаких прорывных решений не было.

Но Абэ действительно сконцентрировался на отношениях с Россией – и это не просто количество встреч с Путиным. В своём интервью, которое он дал 26 декабря прошлого года, Абэ отмечает, что было 27 встреч, 48 часов разговоров, из которых 9 часов было в формате один на один. Такого в истории наших отношений с Японией не было.

Абэ в своём интервью, которое я буду цитировать, потому что оно большое и подробно излагает его мысли, очень чётко говорит о том, что необходимость улучшить отношения с Россией диктовалась тем, что нужно было как-то купировать возрастающую угрозу Китая, его активность в юго-западных морях. Эта задача виделась ему в том плане, что, улучшая отношения с Россией, он бы купировал возможность создания сильных союзнических отношений между Россией и Китаем, направленных против Японии. И второе – это, безусловно, его стремление улучшить атмосферу в двусторонних отношениях и таким образом попытаться решить территориальный вопрос. Здесь у него очень чёткая позиция, и это коррелируется с тем, что я слышал от тех людей, которые разрабатывали его позицию по территориальному вопросу. Я не буду говорить о ней подробно, поскольку это ещё не входит в открытую тематику, но смысл состоял в том, что, как подчёркивает Абэ, он не ставил задачу решить проблему на сто процентов. Он неоднократно говорил о том, что постановка такой цели – это глупость, которая ни к чему не приведёт. Поэтому он сконцентрировался на Декларации 1956 года, тем более, как он отмечает, Путин признал эту декларацию, поэтому на этой основе Абэ и решил поднимать данную проблему и пытаться её урегулировать.

С этой целью, как отмечает Абэ, он хотел развивать прежде всего экономические отношения, в том числе с помощью японских технологий, помогать развивать Дальний Восток, как-то налаживать экономическую деятельность на Курильских островах. Здесь он замечает, что русским это было бы выгодно, но, если судить по результатам, очевидно, что в России не было достаточного осознания этой выгоды.

При этом он говорит, что План из восьми пунктов был не просто программой, по которой государство даёт деньги – нужно было привлечь бизнес. Бизнес действительно не очень хорошо, не очень активно реагировал, потому что не видел особо выгодных условий,

чтобы вкладывать деньги в России. Тем не менее, как мы знаем, японский бизнес всё-таки активизировался и вкладывал деньги: несмотря на санкции, три года назад корпорация Mitsui и ряд других компаний выделили 2 млрд долл. на развитие природного газа на Ямале.

Абэ чётко также поставил вопрос о пограничном размежевании на сингапурской встрече в ноябре 2018 г., предложив решить его на основе формулы двух островов, однако уже через несколько месяцев, 19 января 2019 г. в Москве Путин сказал ему, что так просто проблему эту не решить. Дальше начались переговоры, которые, как мы знаем, ни к чему не привели, они находились в тупике, а теперь и вовсе прекратились. Абэ и многие японцы считают, что их позиция была неправильно или нечётко понята. Может быть, это и так, но я думаю о том, что с самого начала российская сторона не была заинтересована решать вопросы на основе Декларации 1956 года, это совершенно очевидно. И когда начались эти сложные переговоры, российская сторона стала выдвигать предварительные условия, которые, как считали японцы, можно было бы и выполнить. В частности, одно из предварительных условий заключалось в том, что Япония в полном объёме должна признать итоги Второй мировой войны, в том числе в отношении этих территорий. Абэ говорил, что этот вопрос можно было бы решить.

Что касается фактора японо-американского Договора безопасности, то здесь вопрос интересный: если мы идём на переговоры по мирному договору, значит, мы договор этот имеем в виду в должной мере.

В прошлом у нас были заявления (это было в хорошие времена, в 1990-е гг.), что наличие договора США и Японии не будет мешать развитию наших отношений и решению проблемы территориального размежевания. Такие заявления были, когда у нас были вполне приличные отношения с США. Сейчас у нас и отношения ухудшились, и, кроме того, мы стали выдвигать определённые условия, в том числе, основанные на предположении, что после передачи островов японцы согласятся разместить там американские военные базы. Лавров в своём интервью говорил, что американцы собираются там разместить ударные крылатые ракеты, что наземные японские системы противовоздушной противоракетной обороны будут носить элемент угрозы для России, особенно если там будет радар стоять.

Мы можем судить о нашей позиции только по непосредственным заявлениям, подобным тем, что сделал Лавров, а сам текст с нашими предложениями по договору был передан японской стороне. Но ясно, что в этом проекте договора речь о территориях не шла. Речь шла только о мирном договоре. Это для японцев, естественно, не вариант. Поэтому там была оппозиция, а когда переговоры начали заходить в тупик, это недовольство стало крепнуть и вылилось в довольно жёсткие японские заявления. Но сейчас ситуация совсем другая, переговоры вообще можно считать забытыми на длительную перспективу, отношения тоже испорчены на длительную перспективу.

Здесь можно начать размышлять о том, что было бы, если бы у нас был мирный договор и решение, основанное на формуле двух островов. Это вопрос чисто риторический, уже можно тут дебатировать, но ясно, что нынешний тупик в переговорах ведёт к тому, что мы получаем в лице Японии, как мы уже сами это сейчас оценили, не только недружественное государство, но и второй по величине политический антироссийский фронт, и экономический тоже. У меня нет времени рассказывать, как эти отношения выводить в нормальное русло, но я хочу сказать, что у некоторых есть такое мнение – да

ладно, всё это утихнет и всё начнётся сначала. Я в этом сильно сомневаюсь, хотя я считаю, что уже сейчас нужно начинать работать с теми людьми, которые остаются в Японии и хотят видеть в лице России дружественное государство.

Пока этих настроений всё меньше, но откуда они могут браться, если постоянно сейчас мы видим, как российско-китайское военное взаимодействие проявляется всё активнее вокруг Японских островов – то военно-морские манёвры с проходом через Сангарский пролив, то совместные с китайцами пролёты бомбардировщиков. То есть в этой обстановке говорить о том, что какие-то могут быть подвижки в отношениях, не приходится. Но работать на будущее надо, потому что некоторые считают, что всё кончилось и теперь даже отношения поддерживать не с кем. Надо всё равно нам стараться иметь хорошие отношения, поддерживать их.

Я всегда привожу пример, как было с Китаем. Если вспомнить культурную революцию, в Китае были жуткие антисоветские настроения. Там ходили хунвейбины, требуя «убить русских», забрать обратно территории и т.д. Но прошла эта волна, потребовалось довольно приличное время, чтобы всё это отошло в прошлое. Причём здесь тоже не нужно исходить из того, что мы всегда правы. Да, мы, конечно, правы, но не всегда. Тот же пример с Китаем – я участвовал в переговорах по границе с Китаем не все 40 лет, но почти 10 лет. И пока мы стояли упрямо на той позиции, что граница должна проходить по правому берегу реки Амура, хотя всем было очевидно, что граница должна проходить по фарватеру, ничего не двигалось. Наконец, когда мы сказали да, давайте по фарватеру будем делать, тогда начались конкретные переговоры, и мы решали эти вопросы конкретно.

То же самое – острова около Хабаровска. Упирались долго, что протока Казакевича – это и есть русло Амура, и что китайцы нарочно его засыпают песком, чтобы показать, что это не русло. Наконец мы сообразили, что решить вопрос так нельзя, решили на абсолютно компромиссной основе, и сейчас уже мало кто вспоминает о том, что мы в принципе уступили китайцам территорию, которая по площади равнозначна островам Хабомаи и Шикотан вместе взятым.

Это я говорю о том, что, если есть политическая воля, желание и стремление работать на будущее, можно решать любые вопросы. Мы, к сожалению, всё время думаем очень близкими перспективами, а если думать на долгую перспективу, как это делают китайцы и не только китайцы, то тогда надо менять стратегию. Тогда бы мы имели мирный договор с Японией, причём там было бы записано, что каждая сторона, даже имея союзные отношения с какой-то третьей страной, не будет использовать эти отношения против страны-партнёра. Это было бы сильно, и тогда у обеих сторон были бы козыри, чтобы строить новые отношения. Но не получилось. И теперь надо шаг за шагом работать для того, чтобы хотя бы сохранить те настроения, которые были, чтобы их потом развивать. И здесь надо сказать, что такие настроения есть и в Японии.

У меня есть письмо одного очень видного японского дипломата, где он сожалеет, что сложилась такая ситуация, как сегодня, и подчёркивает, что нужно иметь хорошие, дружеские отношения с Россией. Но у нас сейчас нет никаких контактов с японским руководством, ни с антирусским, ни с прорусским, ни с каким-либо другим. Такого вообще не должно быть.

Я недавно выступил на собрании в Институте США и Канады, и там тоже отмечалось – смотрите, когда у нас в советский период были плохие отношения с США, казалось, что вот-вот там чуть ли не война, и тогда создавался Институт США и Канады, именно для того, чтобы «размывать» антисоветскую ситуацию. А если мы будем замыкаться, стоять в позе обиженного, ни к чему это хорошему не приведёт.

Нелидов В.В.

Сегодня я хотел бы поговорить об оборонной политике кабинетов Абэ. В период с 2012 по 2020 гг. японская военная политика претерпела радикальные изменения, особенно если сравнивать её с тем, какими темпами она развивалась до этого. И хотя предпосылки её трансформации были заложены ещё раньше, в 1990-е гг., но значительной была и роль лично премьера Абэ, его политических планов и готовности воплощать эти планы в жизнь, в частности, его концепция «активного пацифизма», которая означала, что Япония должна активнее вносить свой вклад в дело международного миротворческого сотрудничества.

В ноябре 2013 г. парламент принимает законопроект о создании Совета национальной безопасности, который должен был стать основой планирования в этой сфере. Ключевым отличием Совета национальной безопасности от аналогичного органа, действовавшего до этого, стало то, что в его рамках был создан постоянный орган, Бюро национальной безопасности, которое должно было выполнять функции по сбору и анализу информации. Таким образом, это организационное новшество смогло создать основу для дальнейшей политики в сфере обороны и сфере национальной безопасности в целом.

На доктринальном уровне новшества, которые были привнесены правлением Абэ, были закреплены, когда в декабре 2013 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности, в которой в качестве основных назывались три цели. Во-первых, укрепление необходимого потенциала сдерживания для обеспечения мира и безопасности страны. Во-вторых, развитие союза с США, а также доверия и сотрудничества с партнёрами в регионе и за его пределами. В-третьих, укрепление международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах, и принятие Японией ведущей роли в разрешении конфликтов посредством постоянных дипломатических усилий и внесения вклада в виде отправки персонала. Имелась в виду отправка персонала Сил самообороны для участия в миротворческих операциях.

Иными словами, речь шла о том, что, несмотря на сохранение «мирной» 9-й статьи конституции, Япония собирается параллельно развивать все эти три направления. Представляется, что это по сути опровергает предположение некоторых аналитиков и комментаторов, которые говорили о том, что якобы дальнейшее наращивание боевой мощи Сил самообороны или превращение Японии в «нормальную страну», как это называется в японском дискурсе по поводу вопросов безопасности, будет вести к тому, что Токио будет все больше дистанцироваться от Вашингтона.

Напротив, на самом деле и доктринальные документы, которые появились в самом начале срока Абэ, и дальнейшее развитие событий показали, что обе эти цели – с одной стороны, развитие самостоятельной военной мощи Японии и, с другой стороны, развитие союза с США – не только не противоречат друг другу, но и оказались неразрывно связаны.

Именно необходимостью развития союза с США была обусловлена дискуссия о коллективной самообороне, которая стояла на повестке дня военной политики Японии в середине 2010-х гг.

В 2014 г. постановлением кабинета министров была изменена официальная трактовка конституции, введённая в 1972 г. решением законодательного бюро кабинета, согласно которому Япония не имела права на коллективную самооборону. Соответственно сейчас, с 2014 г., было установлено, что такое право у Японии есть. В 2015 г. это было закреплено и на законодательном уровне, когда был принят так называемый пакет законов о безопасности.

Примечательно, что именно в период премьерства Абэ в полной мере происходит переход от взаимодействия только с США в международном военном сотрудничестве – конечно, если мы не берём в расчёт какие-то миротворческие инициативы в рамках ООН, которые на самом деле в случае с японскими миротворцами не были никак связаны с применением силы – к более многосторонним форматам. Так, например, активно развивалась и, собственно говоря, продолжает развиваться до сих пор сотрудничество с Австралией, и многие аналитики даже говорят о формировании фактически «квази-союза» между Японией и Австралией. Активно проводятся военные обмены и учения с военными союзниками США по НАТО, особенно с Великобританией. Намечаются и развиваются связи со странами Юго-Восточной Азии, в особенности с Вьетнамом, что логично, учитывая, что именно у Вьетнама из всех стран Юго-Восточной Азии самые серьёзные противоречия с Китаем. Тем не менее, это не означает, что происходит некое размывание американоцентричной системы безопасности. Наоборот, все эти страны тоже включены в эту систему, тоже завязаны на США, поэтому здесь речи о какой-то автономизации военной политики всё-таки не идёт.

Впрочем, нельзя сказать, что все эти планы реализовывались на сто процентов гладко. Так, например, реформа конституции была одним из главных пунктов на повестке дня правительства Абэ. Хотя предложения относительно реформы конституции были разные, но всё-таки основной проект подразумевал добавление положений в 9 статью, которые легализовали бы или сняли бы любые возражения относительно конституционности Сил самообороны. Несмотря на это, сделать это премьер-министру Абэ так и не удалось, потому что не удалось заручиться однозначной поддержкой ни внутри собственной партии, ни у японского общественного мнения и японского политического мира в целом.

Более того, принятие «законов о безопасности» сопровождалось крупнейшими за последние десятилетия протестами, и в связи с этим именно оборонная политика правительств Абэ была едва ли не самой серьёзной мишенью для критики и оппозиции, и стран-соседей Японии, и японского общественного мнения в целом.

Были вместе с тем и внешние вызовы, в особенности связанные с эксцентричным поведением американского президента Дональда Трампа. Так, ещё во время предвыборной кампании он заявлял, что, возможно, Япония могла бы обзавестись ядерным оружием. Справедливости ради следует сказать, что позже он от этих слов отрешивался. Кроме этого, Трамп говорил о необходимости радикального повышения военного бюджета Японии, заявляя, что нынешняя ситуация, когда США защищают Японию, а Япония не несёт обязательств по защите американских территорий, несправедлива.

После избрания Трампа президентом его риторика в отношении Японии значительно смягчилась, но всё-таки определённое напряжение и определённые сомнения в надёжности американских гарантий подспудно сохранялись на протяжении всего его срока. Тем не менее, силы, которые толкали Токио и Вашингтон навстречу друг другу в военной сфере, оказались объективно сильнее. Прежде всего это относится к внешним угрозам для Японии. На тот момент в качестве таковых рассматривались и в определённом смысле рассматриваются сейчас две страны – это КНДР и КНР. Именно северокорейская угроза, наглядным выражением которой были и ядерные испытания (в частности, в период премьерства Абэ было одно в 2013 г., два в 2016 г. и ещё одно в 2017 г.), и постоянные запуски ракет привели к дальнейшему развитию японской системы противоракетной обороны, которая с самого начала создавалась в тесном сотрудничестве с США. И именно угроза со стороны КНР – и в контексте территориального спора вокруг островов Сэнкаку, они же Дяюйдао, и в контексте политики Китая вообще, которая в японских официальных документах характеризуется как попытка изменения статус-кво силой – вела к укреплению военного потенциала Японии, особенно в регионах, которые, как предполагается, находятся под угрозой со стороны Китая, то есть на юго-западе страны.

Так, например, в 2018 г. была введена в строй амфибийная бригада быстрого реагирования. Это первое соединение морской пехоты в японских вооружённых силах за весь послевоенный период. Сюда можно отнести и принятое при Абэ решение о переоборудовании вертолетоносцев «Кага» и «Идзумо» в фактически авианосцы под американские самолеты F-35. Сюда же относится и так называемая дискуссия о наступательных вооружениях, которая особенно активизировалась в конце 2010-х гг.

В целом же можно заключить, что на протяжении премьерства Абэ японская оборонная политика совершила качественный скачок, причём, что важно, и после ухода премьер-министра со своего поста эти тенденции не только не затухли, но скорее даже продолжают набирать новую силу, особенно в свете нынешнего украинского кризиса, а также учитывая, что нынешнее руководство страны, в частности, премьер Кисида, в целом разделяют все ключевые установки Абэ в отношении военной политики.

По всей видимости, направления и планы в отношении Сил самообороны и в отношении политики национальной безопасности в целом, которые были намечены при Абэ, будут определять динамику их развития и в дальнейшем. Спасибо.

Стрельцов Д.В.

Я скажу со своей стороны несколько слов о внутриполитических последствиях правления кабинетов Абэ. Действительно, эпоха Абэ – это кардинальное изменение правил игры в японской политической жизни, и исследователи внутренней политики, конечно, будут эпоху Абэ включать в учебники как действительно значимую эпоху, которая во многом перевернула представления о японской политической сфере.

Когда пришёл Абэ в 2012 г., это было, как вы помните, его второе пришествие на политический престол в Японии, никто не ожидал каких-то крупных изменений в политической парадигме, потому что Абэ считался серым кардиналом, традиционным политиком, который вряд ли что-то новое внесёт в политику.

Всегда в Японии на первом этапе любой кабинет пользуется большой общественной поддержкой, имеет высокие рейтинги, но проходит небольшое время, и японцы разочаровываются в каждом старом премьере, рейтинги падают, проходит один, максимум два года – и премьер меняется. А здесь у нас получается, что Абэ просидел более восьми лет. Это за всю политическую историю рекорд, т.е. он превысил показатель не только Эйсаку Сато, но и Кацура Таро, который был ещё в начале XX в. и считался политическим долгожителем.

С чем это связано, почему Абэ оказался таким цепким политиком? Есть множество версий, я скажу, что здесь есть то, что связано с внешнеполитической обстановкой, которая была беспрецедентной для Японии с точки зрения ужесточения правил игры, ужесточения внешних условий, а в этих условиях был высокий спрос на сильного лидера, который бы держал страну в узде и смог бы отстаивать её национальные интересы. Потому что «мозаичные» премьеры, которые правили до прихода Абэ, не позволяли Японии сформулировать долгосрочную внешнюю политику с внятными целями.

Кроме того, японцы устали от этой мозаичности, от неопределённости. Спрос был на сильного, харизматичного лидера, который был бы носителем японских ценностей, хранителем японской политической традиции, и Абэ в полной мере отвечал этим ожиданиям. И что ещё важно, Абэ в полной мере использовал медиа-возможности, т.е. возможности имиджмейкинга за счёт телевидения, интернета. Он часто выступал публично, в отличие от предыдущих деятелей, и в результате сформировался образ сильного политика, который отвечает общественным ожиданиям.

Что ещё было интересно для стиля Абэ, во-первых, это использование лозунгов, ёмких слоганов. Мы все знаем, что в Японии такие слоганы активно применяются с периода Мэйдзи для мобилизации нации. Это *вакон ёсай* – японский дух, западная учёность, *фукоку кёхэй* – богатая страна, сильная армия и т.д. И Абэ взял на вооружение подобные лозунги. Самый известный из них – это лозунг абэномики, который стал мемом. Но это не единственный пример – он обращался и к регионам, взяв лозунг *тихо сосэй*, т.е. «возрождение регионов», и к социально слабым слоям общества, которые пострадали от рыночной экономики, и говорил о том, что нужно защитить слабых, провести реформу занятости, мобилизовать всю нацию на решение общенациональных целей (для этого использовался лозунг *итиоку кацуяку* – «активность ста миллионов», т.е. всего взрослого населения страны). Абэ специально обращался и к женщинам, взяв на вооружение лозунг *дзёсэй кацуяку* – «экономическая активность женщин». Эти лозунги были, конечно, абстрактными. Каждый вкладывал в них своё содержание, но они позволяли создать имидж такого лидера, который отвечает на потребности общества.

Абэ был носителем политической традиции в том плане, что был представителем крупного политического клана и внуком премьер-министра, его отец тоже был крупным политическим деятелем, министром иностранных дел. В Японии любят таких представителей политических кланов, популярность их изначально высока. Важно, что правление Абэ позволило создать видимость того, что Япония избежала благодаря ему многих проблем. Например, проблемы миграции, подобной той, что существует в Европе, которую заполнили беженцы. В Японии этого не было за счёт жёсткой миграционной политики. В стране достаточно хорошая ситуация в сфере общественного порядка,

отсутствует проблема терроризма, относительно низкий уровень безработицы, этнических конфликтов нет в Японии. Усилиями СМИ, усилиями имиджмейкеров это во многом связывали с деятельностью премьер-министра. Кроме того, Абэ считался правым политиком, носителем правонационалистической идеологии, и, хотя не все были согласны с его взглядами, широко распространённым было мнение о том, что при любом другом политике было бы только хуже, т.е. Абэ не было действенных альтернатив. Во внешнеполитической сфере Япония благодаря его личностной дипломатии смогла улучшить отношения со всеми соседями и ключевыми партнёрами – и с Китаем, и с Россией, и с США – это тоже работало на имидж Абэ.

Если взять внутривнутриполитическую сферу, Абэ в 2010-е гг. удалось победить на двух партийных выборах (поскольку Устав ЛДП предполагает трёхлетний срок на должности председателя партии), а ЛДП под его руководством одержала победы на шести общенациональных выборах – трёх в нижнюю палату и трёх в палату советников японского парламента. Секрет его побед прежде всего в том, что он «на полную катушку» использовал свою высокую популярность. Кроме того, японцы разочаровались в опыте прихода оппозиции в лице ДПЯ к власти в период 2009–2012 гг., сама же оппозиция после 2012 г. страдала от внутренних противоречий и не смогла составить сильной политической альтернативы ЛДП. Также Абэ удавалось навязать обществу такую повестку дня, которая была очень выгодна правящей партии в контексте электоральной ситуации. Когда разгорались скандалы с участием Абэ и его соратников по ЛДП и рейтинги Абэ падали – выборы задерживались, а когда была благоприятная обстановка, связанная с успехами абэномики, хорошими отношениями Абэ с Трампом, его визитами за пределы страны, тогда Абэ объявлял выборы, которые приносили ЛДП победу. При этом использовалась и такая особенность японской электоральной системы, как мажоритарная система, которая позволяет небольшое преимущество на выборах в одномандатных округах, где кандидат ЛДП побеждал даже небольшим большинством голосов, обратить в значимое преимущество внутри парламента.

Кроме того, Абэ удалось прижать, «приручить» японскую бюрократию, которая традиционно выступает как независимая сила, не слушающаяся политиков. Абэ удалось эту традицию сломать.

Во-первых, в 2014 г. было создано специальное Бюро по кадровым вопросам при Канцелярии кабинета министров, которое ведало всеми назначениями на все высокопоставленные посты в правительстве. Оно находилось под личным началом Абэ, и в результате впервые за всю послевоенную историю высшая бюрократия оказалась в кадровом отношении под прямым контролем политического лидера.

Кроме того, он активно и очень эффективно использовал саму Канцелярию кабинета министров, смог туда перетащить многих талантливых бюрократов из министерств и ведомств, которые позволяли ему держать руку на пульсе и собирать информацию для выдвижения политических инициатив.

Один из примеров, который здесь прозвучал, – это создание Совета по национальной безопасности по американской модели, это тоже свидетельство сильных президентских амбиций Абэ. Ему также удавалось противостоять т.н. группам давления, т.е. политическим лоббистским организациям, которые очень активно действуют в Японии, например,

Федерации сельхозкооперативов Дзэнно. Абэ удалось провалить законопроект, который ослабил в правовом отношении этот лоббистский орган, и в результате кабинет министров стал фактически неуязвим для политического лоббирования.

Какие недостатки стиля Абэ, в чём внутривластная проблема его управления? Конечно, это был авторитарный стиль – Абэ не считался с интересами меньшинств, не допускал внутривластных дискуссий по важным вопросам государственной политики, что нанесло сильный удар по внутривластной демократии. Во многом этот авторитаризм очень утомлял японскую политическую элиту, многие его не любили, но с Абэ приходилось считаться из конъюнктурных соображений. Кроме того, отсутствие обратных связей с партийными низами, отсутствие политических альтернатив привело к тому, что у Абэ не было сильных единомышленников, а после его ухода новые лидеры партии постарались отмежеваться от многих его начинаний. Конечно, Абэ подкосили хорошо известные коррупционные скандалы с его личным участием, например, скандал Моритомо гакуэн, который показал, что личные друзья Абэ использовали для достижения личной выгоды, нередко в обход закона, своё знакомство с ним. При Абэ часто использовались методы, больше характерные для латиноамериканских стран – кумовство, nepotism и т.д. Сейчас прошло уже почти два года после ухода Абэ, и этот срок показал, что привнесённый им новый стиль руководства оказался не очень цепким, не очень прочным, и новые премьеры, которые пришли ему на смену, уже проповедуют другую политическую философию, более традиционную. Это опора на фракционную политику, на внутривластные согласования, внутривластную демократию.

Белов А.В.

Для экономиста разговор о наследии Синдзо Абэ прежде всего связан с понятием абэномики. Уже почти 10 лет этот термин широко применяется для описания японской экономической политики. Приближается время пересмотра основных её направлений, но пока неизвестно, когда будут приняты такие решения. Поэтому, как мне кажется, выражение «казнить нельзя помиловать», или, если его сформулировать в отношении абэномики – «продолжить нельзя остановить», очень хорошо отражает особенности складывающейся ситуации. В этой связи у меня есть три тезиса, которые хотелось бы вам сейчас изложить.

Во-первых, абэномика представляет собой очень удобную формулу для краткого описания экономической политики. Во-вторых, основные инструменты абэномики до сих пор применяются, и это говорит о том, что они весьма привлекательны. В-третьих, в абэномике есть самые различные итоги, в том числе очень противоречивые. Но, мне кажется, такая противоречивость является скорее результатом сложности решаемых проблем, чем свидетельством неправильности самой политики. Вот, собственно, и всё, что я хотел бы сказать сегодня, а теперь позвольте мне привести несколько иллюстраций для раскрытия этих тезисов.

Итак, во-первых, абэномика – это очень удобная формула для краткого описания всей экономической политики. Как преподаватель я часто сталкиваюсь с необходимостью рассказать просто о сложных вещах, и с этой точки зрения мне бы хотелось очень высоко оценить деятельность и талант Синдзо Абэ, который смог предложить такую понятную классификацию комплексных экономических явлений.

В экономике есть функция Кобба-Дугласа, которая сводит все результаты экономической деятельности к вкладу трёх составляющих: капитала, труда и всего остального, т.е. так называемой совокупной факторной производительности. По сути, то же самое делает и абэномика, где все инструменты экономической политики разделены на три группы и классифицируются как денежная политика, как бюджетная политика и как стратегия экономического роста. Это и есть знаменитые три стрелы абэномики.

Ни в денежной, ни в бюджетной, ни в структурной области ничего нового нет, но сама классификация настолько проста и удобна, что вполне может пережить своего создателя, как это произошло с тэтчеризмом и с рейганомикой. По крайней мере, и последователь Синдзо Абэ, предыдущий премьер Ёсихидэ Суга, и нынешний премьер Фумио Кисида, оба абэномику продолжают, а Кисида даже цитирует Абэ, когда говорит «Invest in Kishida» – это прямая отсылка к известному выражению «Buy my abenomics», которую Синдзо Абэ произнёс без малого 10 лет назад.

Отсюда можно перейти ко второму тезису: основные инструменты абэномики используются до сих пор несмотря на то, что некоторые промежуточные задачи уже решены. Вот, например, в апреле впервые за многие годы в Японии достигнут целевой уровень инфляции, которая в области потребительских цен превысила 2 %. Именно на достижение такой инфляции была ориентирована политика сверхнизких процентных ставок и мягких бюджетных ограничений.

Но и сейчас занижение процентных ставок и расширение бюджетных расходов продолжается. Это говорит о том, что с политической точки зрения такие денежные и бюджетные меры очень привлекательны, а с экономической стороны проводимая эмиссия дешёвых денег стала настолько важным фактором развития, что заменить её чем-то другим в ближайшее время слишком сложно. Судя по всему, принятая денежная и бюджетная политика будет продолжаться несмотря на то, что результаты абэномики во многом выглядят весьма противоречиво.

И всё же, эти противоречия говорят скорее о сложности решаемых проблем, чем свидетельствуют о недостатках самой политики. Это третий тезис, который мне хотелось бы вам раскрыть. Здесь вполне уместно привести конкретный пример взаимосвязи итогов деятельности компаний и повышения доходов работников. К сожалению, достичь позитивной связи двух величин – прибыли и заработной платы – кабинетам Синдзо Абэ так и не удалось. Доходы предприятий увеличились, финансовое положение улучшилось. В прошлом году прибыли крупнейших компаний, котируемых на токийской фондовой бирже, выросли более чем на 35 %. Это произошло на фоне восстановления мировой экономики после острого периода пандемии. Далее, в потреблении самих предприятий, т.е. в инвестировании, наметились позитивные тенденции – чем больше японские компании получали прибыли, тем охотнее они вкладывали в будущее производство. Появилась очевидная положительная связь прибыли и инвестиций.

Однако несмотря на то, что предприятия добивались лучших результатов и активнее инвестировали, личное потребление сокращалось. В период абэномики зарплаты так и не вышли на траекторию устойчивого роста ни в реальном, ни в номинальном выражении. Более того, за прошедшие годы несколько раз индексы заработной платы имели даже отрицательную динамику. Это не значит, что была выбрана неправильная политика. Просто

проблема слишком сложная, а для решения проблем такого класса трудно предложить что-либо иное кроме тех самых трёх стрел, трёх составляющих абэномики, о которых уже шла речь. Скорее всего, эти же инструменты будут использоваться и в дальнейшем. Тем не менее, раз ситуация меняется, то и стрелы придётся заточить под новые цели.

Очень многое говорит о том, что в ближайшее время, по крайней мере до конца текущего года, абэномику необходимо «продолжить, нельзя остановить», а что произойдёт дальше, покажет экономическая динамика и недалёкое будущее.

Швыдко В.Г.

Я постараюсь кратко обрисовать общую картину и дать оценку, может быть немного субъективную, того, что внёс период премьерства Абэ в экономическую политику Японии.

Сразу же после того, как в 2012 г. С. Абэ повторно занял пост премьер-министра страны, он пообещал с помощью революционных мер решить в экономической сфере масштабные задачи, которые оказались не по плечу его предшественникам. Когда же выяснилось, что сформулированные им вызовы слишком сложны, а инструментарий, который он предложил, оказался недостаточно эффективным, он сделал определённый ход назад – скорректировал свою публичную риторику, отказавшись от оказавшихся нереализуемыми амбициозных целей, сохранив при этом, однако, имидж решительного реформатора. Во второй половине своего почти восьмилетнего срока пребывания на посту премьера С. Абэ фактически внёс существенные изменения в видение задач экономической политики, а также временных рамок для их решения.

Главной задачей в области экономической политики, которую С. Абэ поставил перед собой на первом этапе своего премьерства, была задача отреагировать на длившийся с 1992 г. долгий период стагнации экономики.

Конечно, все эти 20 лет японская экономика не стояла на месте – в ней происходили достаточно глубокие качественные изменения и в производстве, и в потреблении. Однако количественные параметры экономического роста были достаточно скромными. В первое десятилетие средние темпы прироста ВВП и доходов населения составляли примерно полпроцента в год, во второе десятилетие – чуть менее одного процента. Столь низкие темпы экономического роста на протяжении столь длительного периода побудили японский политический класс переосмыслить значимость и возможные последствия затянувшегося застоя в экономике и признать необходимость поиска эффективных средств воздействия на неё. В японских элитах возникало ощущение, что затянувшаяся стагнация становится политической проблемой; что она ведёт к сползанию страны на более низкие позиции на мировой шкале богатства и процветания, и происходит это, главным образом, по причине дефицита эффективных мер государственного стимулирования трансформации и роста экономики.

Однако меры, которые, отвечая на этот запрос, предложил С. Абэ, представив их чуть ли не как революционные, по сути, сводились к классическим инструментам, рутинно используемым в любой развитой экономике для поддержки роста экономики через стимулирование спроса. Это было, во-первых, смягчение денежной политики, наполнение каналов экономики дешёвой ликвидностью. Во-вторых, это были меры фискальной политики, направленные на увеличение инвестиционных расходов и потребления внутри

страны. В-третьих, это была попытка стимулировать экспорт за счёт снижения курса национальной валюты. И в-четвёртых, это было то, что называлось «структурной политикой», т.е. попытка административными и политическими мерами стимулировать развитие инновационного бизнеса и устранить узкие места в инфраструктуре и в социальной сфере, которые, по мнению экспертов, препятствовали выходу экономики на более высокую орбиту роста.

Перечисленные меры были упакованы в красивый словесный пакет под названием «абэномика», которая была объявлена программой радикальных, революционных преобразований в экономической политике страны. При этом единственным по-настоящему новым элементом в ней было то, что новый премьер в качестве главного рычага выхода из стагнации выделил преодоление дефляции. Его экономические советники считали, что это – то самое ключевое звено, ухватившись за которое, можно было бы осуществить переход к устойчивому экономическому подъёму. Считалось, что именно выход на умеренную (в пределах двух процентов в год по показателю потребительских цен) управляемую инфляцию позволит запустить восходящую спираль роста цен, производства, занятости и производительности – так называемый самовоспроизводящийся цикл улучшения макроэкономических показателей.

Поскольку сформулированные новым премьером задачи были, главным образом, задачами среднесрочного, а отчасти даже краткосрочного плана, уже через пару лет можно было подводить некоторые итоги: что из намеченного удалось, а что – нет. К 2015–2016 гг. правительство действительно могло отчитаться об определённом прогрессе, который, однако, касался в основном промежуточных целей.

Так, удалось последовательно проводить предельно мягкую кредитно-денежную политику, используя для этого два главных рычага. Во-первых, был реализован аналог американской монетарной политики «количественного смягчения», т.е. масштабный выкуп облигаций государственного долга у коммерческих банков центральным банком – Банком Японии. За первые два года премьерства Абэ количество государственных долгосрочных ценных бумаг на балансе Банка Японии увеличилось в два раза, за следующие два года – ещё вдвое. Это обеспечило мощный вброс ликвидности в экономику и увеличение денежной базы и денежной массы. Во-вторых, удалось обеспечить предельно низкие процентные ставки на денежном рынке. За счёт манипулирования процентными ставками, находящимися в компетенции центрального банка, который возглавил конфидент нового премьера, ставки доходности инструментов государственных заимствований на вторичном рынке удавалось удерживать практически на нулевом уровне. Соответственно, и процентные ставки коммерческих банков оставались чрезвычайно низкими: так, справочная стандартная ставка банковского кредитования в течение всего периода кабинетов Абэ держалась на уровне чуть больше одного процента. Реальные ставки заимствования, зависящие от категории заёмщика, залога и условий кредитования, конечно, были несколько выше, но в целом обеспечивалась дешевизна кредита, что расценивалось как успех абэномики.

Другим положительным моментом был рост занятости. Было создано довольно большое количество новых рабочих мест, что С. Абэ оправданно ставил себе в заслугу.

Однако названные достигнутые цели были в основном промежуточными. Цели более высокого порядка, фундаментального свойства, оказались реализованными в меньшей степени.

Так, не удалось навести порядок в государственных финансах: по-прежнему сохранялся высокий уровень дефицита бюджета и продолжался рост размеров госдолга. Последний за время премьерства С. Абэ вырос с 209 % до почти 230 % ВВП.

Не удалось по-настоящему преодолеть дефляцию, и это было главной неудачей Абэ. Да, в первые годы была тенденция к некоторому повышению динамики потребительских цен, но затем этот процесс сошёл на нет, и в течение почти всего срока премьерства С. Абэ прирост потребительских цен в годовом выражении был либо отрицательным, либо мало отличался от нулевого.

Не удалось выйти и на высокие темпы экономического роста. В отдельные годы (например, в 2013, 2015, 2017 гг.) темпы прироста ВВП приближались к 2 %-ной отметке, но не превышали её; в другие годы не достигали и одного процента.

В свете таких результатов первых трёх-четырёх лет премьерства С. Абэ экономическая риторика правительства существенно поменялась. Хотя основные методы и параметры макроэкономического регулирования оставались в основном теми же, акценты в риторике сместились с факторов на стороне спроса в сторону факторов предложения. В качестве одной из главных задач экономической политики стали называть реагирование на демографические вызовы, а именно: повышение экономической активности населения в тех категориях, которые до сих пор были достаточно пассивны (старшие возрастные категории, женщины). На первый план вышли проблемы качества исходных ресурсов – технологических, предпринимательских, трудовых. Это, в частности, вопросы совершенствования системы образования, стимулирования технических новшеств, любых видов НИОКР, малых форм предпринимательства. Это также структурные преобразования в экономике на основе использования современных цифровых технологий – то, что в документах, регулярно принимавшихся кабинетом министров в последнее десятилетие, называлось «цифровой трансформацией», или «цифровым переходом». Прежние же приоритеты экономической стратегии – поддержка роста через стимулирование отдельных компонентов совокупного спроса при соблюдении финансовой дисциплины – отошли на второй план, хотя и продолжали присутствовать в официальной повестке.

Стоит отметить, что подобное смещение акцентов характерно не только для Японии, но и для всего развитого мира. Оно имеет, как минимум, две причины. Первая – объективная: необходимость подобной модификации в условиях глубоких структурных изменений в экономике. Так называемая новая экономика, которая сейчас вырастает на основе прежней, но отчасти и вместо неё, конечно же, также нуждается в макроэкономической стабильности, отражаемой традиционными параметрами – динамикой цен, характеристиками денежных рынков, кредита, обменным курсом валют и т.д. Однако для того чтобы придать новой, высокотехнологичной экономике нужный динамизм, этого недостаточно: необходимы также ещё новые, не использовавшиеся ранее инструменты и подходы с упором на повышение качества и производительности экономических ресурсов. Соответственно, это нашло отражение и в публичной риторике и действиях правительственных кабинетов С. Абэ в последние годы его политической активности.

Но есть ещё и вторая, субъективная причина произошедшей смены приоритетов. Дело в том, что показатели качества экономических ресурсов, в отличие от макроэкономических показателей, не образуют строгую систему параметров, по которой можно было бы судить об успешности (или, наоборот, неуспешности) деятельности правительства. Через во многом субъективный выбор произвольного набора показателей можно создать впечатление эффективной деятельности любого кабинета, если только она не привела к очевидному для всех кризису. Поэтому смещение акцентов в сторону показателей качества факторов производства (вместо макроэкономических параметров) создаёт для правительств более комфортную среду: они сами выбирают для себя показатели успеха и демонстрируют его общественности. Это, кстати, бросается в глаза и при сопоставлении программных документов, утверждаемых на уровне кабинета министров, в разные моменты периода премьерства С. Абэ: невыигрышные для правительства показатели и критерии экономического успеха незаметно заменялись более удобными, с помощью которых правительство могло показать свою эффективность и результативность.

В заключение я хотел бы обрисовать, как видятся самые последние изменения, которые произошли в риторике японского правительства в области экономической политики после отставки С. Абэ и прихода на пост премьера Ф. Кисида. Все основные характеристики макроэкономической политики последних десяти лет пока не подвергаются ревизии и вряд ли будут ей подвергнуты. Для бюрократической машины, отвечающей за формирование и реализацию экономической политики, характерна сильная инерция мышления и действий, так что каких-либо крупных изменений в макроэкономической политике ожидать не стоит. Однако на уровне риторики, особенно по вопросам стратегического и общетеоретического характера, я бы отметил три момента, которые стали особенно заметны после смены лидера.

Во-первых, это особый упор на распределительный и перераспределительный механизмы, которые обеспечивают передачу экономических благ и продуктов экономического роста возможно большим слоям населения – то, что нынешний премьер называет словосочетанием «новый капитализм».

Во-вторых, это акцент на «инклюзивность» – на вовлечение в экономический оборот возможно большего количества новых или недоиспользуемых ресурсов. Применительно к человеческим ресурсам это подразумевает большее вовлечение в экономическую жизнь изначально менее активных возрастных, гендерных и иных групп населения.

В-третьих, это акцент на культурные, социальные и психологические последствия и аспекты внедрения современных технологий в экономический и социальный оборот. Это попытка подумать о возможностях нейтрализации негативных последствий новых технологий, в том числе цифровых, для социальных отношений и психологического климата в обществе.

Все эти моменты, конечно, не означают смены общей парадигмы, но как система акцентов правительственной стратегии содержат в себе элемент новизны по сравнению с картиной приоритетов, типичной для «эпохи Абэ».

Лебедева И.П.

Тема моего выступления – вименомика.

Как известно, вскоре после прихода к власти в 2012 г. С. Абэ провозгласил одной из главных целей своей политики превращение Японии в страну, где «женщины будут сиять». Комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для совмещения женщинами работы и домашних обязанностей, получил название «вименомика». Помимо решения основной задачи – расширения участия женщин в экономике и усиления их роли в различных областях жизни общества – вименомика ставила целью создание условий для повышения показателя фертильности, по уровню которого Япония оказалась в едва ли не худшем среди развитых стран положении. При этом основное внимание было уделено женщинам, находящимся в возрасте 25–45 лет, т.е. в том возрасте, на который приходится замужество и воспитание детей.

Дело в том, что в Японии сложилась особая модель занятости замужних японок, затрудняющая полное использование ими своего потенциала, образования и способностей. Хотя по уровню образования японки практически уже не уступают мужчинам, многие из тех, кто начинал свою карьеру в качестве постоянного работника, после того как дети подрастут, предпочитают либо вообще не работать, либо устраиваются на места непостоянных работников. Дело в том, что в японских компаниях карьерный рост тесно увязан с внутрифирменным обучением, и женщины, будучи оторваны от этой системы на несколько лет, по сути утрачивают возможность сделать успешную карьеру и не видят смысла возвращаться на прежнюю работу. Один из японских специалистов назвал такую ситуацию «наказанием за замужество и рождение детей».

К этому следует добавить, что для многих женщин сочетание постоянной работы и семейных обязанностей оказывается просто физически невозможным. С одной стороны, на них давит жёсткий режим труда постоянных работников японских фирм, с другой – на них ложится основное бремя домашних дел.

Следует также отметить, что долгое время возвращению женщин на рынок труда в качестве полноценных работников препятствовала и нехватка детских дошкольных учреждений, особенно в крупных городах.

Что же было сделано в рамках вименомики для создания условий для совмещения женщинами работы и семейных обязанностей?

Прежде всего, следует сказать о Законе о содействии экономической активности женщин (*дзёсэй кацуяку суйсинхо*), принятом в 2015 г. Он обязал крупные частные компании разработать так называемые Планы действий владельцев предприятий с указанием конкретных цифр, касающихся доли женщин среди работников разных категорий, включая и высшие должности. Прежде всего, речь шла о трудоустройстве женщин, желающих вернуться на прежние места по окончании отпуска по уходу за ребёнком.

В мае 2019 г. этот закон был дополнен: с 1 июня 2021 г. нормы закона стали обязательными для всех предприятий с числом занятых свыше 300 человек, а с 1 апреля 2023 г. станут обязательными для всех предприятий с числом занятых свыше 100 человек.

Для того чтобы стимулировать компании нанимать женщин на должности постоянных работников, государство выплачивает им субсидии. Владельцам мелких и средних предприятий, принявшим на работу женщин на места постоянных работников, выплачивается субсидия в размере 600 тыс. иен, на места частично занятых – *пато* – 400 тыс. иен. В случае крупных предприятий размеры субсидий составляют соответственно 500

тыс. иен и 300 тыс. иен. По 50 тыс. иен в течение трёх месяцев получают также предприятия, которые нанимают на испытательный срок женщин, не имевших опыта работы по конкретной профессии.

Ещё один вид поощрения – награждение особо отличившихся компаний почётным знаком «Эрубоси» (разных степеней). Этот знак (в виде звёзд над шаром, количество которых указывает на степень знака) они могут использовать в названии фирмы, в рекламе, помещать на этикетках товаров, визитках своих сотрудников и т.д. По данным на конец 2019 г. его получили 992 компании.

Далее, были улучшены условия предоставления отпуска по уходу за ребёнком. Так, в 2014 г. его продолжительность была доведена до 16 месяцев. При этом в течение первых 8 недель после рождения ребёнка женщины получают пособие по родам в размере 2/3 от заработной платы. Затем начинает выплачиваться пособие по уходу за ребёнком: в первые полгода – в размере 2/3 от заработной платы (прежде – 50 %), в последующие 6 месяцев – в размере 50 %.

Кроме того, была существенно расширена сеть детских дошкольных учреждений. За пять лет (2013–2017 фин. гг.) число мест в них увеличилось на 535 тыс., а число детей, числящихся на листе ожидания, к апрелю 2018 г. сократилось до 20 тыс. По плану, принятому в июне 2017 г., за пять лет (до конца 2022 фин. г.) предполагалось создать ещё 320 тыс. мест. Однако уже в сентябре того же года сроки его реализации были сокращены на два года и перенесены на конец 2020 фин. г., т.е. на март 2021 г.

И, наконец, была усилена материальная поддержка семей с детьми. В мае 2019 г. был принят Закон о бесплатном дошкольном образовании. Для всех детей в возрасте от 3 до 5 лет, а также для детей в возрасте до двух лет из семей с низкими доходами (освобождённых от уплаты налога на резидентов) обучение (пребывание) в государственных детских дошкольных учреждениях стало бесплатным. А родители детей, посещающих частные детские учреждения, с 2019 г. получают субсидии: на ребенка в возрасте от 3 до 5 лет – до 37 тыс. иен в месяц, в возрасте до 2 лет – до 42 тыс. иен в месяц. Расходы государства на эти цели покрываются за счёт потребительского налога, ставка по которому в октябре 2019 г. была повышена с 8 % до 10 %.

Ещё одним направлением мер, предпринятых в рамках вименомики, стало улучшение условий труда непостоянных работников. Несмотря на несомненные преимущества постоянной занятости, далеко не все женщины, возвращающиеся на рынок труда, стремятся найти постоянную работу. В силу разных обстоятельств их больше устраивает непостоянная занятость. Но проблема заключается в том, что исторически в Японии сложился глубокий водораздел между постоянной и непостоянной занятостью – в плане оплаты труда, возможностей карьерного роста, доступа к системе социального обеспечения и т.д. Сейчас в Японии насчитывается порядка 20 млн непостоянных работников, при этом 2/3 из них – женщины.

Поскольку в связи с сервисизацией японской экономики потребность в гибких формах занятости постоянно возрастает, для того чтобы сделать сферу непостоянной занятости более привлекательной, правительство предприняло следующие меры.

Прежде всего, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввёл механизм перевода работников с фиксированным сроком контракта (т.е.

непостоянно занятых) в категорию работников с открытым сроком контракта (т.е. постоянно занятых). Условием такого перевода является неоднократное возобновление временного контракта при общем сроке работы в компании не менее пяти лет. Кроме того, в закон было внесено положение, обязывающее предпринимателей обеспечивать для непостоянных работников такие же условия труда, что и для постоянных работников. В июне 2018 г. это положение было конкретизировано, а именно было законодательно зафиксировано требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников.

Ещё одним важным шагом в улучшении их положения стало расширение доступа к системе пенсионного и медицинского страхования. С октября 2016 г. она была распространена на *пато* (частично занятых), работающих на предприятиях с числом занятых более 500, а с апреля 2017 г. – и на предприятиях с числом занятых менее 500 человек (во втором случае – по соглашению между менеджментом и работниками).

Каковы результаты этих мер?

Всего за период 2012–2019 гг. число работающих женщин возросло почти на 3 млн человек. При этом заметно повысилась занятость именно в проблемных группах. В возрастной группе 25–34 года доля работающих женщин повысилась с 72,3 % в 2010 г. до 81,1 % в 2019 г., в группе 35–44 года – с 68,2 % до 78,6 %, а доля постоянных работников в обеих группах поднялась с 51,0 % в 2013 г. до 55 % в 2019 г.

Что касается повышения уровня фертильности, то здесь дела обстоят сложнее. За низким уровнем фертильности в Японии скрываются две основные проблемы, а именно – снижение фертильности японских семей, т.е. сокращение числа детей в семье, и рост доли не состоящих в браке японок.

Многу уже упоминались меры, принятые в рамках вименомики, для уменьшения бремени расходов родителей на воспитание маленьких детей, а также меры по поддержке семей с детьми школьного возраста. Однако не только материальные соображения удерживают японцев от обзаведения вторым ребёнком. Препятствием становится и вопрос о разделении семейных обязанностей, который не позволял женщинам действительно полноценно участвовать в экономической жизни, особенно в тех семьях, где женщина получила высшее образование. Продолжается пропагандистская кампания «Икумен» – это масса всяких рекламных мероприятий, в рамках которых рассказывается о том, что семейные обязанности должны делиться поровну. Созданы специальные сайты, на которых размещается информация о моделях поведения супругов в тех или иных ситуациях. С 2001 г. в стране ежегодно проводятся недели гендерного равенства (с 23 по 29 июня), в рамках которых местные власти организуют всевозможные мероприятия, пропагандирующие идею гендерного равенства в семье, на работе, в обществе.

Что касается вопросов замужества, то правительство, конечно же, не может напрямую стимулировать этот процесс в силу его очевидной деликатности. Помимо всех тех мер, которые оно предпринимает, чтобы не ставить молодых японок перед выбором – семья или карьера, оно пытается содействовать повышению брачности, оказывая молодым семьям финансовую помощь. До недавнего времени зарегистрировавшие брак молодожёны получали 300 тыс. иен при условии, что обоим супругам на момент регистрации было не более 35 лет, а их совокупный годовой доход не превышал 4,8 млн иен. Но с апреля 2021 г. размеры этих выплат повысились до 600 тыс. иен, при этом оба супруга на момент

регистрации брака должны быть не старше 40 лет, а их совокупный доход не должен превышать 5,4 млн иен.

Ковид, конечно же, «смазал» результативность мер вименомики. Поскольку многие японки работают в сфере торговли, бытовых услуг населению, гостиничном и ресторанном бизнесе, ограничения, введённые в этих отраслях, не могли не сказаться на женской занятости. Усугубила положение дел и необычность самого вызванного пандемией кризиса, который сопровождался закрытием школ, детских садов, а также невозможностью прибегнуть к помощи дедушек и бабушек из-за рекомендаций избегать лишних контактов, особенно с людьми пожилого возраста. Очевидно, что возросшее в связи с этим бремя домашних забот легло, главным образом, на плечи японских женщин. Разного рода ограничения растянулись почти на три месяца, и к июню 2020 г. число работающих японок трудоспособного возраста (от 15 до 64 лет) сократилось на 330 тыс. человек по сравнению с мартскими показателями, а в группе 25–44 года – на 190 тыс. человек. Однако в последующие месяцы, по мере возвращения экономики в нормальное русло, ситуация начала улучшаться, и к октябрю 2020 г. общее число работающих женщин 15–64 лет возросло на 290 тыс., а в группе 25–44 года – на 250 тыс. человек.

Чугров С.В.

Моя цель исследования – проанализировать изменения массового сознания за последние пять лет, но я постараюсь сфокусировать внимание на трансформации суждений японской студенческой молодёжи об итогах Второй мировой войны, произошедшей в период второго срока пребывания у власти Синдзо Абэ.

В 2020 г. я прилетел в Японию, чтобы в течение семестра читать лекции в Университете Сока, расположенном примерно в пятидесяти километрах к западу от Токио. Именно в тот день, в среду 11 марта, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально объявила, что распространение новой коронавирусной инфекции достигло стадии пандемии. Признаюсь, я был потрясён, увидев то, что я никогда в жизни не ожидал увидеть, а именно – уголок Японии... без японцев. Семестр начался необычно: кампус оказался полностью закрытым, и кроме охраны и нескольких библиотекарей там никого не было.

Занятия исправно велись в онлайн-режиме, но, несмотря на отсутствие привычных ранее толп студентов, библиотечные книги выдавались, и это была прекрасная возможность без суеты вести научные исследования. Во-первых, я изучал сложившийся в Японии дискурс, который касался изменений в восприятии итогов Второй мировой войны под воздействием идей Абэ. Во-вторых, в ходе дистанционных занятий я смог провести опрос 146 японских студентов университета Сока в возрасте от 18 до 22 лет и обработать его результаты с помощью специального программного обеспечения.

Говоря о том, что изменилось в японском дискурсе по поводу итогов войны за последние пять лет, я отметил, что тренд обозначился после выступления Синдзо Абэ в парламенте 14 августа 2015 г. Премьер-министр в важном для его политической карьеры заявлении по случаю 70-летия со дня окончания Второй мировой войны подчеркнул, что «послевоенные поколения страны не должны бесконечно нести бремя вины за действия японской армии». В то же время он отдал дань доминирующим в стране настроениям

пацифизма: «Мы продолжим следовать клятве, больше никогда не принимать участие в войнах».

Это, конечно, довольно традиционное заявление, но изменилось то, что к словам «колониальное правление», «извинения» добавились интонации по сути с оттенком покаяния: «Я склоняю голову перед душами тех, кто расстался с жизнью дома и за рубежом, выражаю чувства глубокой скорби и вечные, искренние соболезнования». Но многие комментаторы, прежде всего в Китае и на Корейском полуострове, усмотрели тут двусмысленность, поскольку Абэ в первую очередь назвал среди погибших «три миллиона наших соотечественников», не вернувшихся с войны. Знаковым импульсом для сознания японцев стало и заявление Абэ о том, что «послевоенные поколения страны не должны бесконечно нести бремя вины за действия японской армии».

Политическое поведение премьер-министра в течение второго срока пребывания у власти было отмечено подчёркнутой осторожностью. Например, по поводу особо болезненного для соседних с Японией стран вопроса о традиционном паломничестве японских лидеров в храм Ясукуни можно отметить, что Синдзо Абэ всего лишь однажды посетил этот храм в статусе премьер-министра, ограничившись ежегодной отправкой туда поминальных веточек *sасаки*.

Но перейду к центральному пункту моего исследования – опросу студентов о том, как они сейчас воспринимают курс Абэ по проблемам итогов войны, объявленный за пять лет до опроса. После консультации с коллегами задавать вопрос про храм Ясукуни я не стал, сочтя предмет слишком политизированным для студенческой аудитории. Также не совсем корректно показалось мне напрямую спрашивать студентов об осознании ими своей вины за политику, в проведении которой участвовали их деды и прадеды.

Для представления итогов исследования я отобрал четыре наиболее важных вопроса, ответы на которые особенно показательны. Например, любопытны ответы на вопрос – «Кто в Японии несёт ответственность за развязывание Тихоокеанской войны и за поражение в войне?». Из 146 человек (а это был анонимный опрос по Zoom) ответ, что «виноваты руководители армии и флота», выбрали 73 %, высшая бюрократия страны – 61 %, политики – 69 %, император – 41 % (эта цифра меня удивила: я думал, что она на порядок ниже), что «виноваты журналисты» – 25 %, бизнес – 25 %, общественность, т.е. сами японцы – 21 %, «никто в отдельности не виноват», «так сложилось» – 3 %.

Особенно важен был вопрос, который в деликатной формулировке решил всё-таки поставить, – «Считаете ли вы, что нынешнее поколение молодых японцев должно нести ответственность за Вторую мировую войну?». Ответы распределились таким образом: «Думаю, что мы должны нести ответственность» – 30 %, «нет необходимости ощущать ответственность» – 59 % и не ответили – 11 %.

Призыв Абэ, прозвучавший в 2015 г., к тому, чтобы молодое поколение японцев избавилось от виктимности, сработал лишь частично. К тому же надо непременно сделать поправку на то, что Университет Сока – это особый университет, с особыми традициями пацифизма. Без такой поправки, конечно, приведённая раскладка ответов не может адекватно характеризовать всё японское студенчество.

Самый интересный вопрос, я считаю, такой – «Сменявшие друг друга японские премьер-министры извинялись перед Китаем и Кореей за ошибки прошлого. Думаете ли вы,

что эти извинения были нужны? Если да, то достаточно ли было принесено извинений на сегодняшний день или недостаточно?». Из 146 ответивших студентов считают, что «не было вообще необходимости в извинениях» – 3 %, «извинения были нужны, но их уже достаточно» – явное большинство, 66 %. Иначе говоря, две трети опрошенных студентов Университета Сока сочли, что лидеры Японии поступали правильно, принося извинения, но таких извинений уже хватает, и только каждый пятый, 21 %, считает, что извинений всё же недостаточно. Мнение двух третей респондентов о том, что «хватит извиняться», видимо, превалирующее среди молодого поколения, считаю наиболее существенным для понимания состояния сознания японской молодёжи.

Ещё меня интересовал вопрос по поводу послевоенного периода, который принято обозначать термином *сэнго дзидай* (период «после войны»): закончилась ли эта эпоха для Японии или ещё продолжается? Каждый пятый (21 %) считает, что закончился, а четыре пятых (почти 80 %) полагают, что послевоенный период ещё продолжается.

Причины продолжения послевоенного периода в глазах студентов Университета Сока таковы: 58 % считают: «Потому что территориальный вопрос не решён», уточняя, что речь идёт не только о «северных территориях», но и об островах Сэнкаку и Такасима. Период *сэнго* не закончился, «потому что в стране есть военные базы США» считают 36 %, «потому что остаётся память о войне» – 53 %. Интересно, что 23 % респондентов выбрали ответ – «Я не думаю, что общество осознало свою ответственность за войну». Это важный индикатор состояния общественного сознания молодого поколения: почти каждый четвёртый респондент сознательно сделал выбор в пользу суждения о недостаточном осмыслении молодёжью итогов Второй мировой войны (опять же, подчеркну, нужно сделать поправку на пацифизм, который доминирует в университете, который находится под патронажем Сока Гаккай).

Если не вдаваться в дальнейшие детали, а сделать широкие обобщения, на которые наталкивают результаты опроса студентов и дискурс-анализ сегодняшней исторической литературы по вопросам войны и мира, то итог, полагаю, будет следующий. Во-первых, отношение к истории и в Японии, и в нашей стране изменилось: если пару десятилетий назад мы считали непредсказуемым будущее, то сейчас непредсказуемым стало прошлое, оно меняется в зависимости от прагматических настроений общества, от договорённостей экспертов в консенсусе с общественным мнением. Историческое прошлое сейчас предстаёт как открытая система, а трактовки прошлого могут меняться со временем в зависимости от задач, которые стоят перед обществом. Во-вторых, на наших глазах разрушается казавшаяся незыблемой Ялтинско-Потсдамская система, национальные интересы ставятся выше глобальных. В-третьих, Вторая мировая война стала хрестоматийным историко-литературным явлением. Когда наступит 80-летний рубеж со дня её окончания, то уже окончательно уйдут от нас ветераны, и война останется в сознании социума в виде набора фактов и суждений из учебников.

Тем не менее, простимулированная призывом Синдзо Абэ трансформация сознания осуществилась лишь частично. Сознание общества консервативно и меняется крайне медленно.

Стрельцов Д.В.

Я хотел бы сказать, на мой взгляд, важную вещь, что эпоха Абэ – значимое событие в истории Японии. Она длилась восемь лет и восемь месяцев, но дело даже не в том, что она была длительной, потому что в Японии было несколько премьер-министров с длительными сроками правления, были и Эйсаку Сато, и Дзюнъитиро Коидзуми, и Ясухиро Накасонэ. Это не повседневный феномен, но в Японии бывает, что премьер-министр правит достаточно долго.

На мой взгляд, эпоха Абэ была значимой в контексте перехода Японии в новое качество развития. Мы все воспитывались на том, что Япония – страна активно развивающаяся, с высокими темпами роста, даже если рост не показывал высокие темпы, то трансформации стремительно происходят и в обществе, и в экономике, и в политике.

Вот на наших глазах Япония вошла в эпоху постиндустриального развития, стремительно постарела, экономика стала обретать совсем другое качество, чем это было 20, 30, 50 лет назад, и казалось, что Япония впала в спячку. Многие начали списывать Японию со счетов, и некоторые стали думать, что Япония уже не поднимется, что Японию можно колотить, и она не ответит. Даже американские президенты часто придавали Японии не самое высокое положение, в этом смысле в шкале американских приоритетов Япония уступала Китаю.

Но эпоха Абэ показала, что Япония может встрепенуться и дать ответы на многие вопросы, которые стоят перед всем человечеством и перед отдельными странами. Во внешней политике было показано, что эпоха Абэ привела к тому, что Япония резко усилила свои позиции и по-новому себя позиционировала. Многие не без оснований говорят, что Япония, несмотря ни на что, «возвращается», то есть становится крупной военной державой, крупной политической державой. За период правления Абэ улучшились её отношения со многими странами – не только с Россией, но и, например, с Китаем. Несмотря на все проблемы японо-китайских отношений, они развивались при Абэ позитивно и совершили качественный скачок. Что касается российско-японских отношений, где, казалось бы, Абэ ничего не достиг и отношения оказались в том же положении, в каком они были до Абэ, а сейчас стали ещё хуже, то если мы посмотрим на тот исторический след, которые оставили усилия Абэ, мы поймём, что в действительности эти отношения развивались очень динамично, их будут упоминать в учебниках истории как светлый период, как медовый месяц в наших отношениях. Во многом это заслуга лично Абэ.

Во внутренней политике стиль Абэ привнёс новые какие-то вещи, новые коннотации. Абэ действительно старался что-то сделать в отличие от многих японских премьеров, которые пытались просто адаптироваться к создающейся ситуации и действовали реактивно. Что-то происходит, они вынуждены на это отвечать, эта текучка их съедала. В противоположность этому, Абэ показал себя как сильный политик, который способен широко мыслить, выдвигать политические инициативы и новые программы, добиваться своих целей. Не все цели были достигнуты, но он пытался это сделать.

В экономике не всё было достигнуто, но во многом то, что было заложено усилиями Абэ – его курс абэномики – сейчас продолжает работать, и эта тенденция во многом определит будущее японской экономики на десятилетия вперед.

Несмотря на то, что Япония постарела, что там уже нет такого динамизма в социальном отношении, тем не менее она справляется со своими проблемами. Эти проблемы понемногу решаются, и я считаю, что Японию рано списывать со счетов. Она, наверное, ещё покажет себя в будущем.

Поступила в редакцию: 09.08.2022

Принята к публикации: 22.08.2022

Received: 9 August 2022

Accepted: 22 August 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-131-143

К истокам своеобразия айнской культуры

Рецензия на коллективную монографию

«Новые источники по истории и культуре айнов»

Ю.С. Пестушко

Аннотация. Статья представляет собой обзор коллективной монографии «Новые источники по истории и культуре айнов» (Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина; Ин-т восточных рукописей РАН. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2021. 336 с.). В главах монографии российскими учёными на основе анализа материальных и письменных источников на русском и иностранных языках рассматриваются различные аспекты истории айнов, их культура, этнические традиции. Анализируются мероприятия японского правительства по установлению морского сообщения между Эдо и землями айнов. В рецензии отмечается весомый вклад, внесённый каждым из авторов в изучение культуры айнов и традиций данного этноса.

Ключевые слова: айны, айнская культура, письменные источники, словари айнского языка, каботажные перевозки, Япония и Россия.

Автор: Пестушко Юрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии, Хабаровский государственный институт культуры (адрес: 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112); профессор кафедры английской филологии, Тихоокеанский государственный университет (адрес: 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пестушко Ю.С. К истокам своеобразия айнской культуры. Рецензия на коллективную монографию «Новые источники по истории и культуре айнов» // Японские исследования. 2022. № 3. С. 131–143. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-131-143

To the origins of the originality of the Ainu culture

Review of the collective monograph

“New Sources on the History and Culture of the Ainu”

Yu.S. Pestushko

Abstract. The article is a review of the collective monograph *New Sources on the History and Culture of the Ainu*. In the chapters of the monograph, Russian scholars, based on the analysis of material and written sources in Russian and foreign languages, consider various aspects of the history of the Ainu, their culture, and ethnic traditions. The measures taken by the Japanese government to establish sea communication

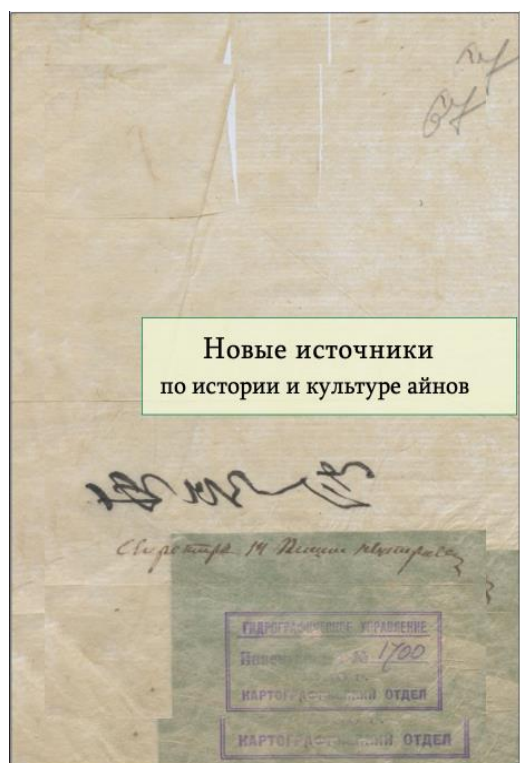
between Edo and the lands of the Ainu are analyzed. The review notes the significant contribution made by each of the authors to the study of the Ainu culture and traditions.

Keywords: Ainu, Ainu culture, written sources, Ainu language dictionaries, cabotage, Japan and Russia.

Author: *Pestushko Yurii S.*, Doctor of Historical Science, Khabarovsk State Institute of Culture, Department of Cultural Studies and Museology, professor (address: 112, Krasnorechenskaya Str., Khabarovsk, Russian Federation, 680045), Pacific National University, Department of English Philology, professor (address: 136, Tihookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9397-8096; E-mail: yuripestushko@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Pestushko Yu.S. (2022). K istokam svoeobraziya aynskoy kul'tury. Retsenziya na kollektivnyuyu monografiyu «Novyye istochniki po istorii i kul'ture aynov» [To the origins of the originality of the Ainu culture. Review of the collective monograph “New Sources on the History and Culture of the Ainu”]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 3, 131–143. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-131-143

Прежде чем переходить к обзору коллективной монографии «Новые источники по истории и культуре айнов» под редакцией В.В. Щепкина, автор хотел бы подчеркнуть, что это его первая работа подобного рода. Каждый исследователь в своей научной деятельности довольно часто встречается с задачей научного рецензирования работ других специалистов. Как правило, речь идёт о рассмотрении исследований из близкой предметной области либо аналогичного научного направления. Автор настоящей рецензии не является экспертом в сфере истории айнов и айнской культуры. В данном случае уровень его знаний и научной компетентности определяются университетским курсом и научной литературой, прочитанной в разные годы.

Тем сложнее и ответственнее представляется задача объективного и беспристрастного рассмотрения коллективной монографии «Новые источники по истории и культуре айнов», являющейся научным трудом, подготовленным российскими учёными – экспертами в своей области. В настоящей рецензии предпринята попытка на основе строгого соблюдения научной методологии и объективности проанализировать содержательную сторону монографии, рассмотреть представленные в ней российские и зарубежные первоисточники и на этой основе сформировать непредвзятое мнение о данном коллективном исследовании.

Рецензируемая научная монография является продолжением коллективной работы «Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.», вышедшей годом ранее. В монографии 2021 г. «Новые источники по истории и культуре айнов» представлены авторские вклады в изучение письменных материалов и артефактов по культуре айнов –

древнего населения Японских островов, этноса, который ранее также проживал на территории Нижнего Амура, юге Камчатского полуострова, Сахалине и Курилах.

В соответствии с рассматриваемой проблематикой, монография состоит из трёх разделов, в которых проанализированы различные источники по истории данного этноса – материальные артефакты, словари айнского языка, российские и зарубежные этнографические издания и их роль в популяризации знаний об айнах и их культуре, история айнского народа в материалах архива Сахалинской области. В монографии также представлены комментированные переводы японских первоисточников, относящихся к истории управления землями айнов правительством Японии и установлению морского сообщения между центральными районами Страны восходящего солнца и отдалёнными северо-восточными территориями, где проживали айны.

Первый раздел монографии «Материальные источники» открывает исследование «Археологические источники по культуре айнов Сахалина (древние поселения в Орлово)», подготовленное С.В. Горбуновым и Я.С. Зайцевым. Здесь представлены материалы об археологических источниках и исторических памятниках, рассказывающих о культуре айнов, проживавших в с. Орлово с XIII до середины XX в. Поселение Орлово интересно ещё и тем, что оно является одним из старейших на о. Сахалин. В главах монографии представлена подробная характеристика памятников айнской культуры. Авторы дают краткое, но вместе с тем достаточно информативное описание 26 древних поселений, расположенных в районе с. Орлово, а также обнаруженных там памятников культуры айнов.

Поселение Орлово вместе с его окрестностями представляет собой довольно большой агломерат мест проживания айнов в XIII – начале XX в. Располагались они в лесном массиве и на возвышенностях. Количество древних жилищ варьируется от нескольких десятков до 767. Согласно приведённым описаниям, жилище айнов XIII–XIX вв. имело прямоугольную форму 3 x 4 м и углубление примерно на полметра. В одном из поселений были обнаружены два медвежьих черепа, что позволяет предположить, что здесь располагался медвежий лабаз, в котором айны хранили черепа медведей после их ритуального умерщвления на медвежьем празднике. В разделе отмечается, что помимо айнских жилищ, в Орлово сохранились немногочисленные следы землянок, в которых проживал этнический субстрат, представлявший собой доайнское население. По своим размерам (длина 7–8 м, ширина 5–6 м, глубина до 1,5 м) и прямоугольной либо шестиугольной форме эти землянки отличались от жилищ айнов.

В данном разделе монографии имеется соответствующий иллюстративный материал, позволяющий судить о типах айнской керамики, а также других древних артефактах – шлифовальных камнях, керамических бутылках-токури, рыболовных грузилах, железных гвоздях, рыболовных крючках.

В разделе обоснованно поднимается актуальная задача дальнейшего изучения археологических памятников культуры айнов, проведения исследований сибирской прародины данного этноса и определения его миграционных потоков. Очень актуальным представляется поднимаемый авторами вопрос о необходимости создания в с. Орлово музея айнов. Решение вышеназванных задач имеет большое значение как с точки зрения сохранения и возрождения древних традиций и обычаев айнского этноса, так и для более объективного анализа прошлого Японии – с позиций истории коренных народов этой страны.

Значительный интерес представляет следующий раздел коллективной монографии, подготовленный А.М. Соколовым: «Айнские мечи на страницах российских и зарубежных источников». Раздел посвящён мечам айнов и той роли, которую мечи играли в традиционной айнской культуре. Интерес к означенной проблематике вполне понятен. Даже не будучи специалистом в истории мечей в культуре айнов, можно утверждать, что меч имел очень большое значение в жизни этого этноса. Для «мохнатых варваров», как называли айнов японцы, война была делом обычным. Они зарекомендовали себя отважными воинами, которые на протяжении своей истории часто вступали в вооружённые столкновения как друг с другом, так и с японцами.

Помимо исследования собственно айнских мечей, автор уделил серьёзное внимание проработке первоисточников по этой теме. В данном разделе работы представлена информация о ранних и более поздних письменных работах по истории айнских мечей и истории самого айнского этноса. Наверное, не имеет смысла перечислять все упомянутые в работе первоисточники. С ними можно ознакомиться при прочтении первого раздела коллективной монографии. Остановимся лишь на нескольких из них: коллективный труд 1356 г. «Иллюстрированное повествование о великом божестве Сува», составленный при участии Сува Энтю и Фудзивара Такамори, «Записи об Эдзо» и «Записи о северных морях», составленные Сакакура Гэндзиро в 1739 г., работа Кодама Тэйрё «Иллюстрации обычаев эдзо», письма португальского иезуита Луиса Фройса (вторая половина XVI в.), записки итальянского миссионера Джироламо де Анджелиса (первая половина XVII в.), а также записки участников голландской экспедиции 1643 г. под командованием М.Г. Фриса и Г.К. Схепа.

На основе анализа указанных источников А.М. Соколов очень подробно рассказывает о распространении среди айнов различных видов японских мечей и боевых ножей, а также использовании ими мечей собственного «кустарного» производства, которые создавались по японскому образцу. В главе отмечается, что помимо мечей айну также широко использовали в качестве оружия лук и стрелы. Автор авторитетно и обоснованно говорит о поклонении мечу в культуре айнов. Нельзя не согласиться с тем, что в цивилизации данного этноса преклонение перед мечом имеет древние корни и является одним из наиболее значимых культурных маркеров.

Обращает на себя внимание отмеченное в работе изменение функций меча, который с течением времени начинает постепенно превращаться из оружия в предмет культа. Автор указывает, что следствием трансформации меча от оружия в сторону церемониальности стало изменение формы и устройства данного предмета. Утрата прежнего «военного» значения мечей проявила себя в новой форме рукояти, которая теперь делалась таким образом, что меч нельзя было крепко сжать в руках. Однако появившиеся в конструкции декоративные накладки с кольцами создавали соответствующий шумовой эффект, если такой меч использовался в ритуальных целях. Другими словами, в культуре айнов меч прошёл эволюцию от собственно оружия до превращения в социокультурный атрибут, который стал использоваться по большей части на свадебных церемониях, религиозных и других подобных ритуалах.

Раздел коллективной монографии о культе меча раскрывает один из важных кодов айнской культуры и истории этого этноса. Казалось бы, обращение к довольно узкой проблематике не предполагает глубокого культурно-исторического анализа. Тем не менее,

А.М. Соколову удалось всесторонне проанализировать феномен культа меча в айнской культуре, показать различные обряды с использованием мечей, традиции айнов и историю этого народа.

Во втором разделе монографии «Российские источники», подготовленном О.В. Климовой, Н.И. Шабровой и М.В. Осиповой, рассказывается о словарях айнского языка начала XIX в., метрических книгах Сахалинской походной церкви 1868–1905 гг., а также отечественных и зарубежных научно-популярных журналах второй половины XIX – начала XX вв., сыгравших важную роль в деле популяризации сведений об айнах, их истории и культуре.

Раздел открывает исследование О.В. Климовой, в котором автор обращается к одному из первых словарей айнского языка, составленному Н.П. Резановым в 1805 г., а также лейтенантом Н.А. Хвостовым и мичманом Г.И. Давыдовым во время экспедиции на Сахалин и Курильские острова в 1806–1807 гг. Следует особо отметить, что исследование опирается на не публиковавшиеся ранее первоисточники Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) и материалы Архива востоковедов ИВР РАН. Введение в научный оборот архивных материалов по истории айнского языка и культуре айнов представляет большой интерес как для историков, так и для культурологов и лингвистов.

Исследуемые материалы, представляющие собой уникальный исторический источник, в котором содержится перевод слов с языка айну на русский язык, а также данные о национальных традициях айнского этноса и укладе его жизни, хранятся в Российской Национальной библиотеке. Работа с фондами РНБ вывела автора на труды Фридриха Павловича Аделунга – немецко-русского лингвиста, историка и библиографа. В рамках исследований в области языкознания Ф.П. Аделунг занимался изучением языка айнов. На страницах архивных документов автором раздела были обнаружены многочисленные заметки, подтверждающие интерес к айнскому языку и попытки создания диалектов курильского языка. О.В. Климова отмечает, что главными источниками для Ф.П. Аделунга послужили словари айнского языка, ранее составленные Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым по поручению Н.П. Резанова.

Особый интерес представляет описанная О.В. Климовой структура словаря айнского языка – слова на русском языке, записанные без какого-либо порядка – японский эквивалент слова – слово на языке айнов. Тот факт, что у ряда слов представлено несколько вариантов перевода на айнский язык, позволил автору прийти к выводу о том, что Н.П. Резанов старался не просто создать словарь айнского языка, но и представить в этом словаре его разные диалекты.

Автор обоснованно отмечает, что при составлении словаря основной упор делался на обиходные фразы, знание которых позволило бы наладить простой диалог либо завязать с местным населением торговые отношения: «Сколько?», «Есть ли?», «Спасибо» и другие обиходные фразы. Такая задача была обоснована возможным отказом правительства Японии от установления торговых отношений с Российской империей и необходимостью развития торговли с местным населением.

В исследовании О.В. Климовой говорится о втором, доработанном варианте словаря айнского языка (1805 г.). Среди слов из айнского языка в нём встречаются японские заимствования: «это» – *коремо*, «табак» – *табако*, «ложка» – *хаси* (яп. палочки для еды).

Особенно обращает на себя внимание пояснение автора, что в конце словаря приведён счёт от одного до пятисот, с комментарием, что «далее сего счёта (айны – Ю.П.) понятия не имеют». Кроме того, в словаре айнского языка представлена и ненормативная лексика, которую Н.А. Хвостов называет «бранью». Таким образом, в словарь вошла самая разная лексика, в том числе и ругательства, использование которых очевидно помогало наладить общение.

В разделе монографии, посвящённом созданию словарей айнского языка, отмечается, что работа над словарем позволила Г.И. Давыдову не только сформировать словарь общеупотребительной лексики и выражений, но и получить информацию о местах проживания айнов, основных маршрутах их перемещения, особенностях торговых операций. Усилия по составлению словаря айнского языка не были напрасны. О.В. Климова отмечает, что всего за два года объём словаря составил примерно две тысячи слов, что позволило русским мореплавателям общаться с местным населением и получать важную информацию о торговле, диалектах айнского языка, перемещениях айнов между островами без привлечения японских посредников. Последнее имело особое значение с точки зрения российских интересов на Дальнем Востоке, так как открывало дорогу к установлению торговых отношений с айнами, что должно было поддержать колонии Российской империи в Америке.

Глава монографии, подготовленная историком М.В. Осиповой, посвящена обзору и анализу российских и зарубежных научных и научно-популярных изданий середины XIX столетия, на страницах которых публиковались статьи об айнах, их истории, культуре, укладе жизни, а также выдвигались теории происхождения данного этноса.

Интерес М.В. Осиповой к научно-популярным изданиям указанного периода далеко не случаен. XIX век, «... который преобразил мир», стал временем стремительного развития научной мысли, пересмотра существовавших научных теорий и появления новых концепций. Именно в это время в России и за рубежом на первый план выходит задача распространения и популяризации научных знаний, обеспечения взаимодействия между научным миром и обществом. В России, Германии, Франции, Великобритании и Соединённых Штатах появляется значительное число соответствующих изданий, публиковавших статьи по самым различным направлениям науки того времени. Очень важным было не просто изложить новые научные данные или подходы к соответствующей научной проблематике, а представить их в доступном виде, понятном и интересном для самой широкой аудитории. М.В. Осипова обоснованно отмечает, что главная роль в популяризации новых научных данных отводилась не столько специальным научным изданиям, сколько газетам и научно-популярным журналам, предназначенным для широкой аудитории.

В деле популяризации науки не стала исключением и научная проблематика изучения айнов. Авторами первых научно-популярных публикаций и очерков по истории и современному состоянию айнского этноса были как представители научных кругов, так и профессиональные военные, врачи, участники этнографических и географических экспедиций, а также просто энтузиасты, интересовавшиеся историей айнов и занимавшиеся анализом и систематизацией уже имевшихся о них сведений.

Раздел монографии, подготовленный М.В. Осиповой, логично разделён на несколько подглав, в которых автор рассказывает о наиболее значимых изданиях и публикациях по истории и современному положению айнов в России и за рубежом.

Среди публикаций по истории и культуре айнского народа и научно-популярных изданий этнографического направления в России автор отмечает дневниковые записи «Остров Сахалин» Н.В. Буссе, работы Б.О. Пилсудского, морского офицера П.И. Ибиса, сборники и журналы «Вокруг света», «Вестник Европы», «Всемирный путешественник», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение стран света», «Северная звезда» и др. Представленная в разделе информация позволяет составить представление о том, что в Российской империи в XIX в. уделялось достаточно серьезное внимание изучению айнов, условий их жизни на Сахалине, Курилах и Хоккайдо. В публиковавшихся материалах выдвигались гипотезы о происхождении этого народа, анализировался уровень жизни, влияние на айнов современной цивилизации.

В ряду немецких изданий, публиковавших этнографические материалы, М.В. Осипова выделяет немецкую ежедневную газету *Das Ausland* («Зарубежье») и журнал *Globus* («Глобус»), в которых было представлено наибольшее число этнографических исследований, посвященных айнам. В немецких научно-популярных изданиях мы находим описание жизни курильских айнов в последней трети XIX в., наиболее ценных добываемых ими пород рыбы и зверя. Статьи содержат информацию об условиях разведения и содержания айнскими собаками, средствах передвижения этого народа, ремеслах и шаманизме. М.В. Осипова подводит читателя к обоснованному выводу, что публикации в немецких изданиях позволяли составить представление о культуре айнов и особенностях их жизни, культуре питания и верованиях.

Характеризуя жизнеописание и культуру айнского народа в научно-популярных изданиях Великобритании, автор констатирует их немногочисленность. В основном, почерпнуть информацию об айнах можно было в журналах *The Geographic Magazine*, *The Art Journal*, *Black and White*, *Edinburgh Review*, *The Wide World Magazine*, *The Scottish Geographical Magazine*. Статьи и очерки отличались краткостью представления информации. Кроме того, английские издания не отличались публикацией работ на этнографическую тематику, подготовленных серьезными исследователями. За редким исключением, информация была нацелена по большей части на развлечение читателя и представляла собой беллетристику.

История происхождения айнов и их дальнейшее распространение на островах Тихого океана, семейные традиции этого народа, доисторическое население Японских островов и многие другие смежные вопросы поднимались американскими исследователями (А. Бикмор, Р. Хичкок, Д. Гудрич, М. Лумис) в изданиях *The American Antiquarian and Oriental Journal*, *The American Journal of Science and Arts*, *Century Magazine*. В частности, высказывалось мнение, что айны вышли из Центральной Азии. В дальнейшем через северные границы Монголии они достигли Амура и далее Сахалина. Кроме того, высказывалась точка зрения, что на острова Тихого океана айны попали через Корейский полуостров.

Предпринятый М.В. Осиповой анализ российских и зарубежных научно-популярных изданий и отдельных публикаций свидетельствует, что они не просто выполнили задачу по установлению взаимодействия между научным миром и обществом, но и составили очень важный и актуальный на сегодня пласт первоисточников по истории и культуре аборигенного населения дальневосточных островов тихоокеанского побережья. Даже в наши дни без использования этих публикаций едва ли возможно обращение к прошлому аборигенных этносов, их происхождению и культурным традициям.

Завершает второй раздел коллективной монографии исследование Н.И. Шабровой, посвящённое численности и расселению айнов на Сахалине во второй половине XIX в. В качестве первоисточников автором были использованы материалы архива Сахалинской области, а также этнографические работы на русском языке.

Н.И. Шаброва констатирует противоречивость сведений об айнах в работах сахалинских краеведов и исследователей, а также указывает на любопытный факт: до последнего времени никому из учёных не удалось посчитать точное количество проживавших на Сахалине айнов и число их поселений. В этой главе автор акцентирует внимание на первоначально кочевом образе жизни переселившихся на Сахалин из Японии айнов, который объяснялся поисками удобного места для проживания. Необходимыми условиями являлось наличие нерестовой реки, лесных угодий либо морского побережья, где можно было охотиться на нерп, китов и других морских животных.

В данном разделе монографии приведены статистические данные о количестве проживавших на о. Сахалин айнов, числе айнских поселений, а также уровне рождаемости. Высокий уровень смертности среди айнов объяснялся низким уровнем жизни, отсутствием квалифицированной врачебной помощи. Ещё в XIX в. путешественники и исследователи, посещавшие Сахалин, были вынуждены констатировать, что при существующем образе жизни данный этнос обречён на полное вымирание.

Н.И. Шаброва отмечает недостоверность данных переписи айнов на Сахалине и указывает, что наиболее ценным источником информации о проживавших на Сахалине айнах являются Метрические книги Сахалинской походной церкви 1868–1905 гг. Содержание данного раздела монографии свидетельствует, что получить относительно достоверные сведения об особенностях жизни и повседневного быта сахалинских айнов позволили фонды Сахалинского архива. Сведения, представленные Н.И. Шабровой, носят по большей части отрывочный характер. Тем не менее, они позволяют судить о проблемах, с которыми сталкивались сахалинские айны. В частности, автор приводит пример того, как из-за запрета местной администрацией охоты на соболя они терпели серьёзные убытки. При этом доподлинно неизвестно, была ли разрешена айнам охота на соболя или нет. Н.И. Шаброва отмечает, что пролить свет на прошлое сахалинских айнов могли бы материалы архива Дальнего Востока, многие из которых на сегодняшний день остаются недоступными для исследователей.

Третий раздел монографии «Японские источники» включает комментированные переводы японских источников об айнах. Известный представитель Санкт-Петербургской школы японоведов В.Ю. Климов обратился к источнику «Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» (автор – Хабуто Масаясу), представляющему собой историю управления землями айнов правительством Японии на рубеже XVIII–XIX вв. В разделе проанализированы первые две тетради указанного японского источника.

«Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя», которые анализирует В.Ю. Климов, содержат ценную информацию по истории отношений между Японией и Россией в начале XIX в., а также этнографические сведения об айнах и другом аборигенном населении Сахалина и Курил.

Для того чтобы более точно представлять себе структуру этого японского первоисточника, следует охарактеризовать его основные разделы. Записи Хабуто Масаясу состоят из нескольких тематических рубрик, включающих в себя описание территории

проживания айнов, случаев пребывания русских первопроходцев на Курилах, описания айнов, их быта, традиций, мероприятий Японии по переходу «земель варваров» под японское управление. Приведена информация о японских судах, предназначавшихся для экономического освоения этих территорий и морских перевозок. Отдельно описан инцидент с нападением медведя на одно из поселений айнов и последовавшие за этим меры японцев по обезвреживанию дикого зверя. В документе приводятся данные о мерах японской администрации, призванных воспрепятствовать продвижению русских на юг Курил – запрет на распространение среди айнов православия и контрмера – распространение буддизма. В источнике уделено внимание несению в «землях варваров» постоянной караульной службы, ротации чиновников и т.д. Кроме того, говорится о необходимости обеспечения безопасного мореплавания вдоль восточного побережья Хонсю и доставки в земли айнов продуктов питания.

Особый интерес безусловно вызывает представленная в данной главе монографии информация о жизни айнов, особенностях их быта, культуре питания, погребальных обрядах. Знакомясь с комментированным переводом «Записей о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя», невольно представляешь себя в том далёком времени среди аборигенов с их «варварскими» традициями и обычаями.

Аборигенов Хабуто называет людьми, которым совершенно неведомо понятие человеческой морали. При изучении этого исторического документа и приведённых В.Ю. Климовым комментариев, складывается целостная картина условий, в которых двести лет назад жили айны. Жилище, напоминающее землянку с земляным полом, покрытым циновками. Одежда из собачьего меха либо вообще её отсутствие. Основной рацион питания – рыба, птица, звери. При этом из-за нехватки котелков для приготовления пищи мясо и рыбу айны часто ели сырыми. Среди айнов были распространены инфекционные заболевания – корь, оспа, сопровождавшиеся высокой смертностью. По-видимому, в силу того, что никакого лечения от инфекций не было, айны даже не вели учёта количеству погибших от болезней. Если умирала целая семья, их закапывали в землю, а жилище сжигали.

Судя по анализируемому в главе первоисточнику, Япония была обеспокоена продвижением России на Курилы. Хабуто Масаясу образно сравнивает Россию с шелкоичным червём: подобно тому, как червь постепенно проникает в «сочную плоть листа», русские шаг за шагом «поглощают остров за островом, относящиеся к восточным землям айнов». В документе говорится о решении центральных властей взять под защиту и охрану восточные земли айнов. Видя угрозу в лице российских первопроходцев и торговцев, центральное правительство Японии устанавливает прямое управление над восточными и западными землями айнов. Решение направить своих чиновников на южные острова Курильской гряды объяснялось неспособностью княжества Мацумаэ держать под контролем эти территории.

Из «Записей» следует, что исторические права Японии на земли айнов обоснованы зафиксированным в «Нихон сёки» упоминанием об этом народе, который подчинился японцам. На это В.Ю. Климов обоснованно отвечает, что отсылка автора документа к древнему письменному памятнику «... не является оригинальной и не прибавляет убедительности в утверждении, что земли айнов ... являются неотъемлемой частью японского государства».

Приведённые в Записях сведения о пребывании русских первопроходцев на Курилах с 1765 по 1795 гг. свидетельствуют, что отношения между ними и аборигенами складывались по-разному. Описан случай, когда Иван (Яков) Никанов в 1770 г. застрелил двух тойонов и «... привёл к подчинению айнов». В то же время указывается, что между русскими и айнами в итоге установился мир и они организовали торговлю друг с другом.

В.Ю. Климов не обошёл своим вниманием тот факт, что русские первопроходцы в действительности не меняли названия топонимов, продвигаясь на юг по островам Курильской гряды, о чём говорится в рассматриваемом японском источнике: «... как известно, в русском языке многие топонимы перешли из айнского». Кроме того, в главе приводится пример того, как сами же японцы поменяли в 1805 г. название реки Сикоцу-кава и прилегающей местности в Титосэ. Причина заключалась в «неблагозвучном» для японского слуха (но не для айнского! – Ю.П.) звучании местного названия Сикот – «Большая лощина» (айн. яз.) – «кости смерти» (яп. яз.). Стараниями Хабуто Масаясу и другого японского чиновника Ямада Рихэй Ёсимицу «Большая лощина» превратилась в топоним, состоящий из иероглифов тысяча 千 (с чтением *ми*) и десять тысяч 歳 (с чтением *мосэ*).

Учёного нельзя заподозрить в необъективности при рассмотрении деятельности японцев на Хоккайдо и южных островах Курильской гряды. В главе говорится об успехах Японии в деле развития животноводства на Хоккайдо, создании системы оказания врачебной помощи айнам за счёт государственной казны. Вместе с тем, В.Ю. Климов высказывает аргументированную точку зрения, что данные мероприятия правительства Японии осуществлялись не столько из соображений заботы об аборигенном населении, сколько на фоне продвижения России на юг Курил и стремления японцев в этих условиях завоевать симпатии айнов.

Предпринятый В.Ю. Климовым анализ документа «Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя», составленного Хабуто Масаясу, а также представленные учёным комментарии, пояснения и выводы раскрывают несколько важных страниц прошлого Японии и России. Сюда вошла история освоения так называемых земель варваров Японией, освоения Курил русскими первопроходцами, деятельность японских чиновников, направлявшихся для управления местным населением. Данная глава монографии представляет несомненный научный интерес с точки зрения изучения истории российско-японских отношений. Следует также отдельно подчеркнуть, что данная глава коллективной монографии содержит ценный и интересно изложенный материал об истории айнского народа, его культуре и обычаях.

Рассмотрение японских источников продолжает глава монографии, подготовленная А.В. Климовым: «Каботажные перевозки в Японии конца XVIII – начала XIX вв. и первый морской переход из Эдо в Аккэси (по «Рассказам о северных варварах»)». В данной главе рассказывается об истории японского каботажного плавания в конце XVIII – начале XIX в. В главе представлен перевод и исторический анализ японского первоисточника, составленного Мацуда Дэндзюро, о первом в японской истории морском переходе из Эдо (Токио) в Аккэси – северо-восточные земли, заселённые айнами (о. Хоккайдо).

Автор отмечает важность морских перевозок в экономике Японии. Данная отрасль стала развиваться в период Эдо (1603–1868 гг.), когда в каботажном судоходстве эксплуатировалось несколько тысяч судов. Все грузовые перевозки в Японии в рассматриваемый период ориентировались на Эдо, поскольку столица являлась самым

крупным рынком потребления. Каботажные перевозки играли не менее важную роль с точки зрения освоения территорий, где проживали айны. Для Японии выстраивание постоянных маршрутов для доставок товаров морем было также необходимым условием поддержания контроля над этими территориями.

На основе привлечения японских первоисточников А.В. Климов приводит терминологию судов, используемую в японской историографии, и отмечает, что в Японии грузовые суда, задействованные в каботажном плавании, различались по маршруту доставки грузов, а не своей конструкции. Здесь же представлена не менее интересная информация о времени перевозки грузов между центральными районами Японии и отдалёнными населёнными пунктами. В главе говорится, что товары, отправлявшиеся из Мацумаэ, достигали Киото или Осака в течение 10–13 дней. Здесь А.В. Климов справедливо отмечает, что «... японцы из клана Мацумаэ, имевшие отношение к торговым операциям и перевозкам, испытывали влияние культуры и языка региона Киото – Осака».

Обращают на себя внимание приведённые автором объяснения и уточнения относительно грузоподъёмности японских судов, использовавшихся в каботажном плавании. А.В. Климовым была проделана серьёзная работа с японскими метрическими показателями и соотношением их с регистровой тонной. Это позволяет даже неспециалисту в традиционной японской метрической системе составить представление о японских каботажных судах, их грузоподъёмности и масштабах транспортировки грузов. В главе даётся подробная характеристика грузовых судов, совершавших перевозки из порта Цуруга в Мацумаэ вдоль западной оконечности Хонсю по Японскому морю – длина, ширина, осадка, высота мачты, размер паруса, количество членов экипажа.

А.В. Климов указывает, что морские перевозки осуществлялись не только специальными каботажными судами. Товары и грузы доставляли также «корабли, взламывающие лед» – *дзайварибунэ* (первые суда, приходившие в феврале в Мацумаэ с товарами и провиантом), лодки *наватодзибунэ*, а также мелкие суда, получившие название *комаварисэн*. Всего же автор выделяет шесть основных типов судов каботажного плавания и приводит их особенности – тип судна, размер судна (по грузоподъёмности в *коку* риса, количество членов экипажа), плата за посреднические услуги оптовикам (судовое агентство в Эдо).

Очень интересно читается описание морского перехода из Эдо в Аккэси, начавшегося 25 марта и закончившегося 31 июля. В анализируемом А.В. Климовым японском первоисточнике приводятся интересные подробности этой экспедиции, из которых можно представить, насколько опасным и непредсказуемым занятием являлось морское судоходство два столетия назад. В документе упоминаются сильное морское течение, препятствовавшее продвижению судна, густой туман, из-за которого капитан не имел возможности определить его местонахождение. Настроение участников экспедиции в сложные моменты передаёт высказывание: «Царила полная неопределенность. Даже капитан корабля стал терять самообладание».

Не менее интересным представляется описание религиозных обрядов, использовавшихся моряками, когда они молят богов о покровительстве в мореплавании – ритуал поклонения парусам, «мольба о хорошей погоде» и т.д. Описан случай, когда направление было выбрано после совершения командой соответствующего обряда: «... И боги явили волю: плыть на север».

В главе рассказывается о встрече экспедиции с айнами и приводится описание их внешнего вида: неаккуратно постриженные растрёпанные волосы, брови, образующие практически ровную линию, похожую на иероглиф «один» (*ити* 一); «в ушах у них были латунные серьги в форме круга, свисавшие с мочек. Одеты они были в звериные шкуры. Выглядели оба неприглядно...».

Эти и другие подробности о морском переходе из Эдо в Аккэси рисуют очень достоверную картину экспедиции и трудностей, с которыми пришлось столкнуться её участникам. Итогом перехода явилось установление кратчайшего пути из столицы в восточные земли айнов, а также установление коммерческих маршрутов на восток о. Хоккайдо.

Японский источник, который проанализировал А.В. Климов, содержит значительное число устаревших терминов и топонимов. Однако автору главы удалось найти соответствующие русскоязычные эквиваленты. Представленные в работе детальные пояснения, авторские комментарии и отсылки к работам других учёных позволяют при ознакомлении с содержанием главы разобраться в японской метрической терминологии, особенностях обозначения каботажных судов, их грузоподъёмности, логистических схемах, существовавших в рассматриваемый период.

Коллективная монография «Новые источники по истории и культуре айнов» под редакцией В.В. Щепкина объединила исследования российских учёных, в которых проанализированы материальные и письменные источники по истории и культуре айнов, а также поднимается важная проблема дальнейшего изучения и сохранения прошлого этого этноса. В работе также исследуется история японского каботажного плавания и установления морского сообщения между Эдо и отдалёнными районами Хоккайдо с проживавшими там айнами. Вне зависимости от поднимаемой в разделах проблематики каждый исследователь внёс важный вклад в изучение айнской культуры и традиций, перевод и описание первоисточников на русском и иностранных языках, а также изучение истории российско-японских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Коллективная монография / под ред. В.В. Щепкина. Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Издательство «ЛЕМА». 2020.
- Новые источники по истории и культуре айнов. Коллективная монография / под ред. В. В. Щепкина. Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург: Издательство «ЛЕМА». 2021.

REFERENCES

- Shepkin, V.V. (Ed.). (2020). *Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv. Kollektivnaya monografiya* [Ainu in the History of Russian-Japanese Relations in the 18th–19th Centuries. Collective Monograph]. Institute of Oriental Manuscripts. The Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: LEMA Publishing House. (In Russian).
- Shepkin, V.V. (Ed.). (2021). *Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov. Kollektivnaya monografiya* [New Sources on the History and Culture of the Ainu. Collective Monograph]. Institute of Oriental Manuscripts. The Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: LEMA Publishing House. (In Russian).

Поступила в редакцию:	15.08.2022	Received:	15 August 2022
Принята к публикации:	22.08.2022	Accepted:	22 August 2022

Научное издание

Японские исследования

№ 3, 2022

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Технический редактор:	О.И. Казаков

Дата публикации:	05.10.2022
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 3, 2022

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	O.I. Kazakov

Date of issue:	5 October 2022
----------------	----------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日本研究